

Отделение историко-филологических наук

Воротников Ю.Л.

**«КАК БЫ НА САМОМ ДЕЛЕ, ДА?»
ИЛИ
«О ЧЁМ ГОВОРЯТ ПАРАЗИТЫ»?**

Москва
2019

УДК 81-25
ББК 81
Б75

Воротников Ю.Л.

«Как бы на самом деле, да?» или «О чём говорят паразиты»? /
М.: Российская академия наук, 2019. – 138 с.: 11 ил. – (Научно-популярная литература).

ISBN 978-5-907036-70-3

Что такое слова-«паразиты»? И только ли слова бывают «паразитами» в языке? А поэтому – и что такое физиологические «звукопаразиты»? И о чем же все эти «паразитические» единицы языка нам говорят? Может быть, о болезни языка, которую автор называет «словорея – словорит – словорезнь»? Или даже о «языковом стиле эпохи», который отражает (и выражает) стиль мышления, миропонимания нашего времени? На эти и многие другие вопросы автор пытается дать ответы в своей книге.

Для читателей самых разных возрастов и специальностей, озабоченных современным состоянием русского языка, пекущихся о его будущем и готовых разбираться в некоторых, иногда не простых, проблемах современной науки о языке.

ISBN 978-5-907036-70-3

© Воротников Ю.Л., 2019

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I: «КАК БЫ НА САМОМ ДЕЛЕ»	7
Вступительные замечания	7
«Скажи мне, какое у тебя слово-паразит...»	7
Отступление теоретическое № 1: О модальных частицах	9
Н.Д. Арутюнова о модальной и признаковой неопределённости	11
<i>Как бы</i> в языке Ф.М. Достоевского	13
<i>Как бы</i> в языке В.И. Ленина	17
<i>Как бы</i> в языке «текущего момента»	23
<i>Кагбэ</i> в упячке	28
А что на самом деле?	32
Глава II: ДА – ФАТИЧЕСКОЕ	36
«Да нет, наверное»	36
Отступление теоретическое № 2: О модальности	43
P.S.	45
«Странное» <i>да</i>	45
Отступление объяснительное: Про «Эхо Москвы»	45
Отступление теоретическое № 3: Об интонации	46
Отступление кинематографическое: Про <i>ку</i> и <i>да</i>	50
Отступление теоретическое № 4: О функциях языка	53
<i>Да</i> – фатическое и муравьи	58
P.S.	61

Глава III: ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ «ЗВУКОПАРАЗИТЫ»	63
Вступительные замечания	63
Отступление теоретическое № 5: О междометиях	67
«Им несть числа!»	71
Отступление теоретическое № 6: О знаках	83
О знаковой природе физиологических «звукопаразитов»	88
Физиологические «звукопаразиты» и публичная интимность	95
Интимная публичность	97
P.S.	99
SOS!	99
 Глава IV: ЯЗЫКОВОЙ СТИЛЬ ЭПОХИ	100
«Паразиты» – кто (или что) это?	100
О «словорее–словорите–словорезни»	102
Постмодернизм?	105
«Новая искренность»?	109
Отступление философское: Про «новую искренность»	109
Отступление мемориальное: Про С.Л. Доренко	113
Языковой стиль эпохи и «Дом бытия» (на правах теоретического отступления)	122
 «ФИЛОСОФСКИЙ» ЭПИЛОГ	127
 P.S.	130
 ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ	132

*Светлой памяти Нины Давидовны Арутюновой,
прекрасного ученого и остроумнейшего человека,
автор посвящает свою книгу*

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

В название этой книги автор вынес «как бы» две цитаты. О первой из них – ниже. А пока – о второй. И вот по её поводу осведомлённый Читатель может возопить: «Ну, автор, даё! Ведь украл – и глазом не моргнул! Ведь это – точь-в-точь название одной из главок книги М.А. Кронгауза “Русский язык на грани нервного срыва”!» Да, это так. Что поделаешь, после выхода в свет книги Максима Анисимовича писать о современном состоянии русского языка, не ссылаясь на неё, просто невозможно (если, конечно, у пишущего нет злонамеренного желания эту книгу замалчивать, а у автора такого желания определенно нет).

Автор кается, но добавляет: «Не украл, а вполне осознанно процитировал (см. “закавыченность” подзаголовка)». И не совсем (а может, совсем не) «точь-в-точь». У М.А. Кронгауза этот заголовок лишен вопросительного знака и звучит в эпически-повествовательном ключе: дескать, я вам расскажу (поведаю), о чем говорят паразиты. И кое-что он, действительно, рассказывает. А вот от ответа на вопрос, что о нашем времени говорит паразит *как бы*, демонстративно уклоняется¹.

Илл. 1. Член-корреспондент РАН Нина Давидовна Арутюнова (1923–2018)

Автор, напротив, формулирует свой подзаголовок в виде предложения вопросительного, вынося вопросительный знак за кавычки, замыкающую цитату из книги М.А. Кронгауза, тем самым как бы вступая с ним в диалог: «Вы правы, конечно, паразиты говорят, но о чем же, такие-сякие, они говорят?!» Тон автора – вопросительный, или недоуменно-вопроситель-

ный, или даже риторически-возмущенно-вопросительный. Помните, как у Цицерона: «Доколе будешь испытывать, Катилина, терпение наше?» Для Катилины, как известно, риторическое искусство Цицерона оказалось роковым: он был изгнан из Рима, а вскоре погиб в битве. Автор не думает, что результат его риторических упражнений для паразитов будет схожим и они из русского языка будут изгнаны. Да автор к этому и не призывает. Он просто хочет разобраться, как паразиты в языке появляются и о чем-таки они говорят?

И последнее замечание, но, как говорят англичане, *the last but not the least* (последнее по месту, но не по значению). Этот как бы «этиюд в неопределенных тонах» посвящен памяти Нины Давидовны Арутюновой, члена-корреспондента РАН, выдающегося ученого и искрометно остроумного человека. В одной из книг, ответственным редактором которой была Нина Давидовна, издательство допустило ужасную опечатку: вместо «концепты» было напечатано «конспекты», и Нина Давидовна преподнесла её автору с дарственной надписью, где было написано: «от безответственного редактора этих “конспектов”». Эта же книга была напечатана бледным, да ещё и выцветающим со временем шрифтом. И Нина Давидовна шутила: «Я жду момента, когда открою книгу – а там только чистые страницы! И это будет самый выдающийся научный труд, который мне довелось редактировать».

Книгу, которую автор будет много цитировать, Нина Давидовна преподнесла с надписью: «С любовью и списком опечаток». Обе эти книги уже потрепаны, многие страницы загнуты, многие места подчеркнуты, поля пестрят восклицательными знаками. Автор в них часто заглядывает, но, наверное, недостаточно бережёт. А вот память о Нине Давидовне он хранит свято...

Итак, главные «герои» книги – это, действительно, **«паразиты»**: слова, словосочетания (часто фразеологизированные), частицы разные и даже... Хм. Как их назвать? Ну, пусть будут – «звукопаразитами». Но не только. Пойдет речь и о том, как вся эта «нечистая братия» связана с **«языковым стилем эпохи»**. И что такое – этот стиль. И как он связан с жизнью нашей суетной сегодняшней: как из неё проистекает и как на неё влияет. Да и о том, каковы мы сами в этом потоке мимотекущего бытия, кое-что сказано будет.

Вот такую интригу «закручивает» автор в своей книге.

Ну и (уж извините, уважаемый Читатель) автор не может не сказать о некоторых (порой непростых) проблемах современной науки о языке. И нельзя не заметить, что все эти **теоретические** отступления Читатель не сможет опустить без ущерба для понимания того, что содержится в основном тексте книги. Так что всё-таки лучше было бы ему их прочитать. А вот остальные отступления (не теоретические) совершенно безболезненно можно пропустить.

Такая вот книга у автора получилась.

Ну что, читаем?

Глава I. «КАК БЫ НА САМОМ ДЕЛЕ»

Вступительные замечания

Несколько слов о цитате в названии главы. Не так давно, а именно 4-го апреля 2018 года, автор был участником беседы трех филологов на свои профессиональные темы. И вот по ходу этого диалога (не в смысле 'разговора двоих', а в исконном, идущем из древнегреческого языка значении 'обмен словами между двумя или несколькими лицами'!) один из его участников (уважаемый крупный ученый, увенчанный высокими научными званиями) употребил вот такое парадоксальное сочетание слов: ...**как бы на самом деле**... Автор, в то время как раз озабоченный написанием данного «этюда», буквально подпрыгнул на стуле и радостно вскричал: «О! Можно, я использую Ваше высказывание в своей работе?!» И добавил: «Сохраняя инкогнито, конечно». Коллега согласился (впрочем, как автор заметил, не без некоторого смущения). Автор поспешил воспользоваться его любезным разрешением. Так у «этюда» появилось название.

Парадоксальное сочетание *как бы на самом деле* (реально прозвучавшее – в этом автор ручается) ни в коей мере не подвергалось сомнению и не подчеркивало безусловное соответствие «истинному положению дел» ни начала высказывания коллеги, ни его завершения (довольно пространных и относящихся к общей теме диалога, представляющей исключительно профессиональный интерес). Перед нами, увы, чистой воды слова-паразиты. И все же, если слова-паразиты о чем-то говорят, то о чем они могут нам сказать в этом случае?

Главку «О чём говорят паразиты» М.А. Кронгауз поместил в раздел своей книги «Русский язык на грани нервного срыва», названный «Ключевые слова эпохи». И закончил эту главку так: «Тот факт, что именно *как бы* стало самым распространенным словом-паразитом нашего времени, на мой взгляд, свидетельствует о нашем времени. Вы спросите: “Как?” Да я типо уже написал. Дальше думайте как бы сами».² Да, прямо как Николай Васильевич Гоголь сказал когда-то: «Не даёт ответа».

Ну что ж, давайте думать сами, что же говорит нам о нашем времени это, без сомнения, «ключевое слово эпохи», этот «паразит» *как бы* (ну и, конечно, его неперменный спутник, даже его антагонист *на самом деле*).

Давайте уже, на самом деле, как бы разберемся, да?

«Скажи мне, какое у тебя слово-паразит...»

Часто предполагается, что слова-паразиты говорят что-то (вернее – многое!) о том, кто их использует. И.Б. Левонтина, например, пишет: «Кажется, что не важно, пересыпает ли человек свою речь бесконечными *так сказать*

или предпочитает *это, типа* или *как бы*. В действительности это совсем разные люди». ³ Смотрите также многочисленные публикации на эту тему в интернете ⁴ с названиями, например, «Что о нас говорят слова-паразиты» или даже «Скажи мне, какое у тебя слово-паразит, и я скажу тебе, кто ты» (см.: zhizn-new.ru). В этих словах мы можем увидеть душу говорящего. См. название интернет-публикации «Слова-паразиты выдают секреты и психотипы души» (libo.ru).

Каким же в этом «зеркале» мы могли бы увидеть моего коллегу, употребившего в своей речи сразу и слово-паразит *как бы*, и *на самом деле*? Какие «секреты его души» они выдают?

Во-первых, люди с каким «психотипом», согласно интернету, используют слово-паразит *как бы*?

1. «**Как бы**» – это творческие натуры. Такая личность часто проводит время в своем собственном, выдуманном мире. Именно этим выражением такие люди неосознанно подчеркивают свою сущность, свою оторванность от социума, свое отношение к жизни» («Слова-паразиты как зеркало души», libo.ru).

2. «**Как бы**» – словечко подростков и творческих людей, которые неосознанно (такие вот *несознательные* – Ю.В.) подчеркивают этим неопределенность по жизни (так! – Ю.В.)» (автор – Кристина Блажиевская, sil.ru).

«По жизни» мой коллега уже давно не подросток, но натура, действительно, творческая. А больше и порадовать его нечем: «несознательный», «неопределившийся», ещё хлеще: живет в «выдуманном мире», «оторван от социума». М-да.

Нелестно звучат и слова М.А. Кронгауза: «Так разговаривает (используя слово-паразит *как бы* – Ю.В.) подчиненный с начальником, заинтересованное лицо с влиятельным и т.п.». ⁵ Правда, Максим Анисимович несколько успокаивает: «<...> это слово стало своеобразным инструментом вежливости», но тут же добавляет: «(или “как бы вежливости”))» ⁶. Да, слабоватое утешение.

Но М.А. Кронгауз снимает хоть один возможный упрек в адрес моего коллеги: «<...> слова-паразиты встречаются как у неграмотных носителей языка, так и у грамотных, которые размышляют в процессе речи и заполняют паузы какими-то звуками, каким-нибудь эканьем». И покаянно причисляет и себя к этой плеяде «грамотных пользователей паразитами»: «Я, в частности, употребляю “э-э-э”» (Кронгауз М.А. «Типа на фиг. О словах-паразитах, Polonsil.ru). Ну что же, хоть что-то положительное: грамотный все же, а не какой-то невежда.

Так кто же мой коллега, если судить по «его» слову-паразиту *как бы*? Ну, грамотный, ну, вежливый (правда *как бы*), ну, творческая личность (слава Богу!), но: а) неосознательный; б) неопределившийся; в) живет в выдуманном мире; г) оторван от социума, а ещё и – д) выпрашивающий что-то у начальника подхалим. Вот те на!..

Ну а что со словом-паразитом коллеги *на самом деле*? Может, хоть здесь получше обстоят дела? Посмотрим, что по этому поводу говорит интернет.

1. **«На самом деле»**. Если человек начинает разговор с фразы “на самом деле” – это говорит о его чрезмерной самоуверенности. Спорить с ним проблематично, потому что человек уверен, что именно он знает истину» («Скажи мне, какие у тебя слова-паразиты, и я скажу тебе, кто ты», zhiznnew.ru).

2. «“На самом деле” – атрибут высокомерных и занудных особ, ставящих свое мнение и “богатый” внутренний мир на первое место» (Кристина Блажиевская. «Что о нас говорят слова-паразиты?»).

О, господи! Самоуверенный, высокомерный зануда, да и внутренний мир у него псевдобогатый какой-то. Да-а-а.

Но позвольте, получается, что паразит *на самом деле* употребляют люди совсем иного «психотипа» души, чем те, кто любит паразит *как бы*. Об этом О.И. Северская пишет: «В то время, как одни как бы живут и как бы разговаривают, другие становятся прямо-таки “гиперреалистами”: на самом деле, как пелось когда-то, “встречаются, влюбляются, женятся”, на самом деле воспитывают детей, в самом деле ходят на работу...».⁷

А что же мой коллега? Ведь у него одновременно «в любимчиках ходят» сразу два паразита: и *как бы*, и *на самом деле*. Что же, он одновременно и *как бы* живет в «выдуманном мире» – и *на самом деле* «встречается, влюбляется, женится»? И «выдумщик», фантазер – и «гиперреалист»? Неопределившийся – но самоуверенный. Высокомерный – но подхалим. Как это? Какая, все же, противоречивая личность, хоть и творческая, конечно. Да еще и зануда. Да еще и псевдовежливый. И внутренний мир у него псевдобогатый. Да-а-а. Небезосновательно было смущение моего коллеги, когда он давал согласие на использование своего парадоксального высказывания в моей работе. Вот чего он, оказывается, боялся – что выведут его на чистую воду. Что отразят его паразиты его смятенную душу и скажут всем, «ху из» он!

Нет, все же что-то тут не так. Что-то не клеится у нас со словами-паразитами *как бы* и *на самом деле*. Попробуем разобраться, и прежде всего – с паразитом *как бы*.

Отступление теоретическое № 1: О модальных частицах

В своем «Грамматическом учении о слове» академик В.В. Виноградов выделяет в русском языке, наряду с прочими структурно-семантическими типами слов, также и тип частиц, который, в свою очередь, подразделяется на восемь основных разрядов. Восьмой разряд составляют частицы модально-приглагольные, в том числе и тесно связанная с частицей *бы* составная частица условно-желательного наклонения *как бы*, например: *как бы улизнуть незаметно?*⁸

Академическая «Русская грамматика» среди частиц эту частицу не упоминает. Здесь *как бы* отнесено к составным (неоднословным) союзам.⁹ Зато

среди частиц мы встретим частицу *как будто*, совмещающую «значение неуверенности, неясности с функцией союза, вводящего недостоверное сравнение»¹⁰.

Илл. 2. Академик Наталия Юльевна Шведова (1916–2009)

Позже ученица В.В. Виноградова академик Н.Ю. Шведова причислила и *как бы* к разряду частиц (правда, с пометкой разг., то есть в разговорной речи) и указывала такое ее значение: «выражает приблизительное подобие, сходство».¹¹ На втором месте приводится толкование *как бы* как союза, выражающего сравнение.¹² Будучи учеником Н.Ю. Шведовой, придерживается трактовки *как бы* как частицы и автор «этюда».

Надо сказать, что подобная трактовка *как бы* не единственно возможная и, соответственно, не общепринятая. Например, в так называемом «Малом академическом словаре» мы находим сравнительный союз *как*, который в разговорной речи в сочетании с «будто», с частицей «бы» или в сочетании с «будто бы» (*как будто, как бы, как будто бы*), а также в сочетании со словами «словно», «точно», «вроде» (*словно как, точно как, вроде как*) «употребляется для выражения условно-предположительного сравнения».¹³

А если говорить о диахроническом аспекте, то можно определенно сказать, что частицей *как бы* было не всегда, и история его до сих пор не вполне ясна. Даже у А.С. Пушкина *как бы* – это еще вряд ли частица. «Словарь языка Пушкина», по крайней мере, приводит его трактовку или в качестве вопросительного местоименного наречия (*как бы нам о том проведать?*), или в значении союза (*И нестерпимая тоска, Как бы холодная рука...*).¹⁴

Впрочем, как всегда оригинален в истории лексикографии В.И. Даль. Его трактовка и его примеры – почти современные (правда, с иной орфографией и без употребления термина «частица»). В его словаре находим: «*Какбы, какбыть, будто, подобно чему, в виду. Он какбы отнекивается, будто, похоже на то. Какбы изсера-зеленоватый*».¹⁵

Надо сказать, что модальные частицы вообще – это подразряд частиц не вполне точно очерченный и с точки зрения его лингвистической легитимности не вполне «добропорядочный». Сколько таких частиц и какова их роль в языке – всё ещё большой вопрос.¹⁶

Более того, сам термин «модальные частицы» подвергается сомнению. Часто вместо него употребляется не вполне ясное ни с точки зрения его, так сказать, «глубины», ни с точки зрения его «ширины» терминологическое обозначение «дискурсивные слова». Так, в соответствии с французской традицией, называются языковые единицы, «которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста, и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему; как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т.п.». Они «выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения; соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом».¹⁷

Вот такие важные слова. И наше *как бы* в их число, конечно, попадает. Но... Во-первых, все же надо понять, так ли уж их название, восходящее (тоже согласно **французской** традиции) к термину «дискурс» (настаиваю именно на таком ударении!)¹⁸, соответствует традиции **российского** языкознания? И вообще определиться, что мы называем этим термином.¹⁹

И потом. Автор склонен почаще применять «бриту Оккама» и следовать мудрому завету философа: «Не следует множить сущности без необходимости».²⁰ При этом автор помнит, что «брита Оккама» – не аксиома, а только презумпция, не запрещающая более сложные объяснения, а лишь рекомендуя гипотезы менее «громоздкие». Поэтому в дальнейшем, вслед за Н.Ю. Шведовой (да, кстати, и вслед за Н.Д. Арутюновой²¹), мы будем рассматривать *как бы* не как такое... напыщенное «дискурсивное слово», а как такую... простоватую (или «простоватой» прикидывающуюся?) модальную частицу.

Н.Д. Арутюнова о модальной и признаковой неопределённости

А теперь давайте посмотрим, что, собственно, «творит» частица *как бы* в нашем языке, как она «интерпретирует факты», оценивает их с позиции «правдоподобности, вероятности», как выражает «истинностные и этические оценки» (см. цитату выше)? И для этого мы используем главу «Безличность и неопределённость» из книги Н.Д. Арутюновой «Язык и мир человека» (М., 1999. Страницы далее в тексте указаны по этому изданию). Потому что лучше, чем незабвенная Нина Давидовна, на эту тему, по мнению автора, никто не написал ни до неё, ни после.

Прежде всего отметим, что категории безличности и неопределённости Нина Давидовна относит к числу «индивидуальных свойств русского языка» (с. 793) и полагает, «что в ходе развития русского языка удельный вес категорий безличности и неопределённости постепенно возрастал» (с. 794). Далее следует блестящая характеристика этих категорий, которую просто грех не процитировать: «Они значимы, но не необходимы. Они входят в фонд “свободной грамматики”. Не язык навязывает их говорящим, а говорящие навязывают их языку. Они подобны метафоре: их употребляют по наитию, а не по приказу. Более того, они часто избыточны. Не случайно показатели неопределённости иногда классифицируются как речевой мусор. С ними борются блюстители культуры речи. Их избегают хорошие стилисты» (с. 794–795). (Ну как тут не вспомнить нашу с вами борьбу со словами-паразитами, а?!)

И еще очень важное предварительное замечание. Нина Давидовна полагает, что проблема безличности/бессубъектности выходит в XX в. за пределы лингвистики и связана с идеями Ницше, с одной стороны, и с учением З. Фрейда и его последователей о бессознательном, с другой: «“Бог умер”, – сказал Ницше. “Умер субъект”, – заявили последователи Фрейда» (с. 795). И афористичный вывод: «Итак, на смену картезианского *cogito* пришел безличный *cogitatur*. Бессознательное повлияло на формы речи тогда, когда оно было осознанно» (с. 795). (Отметим, что тезис «субъект умер» – один из важнейших в постмодернизме. Это нам еще пригодится.)

Далее, Нина Давидовна различает **неопределённость модальную** и **неопределённость признаковую**. Модальная неопределённость имеет отношение к истинности суждения: говорящий может не обладать достаточными знаниями о предмете речи, поэтому уклоняется от категорических суждений о нем, и более того, такой «уклонизм» вообще характеризует, как полагает Нина Давидовна, русского человека: «Модальная неопределённость также согласуется с некоторыми чертами национальной ментальности, в частности с её дистанцированностью от действительности» (с. 816).

Признаковая неопределённость имеет иную природу. Она связана со сферой «нев्यраженных или невыразимых смысловых компонентов: не вскрытых причин событий, неясных мотивов поступков, неопределимых и неопределённых вариантов признаков», а ее знаки – это «следы действия неведомых сил» (с. 823).

Несколько упрощая (но не искажая!) картину, можно дать такие определения:

Модальная неопределённость: «Я знаю, что еще не до конца постиг это, поэтому выражаюсь неопределённо».

Признаковая неопределённость: «Я знаю, что это нельзя постичь до конца, поэтому выражаюсь неопределённо».

Модальная неопределённость чревата перспективой её рационального преодоления.

Признаковая неопределённость ведет в безвыходные лабиринты постмодернизма.

И модальная, и признаковая неопределённость имеют специальные языковые средства выражения. Нина Давидовна пишет: «Неуверенность в истинности суждения маркируется модальными операторами (МО)...» (с. 830). К модальным операторам относится, в частности, модальная частица *как будто*.

С признаковой неопределённостью связан иной класс языковых единиц, который Нина Давидовна именует семантическими операторами (СО). Их задача – «обеспечить максимальную точность номинаций» (с. 831). К ним Нина Давидовна относит ряд префиксов (*квази-, полу-, недо-, суб-* и др.), прилагательные *настоящий, подлинный* и др., а также – в ряду других языковых средств – знаки приблизительности (с. 871). Это может показаться парадоксом: «максимальная точность» – и «знаки приблизительности». Как это? Очень просто, и никакого парадокса здесь нет: о некоторых вещах можно сказать **максимально точно**, только используя **знаки приблизительности** – не *чистый*, а *почти чистый*; не *настоящий дурак*, а *придурковатый*, и т.д., и т.п. И вывод Нины Давидовны по поводу «героини» нашего «этюда»: «Итак, *как бы* может быть отнесено к числу операторов, вносящих в значение слова приблизительность» (с. 838).

Вот такой, оказывается, перед нами «паразит»: и не «паразит» вовсе, а вполне законный член «словарного сообщества», выполняющий ответственные функции «семантического оператора» в сложной сфере «признаковой неопределённости», напрямую связанной с острейшими философскими проблемами, стоящими перед современным человеком. Но не будем торопиться с окончательными выводами. Попробуем наметить некоторые *кроки*²² его жизни в русском языке, а потом уже будем решать. И начнем, как и положено, с классиков.

Как бы в языке Ф.М. Достоевского

О языке Ф.М. Достоевского написано не просто много, а очень много. Библиография работ на эту тему составила бы вполне солидный том (может, и не один). Даже обозреть (не то что исчерпать) это безбрежное море невозможно. Я и не буду пытаться это сделать. Просто выскажу несколько замечаний (не бесспорных, о, далеко не бесспорных!), просто потому, что не сделать этого, говоря о частице *как бы*, было бы очень странно. Потому что, как пишет Н.Д. Арутюнова, «одним из первых писателей, в текстах которого употребление *как бы* высокочастотно и функционально нагружено, был Достоевский» (с. 837).

Встает вопрос, сколь употребление *как бы* у Достоевского высокочастотно?

Один из крупнейших специалистов в области изучения творчества Ф.М. Достоевского не только в России, но и в мире, и мой хороший друг

В.Н. Захаров предоставил мне некоторые статистические данные, за что я ему чрезвычайно признателен. Статистика такова. Во всех опубликованных при жизни произведениях Федора Михайловича зафиксировано 2 738 400 словоупотреблений. Из них *как бы* (как в раздельном, так и в слитном написании) употреблено 2511 раз, *как будто* – 2106 раз. Много это или мало? Для сравнения: на *самом деле* употреблено 37 раз, а *в самом деле* – намного больше – 818 раз. И ещё один любопытный штрих: употреблений различных слов с корнем *-счаст-* (*счастье, счастливый, несчастный* и др.) – 2267, в том числе с приставкой *не* – 934. Так что *как бы* и *как будто* в языке произведений Ф.М. Достоевского – вполне частотные слова.

Сошлюсь также на мнение Н.Д. Арутюновой. Нина Давидовна отмечает, что в ранних произведениях Достоевского есть страницы, буквально «перенаселенные» модальными операторами: «Так в “Неточке Незвановой” на стр. 226 *как будто* зарегистрировано 15 раз, а на стр. 225–237 – 81 раз (Т. 1), в “Хозяйке” на стр. 310 *как будто* и *будто* встречаются 9 раз» (с. 852). Для сравнения Нина Давидовна приводит статистику встречаемости модальных и семантических операторов у Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева. У Толстого в «Детстве. Отрочестве. Юности» *как будто* зарегистрировано 70 раз, а *как бы* – 15. В «Отцах и детях» Тургенева *как будто* встречается 25 раз, а *как бы* – 19 (там же).

Это, так сказать, количественная сторона дела, а есть и качественная. Вспомним начало романа Достоевского «Преступление и наказание»: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, **как бы** в нерешимости, отправился к К-му мосту» (Выделено мной – Ю.В.). Роман **как бы** буквально начинается с *как бы*! И это, конечно, не может не быть замеченным.

Приведу еще одно, последнее (и очень тонкое!) наблюдение Нины Давидовны над языком Достоевского, а потом попробую сделать некоторый собственный вывод. Итак: «В ранних произведениях Достоевского *как бы* встречается редко, *как будто* – очень часто» (с. 851). И еще: «Достоевский ввел *как бы* в активное употребление в своих последних романах, в которых наметилось разделение функций модальных и семантических операторов и известная экспансия СО» (с. 838).

«И что же из этого следует?» – может спросить вдумчивый Читатель (а других читателей, конечно, и не бывает вовсе...). Ну что же, давайте разбираться вместе.

Итак, в своем творчестве Достоевский «*как бы*» постепенно движется от *как будто* (в ранних произведениях, например, в «Хозяйке») к *как бы* (в последних романах, например, в «Братьях Карамазовых»). То есть происходит «известная экспансия» (осторожно выражается Н.Д. Арутюнова) семантических операторов в ущерб операторам модальным. То есть в художественном мире Достоевского модальная неопределённость уступает место («в известной мере» – добавим осторожно и мы) неопределённости

признаковой. А этот факт влечет за собой его радикальное переустройство: на смену миру, о котором мы не можем выносить истинных суждений, потому что не обладаем полным знанием о нём, приходит мир, о котором мы обладаем полным знанием, и это знание состоит в том, что об этом мире невозможно выносить истинные суждения.

Ведь одно дело, согласитесь, сказать: «Это как будто стул» (я точно не знаю, не разглядел, а может быть, это кресло, или просто собака сидит там в полутьме). И совсем другое дело заявить: «Это как бы стул» (но я точно знаю, что это может быть и кресло, а может быть – и вообще чёрт там притаялся под видом стула). И в том, и в другом случае истина – относительна, но в первом случае в силу нашего неполного знания об этом мире, во втором – в силу отсутствия в этом мире абсолютной истины. Есть разница?

В качестве иллюстрации к своим размышлениям (повторю ещё раз – даже с моей собственной точки зрения отнюдь не бесспорным) приведу только один пример. Это – речи прокурора и адвоката Мити из XII книги «Братьев Карамазовых» с говорящим названием «Судебная ошибка». Прокурор Ипполит Кириллович, к которому «хроникёр», ведущий повествование, испытывает, судя по всему, определённые симпатии и который «искренно верил в виновность подсудимого», отрицает вину Смердякова и настаивает на том, что убил отца Митя «с низкою целью ограбления». Адвокат из Петербурга Фетюкович, к которому и «хроникёр» относится с некоторой иронией, и сам Федор Михайлович эту братию не очень жаловал (вспомним хлёсткое определение из «Записок из Мёртвого дома»: «аблакат – купленная совесть»), так вот, адвокат, получивший в романе, в названии XIII главы XII книги, ещё и клеймо «прелюбодей мысли», настаивает на возможной виновности Смердякова и на том, что даже если Митя и убил Фёдора Карамазова, «то убийство такого отца не может быть названо отцеубийством», и призывает присяжных Митю оправдать. Присяжные, как известно, выносят вердикт: «–Да, виновен!»

Но вот что поражает: ни мрачная картина, нарисованная прокурором, ни красочное полотно, мастерски исполненное адвокатом, ни вердикт присяжных не имеют отношения к истине. **Как бы истина** обвинителя сталкивается с **как бы истиной** защитника и в результате присяжными выносятся **как бы справедливый приговор**. Вывод можно сделать неутешительный: в «прениях» (спорах) между людьми никакая истина не рождается и не человеку выносить окончательный приговор.

Приведу ещё одно суждение о Достоевском Н.Д. Арутюновой, на сей раз позволив с ним не согласиться (точнее, сделать отсутствующий у Нины Давидовны шаг за его пределы). Итак: «Мир жизни неокончателен. Его модели множественны. Его смысл независим от фактов. Достоевский первый понял это ясно и глубоко» (с. 816). Да, все так. Но Нина Давидовна не дает ответа вот на какой вопрос: если смысл мира независим от фактов, то от чего он зависим? И есть ли он вообще? А если есть, то что по этому поводу говорит Достоевский? А Фёдор Михайлович говорит: «Да, смысл у мира есть. И смысл этот – в Христе. И истине – тоже в Христе».

Есть две фразы о мире, которые традиционно приписываются Достоевскому (ну, по формуле: «Достоевский сказал...»). Первая: «Красота спасет мир». Но это сказал не Достоевский. Это говорит один из героев романа «Идиот» Ипполит Терентьев, но не от себя, а повторяя переданные ему Николаем Иволгиным слова князя Мышкина: «Господа, – закричал он громко всем, – князь утверждает, что мир спасет красота!»

Причем сам Мышкин и не подтверждает, и не опровергает свое авторство: «Князь рассматривал его (Ипполита – Ю.В.) внимательно и не ответил ему». А мог бы подписаться под этими словами сам Фёдор Михайлович? Да, мог бы, если бы речь шла, конечно, не об эстетически, а о нравственно понимаемой красоте – «духовной красоте».

Со второй фразой о мире сложнее. Она тоже вложена в уста одного из героев Достоевского. В «Бесах» Шатов вопрошает Ставрогина, причем вопрошает «вскричав»: «–Но не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной? Говорили вы это? Говорили?» Ставрогин (как и князь Мышкин выше) не подтверждает, но и не опровергает свое авторство. Он уклоняется от ответа. Но в данном случае мы точно знаем, что сам Достоевский это мнение разделял. В письме к Н.Ф. Фонвизиной в 1854 году он писал: «...если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной». «Бесы» писались намного позже, чем это письмо: роман был опубликован в 1871–1872 годах. И мысль Ставрогина более категорична, чем высказывание самого Достоевского. У Ставрогина (в передаче Шатова, конечно): «если бы математически доказали»; у Достоевского: «если бы кто мне доказал». У Ставрогина: «вы бы согласились лучше остаться»; у Достоевского: «мне лучше хотелось бы остаться». Но суть – одна. Недоумение может вызвать то, что эта мысль, наверное, одна из любимейших мыслей Достоевского, вложена им в уста одного из самых противоречивых и, в конечном счете, самых отвратительных его персонажей. Ну что же, и в этом есть резон: «идеал Мадонны» опять соседствует с «идеалом содомским».

Но главная проблема, конечно, в другом: как так – если Христос вне истины, выбор все равно делается в пользу Христа? Ведь то, что не есть истина, есть ложь. Значит, ложь выбирается? Парадокс. Да даже и не парадокс, а просто какое-то мракобесие. Но нет, и не парадокс, и, уж тем более, не мракобесие. Не будем погружаться в глубины богословия и христианской антропологии (о христианской антропологии у Достоевского рекомендую прочитать очень глубокие работы В.Н. Захарова). Постараемся оставаться в рамках нашей темы. Мы уже убедились (надеюсь...), что в «мире признаковой неопределённости», выстроенном писателем с помощью семантических операторов (ну, не только их, конечно...), есть только «как бы истины», от которых и отказаться не грех. В «Записных тетрадах» Федора Михайловича есть очень пессимистичное одно замечание: «Покоя нет. Будущность

чревата. Что-то недоделанное в мире». И только в Христе, в его внемирной Истине и в его Смысле – спасение от этого «недоделанного» мира. Вот и весь парадокс.

Мы начали с цитирования *как бы* в начале романа Достоевского «Преступление и наказание». Попробуем ещё одним его *как бы* и закончить. В «Братьях Карамазовых» в уста старца Зосимы писателем вложено вот такое высказывание: «На земле же воистину мы *как бы* блуждаем (выделено мной – Ю.В.). И не было бы драгоценного Христова образа перед нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий перед потопом». Но потом пришел Ницше и возвестил: «Бог умер!» И человек уже на правах «богочеловека» или «сверхчеловека» начал обустраиваться в этом «обезбоженном» мире, «доделывать» его в соответствии со своими собственными представлениями о том, «что есть истина». Но оказалось, что без Бога и человеку в этом мире места нет. И пришел Фрейд с последователями и заявил: «Субъект умер!» И человек отправился в путешествие по «безбожному» и «бессубъектному», запутанному лабиринту постмодернизма, где всё – «*как бы*», где всё – игра, где знак отражает знак и ни в чём нет надёжной опоры. И блуждает по нему и до сих пор. И найдёт ли наконец выход из этой дурной бесконечности зеркальных отражений?..

Вот такое кроки *как бы* в языке Ф.М. Достоевского как «краеугольного камня» его художественного мира получилось (почти неожиданно!) у автора.

Как бы в языке В.И. Ленина

Компьютерного (или, как его называли в 80-е годы прошлого века – «машинного») корпуса языка В.И. Ленина в России не существует. А когда-то в Институте русского языка АН СССР (с 1991 г. – РАН) был большой сектор «Словаря языка В.И. Ленина». На базе 55-томного полного собрания его сочинений была составлена 2,3-миллионная картотека словоупотреблений, позволившая сделать удивительное открытие. Словарь Ленина (ок. 37 500 слов) богаче словаря Шекспира (15–30 тыс. слов) и Пушкина (более 21 тыс. слов). Был опубликован пробный том словаря. И с ним случился казус. Словарь В.И. Ленина был, конечно, объектом пристального внимания отдела науки ЦК КПСС и, соответственно, Института марксизма-ленинизма, и его работники никак не могли согласиться с тем, что в начале пробного тома словаря «вождя мирового пролетариата», наряду со словами *абонент* и *абонемент*, стоит также и почти неприличное слово *аборт*.

После распада СССР этот «важнейший» вопрос отпал сам собой, чему автор, в то время ученый секретарь Института русского языка, был свидетелем: сектор «Словаря языка В.И. Ленина» закрыли, картотека словаря некоторое время влачила жалкое существование в коридорах Института русского

языка и была частично утрачена, а то, что осталось, насколько мне известно, было перевезено в Горки Ленинские, как и экспонаты Музея В.И. Ленина.

Больше к лексикографическому фиксации языка В.И. Ленина никто не возвращался. А жаль. Словарь этот мог бы стать не только «лексикографическим портретом» выдающейся личности, но и неоценимым источником для изучения языка целой эпохи, очень важной в его истории.

В силу всех описанных обстоятельств мы не можем оперировать статистическими данными относительно частотности и других характеристик употребления модальной частицы *как бы* в текстах В.И. Ленина различных жанров. Поэтому ограничимся только одним текстом, совсем не центральным в наследии В.И. Ленина, но весьма любопытным с точки зрения его – а точнее, всего одной употребленной в нём «фигуры речи» – «иррадиации» в нашу современность.

В.И. Ленин 20 августа 1918 г. написал небольшое, но очень яркое произведение – «Письмо к американским рабочим», имевшее целью усилить в США движение протеста против американской военной интервенции в Советскую Россию. Доставку «Письма» в США взялся организовать большевик М.М. Бородин, незадолго до этого вернувшийся из Америки. Доставил «Письмо» в США П.И. Травин (Светлов). Вместе с «Письмом» он привез Конституцию РСФСР и текст ноты советского правительства президенту Вильсону с требованием прекратить интервенцию. При активном участии Джона Рида документы эти были опубликованы в американских газетах. Само «Письмо» в переводе на английский язык с некоторыми сокращениями опубликовали органы левого крыла Социалистической партии Америки – журнал «Классовая борьба», выходивший в Нью-Йорке, и еженедельник «Революционная эпоха», выходивший в Бостоне с участием Джона Рида. Интерес к ленинскому «Письму» был столь велик, что оно было издано большим тиражом в виде оттиска из журнала «Классовая борьба». Позже это произведение В.И. Ленина неоднократно печаталось в различных изданиях Франции, Великобритании, Германии, а в 1934 году было опубликовано в США уже в полном виде отдельной брошюрой. Перипетии доставки ленинского письма в США легли в основу фильма-спектакля в постановке театра имени Евг. Вахтангова «Курьер Кремля» (1967).

В РСФСР «Письмо к американским рабочим» было опубликовано в газете «Правда» 22 августа 1918 г. Оно вошло в Т. 37 «Полного собрания сочинений» В.И. Ленина (5-е изд.). (Далее в тексте цитаты из работ В.И. Ленина даются по этому изданию, указывается том и страница.) В «Письме» В.И. Ленин так описывает положение Советской России в то время: «Мы находимся **как бы** в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции» (Т. 37, с. 64). (Выделено мной – Ю.В.). Это – не первое обращение В.И. Ленина в «Письме» к образу осажденной крепости. Несколько выше он пишет: «Кто “допускает” революцию “под условием”, чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была

наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, “отсиживаться в осажденной крепости” или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам, – тот не революционер, тот не освободил себя от педантизма буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется постоянно скатывающимся в лагерь контрреволюционной буржуазии, как наши правые эсеры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эсеры» (Т. 37, с. 57).

Блестящий стиль, конечно. Но нас интересует в этом отрывке в первую очередь то, что Ленин оборот «отсиживаться в осажденной крепости» закавычивает. Это – не первые кавычки в отрывке. Закавычены также слова «допускает» и «под условием». Но там, похоже, функция кавычек иная: Ленин как бы иронически цитирует слова неких его «интеллигентных» оппонентов. Можно даже представить, как Ленин язвительно (даже и ехидно, может быть) изображает эти кавычки в устном исполнении этого текста своей интонацией и мимикой. (Сегодня в этих местах кавычки изобразили бы пальцами). С оборотом «отсиживаться в осажденной крепости» – совсем не так. Здесь (и в последующем кусочке текста) Ленин рисует высокий романтический образ революции как героического военного похода с жертвами, осадами и горными переходами. Конечно, и все это описание можно было бы закавычить. Но Ленину особенно нужен образ «осажденной крепости», и она попадает в кавычки, а дальше в тексте опять всплывает (уже в другом оформлении, но об этом – ниже). Итак, перед нами художественный образ, а именно – метафора: революция – это и «отсиживаться в осажденной крепости» тоже.

Второй раз Ленин использует этот образ в иной связи и несколько иным способом. Ленин пишет: «Мы находимся как бы в осажденной крепости». Перед нами – типичный случай редуцированного сравнения. Восстановить его можно в следующем виде: «Мы живем, как в осажденной крепости». Как видите, пришлось заменить глагол: в подобном сравнительном предложении глагол *находиться* невозможен. А почему вообще мы такую замену вправе произвести? Потому что осажденная крепость в данном случае у Ленина – это, конечно, Советская Россия, а в ней можно и *находиться* и *жить*. Можно выстроить такую цепочку уподоблений, включающую и ленинский вариант:

- Советская Россия как осажденная крепость (*похожа* на осажденную крепость);
- Советская Россия как бы осажденная крепость (*кажется* осажденной крепостью) – ленинское «Мы находимся как бы в осажденной крепости»;
- Советская Россия – осажденная крепость (*является* осажденной крепостью).

Известно, что Ленин Достоевского не любил, называл его «архискверным». И в мире «как бы вещей», в мире «кажيمостей», зыбкости, неопределённости, «обжитом» Фёдором Михайловичем, чувствовал себя, надо пола-

гать, не очень уютно. И уже в 1920 г. Владимир Ильич делает решительный шаг от «формулы кажимости» (*как бы осажденная крепость*) к полному метафорическому переносу, и даже выводит из метафоры необходимые метафорические следствия. В своем выступлении на I Всероссийском съезде горнорабочих он говорит: «Мы продолжаем быть осажденной крепостью, на которую смотрят рабочие всего мира, зная, что отсюда им идет свобода, и в этой осажденной крепости мы должны действовать с военной беспощадностью, с военной дисциплиной и самопожертвованием» (Т. 40, с. 297). Никаких «как бы» больше нет. А уж коль назвался груздем («осажденной крепостью»), то полезай в кузов (получай «военную беспощадность, военную дисциплину и самопожертвование»).

Надо сказать, что Ленин и в дальнейшем охотно использовал военные метафоры осады и штурма крепости в своих выступлениях. Так, в докладе на VII Московской Губпартконференции о новой экономической политике, проанализировав штурм и осаду Порт-Артура японцами во время русско-японской войны 1904–1905 гг. (и отдав должное стратегическому мастерству японского главнокомандующего генерала Ноги), Владимир Ильич сравнивает «военный коммунизм» со штурмом крепости капиталистического строя, а НЭП – с его длительной осадой. (Т. 44, с. 205).

Сталин в своих собственных работах образ осажденной крепости, кажется, не использовал, но со ссылкой на Ленина упоминал. Так, в марте 1922 г. на XI съезде РКП(б) он говорил: «Военный коммунизм был попыткой взять крепость капиталистических элементов в городе и деревне штурмом, лобовой атакой. В этом наступлении партия забежала далеко вперед. Теперь Ленин предлагал... перейти к более длительной осаде».²³

Метафора «Советская Россия (СССР) – осажденная крепость», похоже, все же не стала в политическом языке 20–30-х гг. XX века ключевой. Но, тем не менее, говоря о менталитете советского руководства тех лет, современные исследователи полагают, что трудно найти более удачную формулировку для его характеристики и приводят цитату из неопубликованного выступления М.И. Калинина в ноябре 1934 г.: «Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соответствии с этим и режим Советского союза должен соответствовать крепостному режиму»²³. Все как у Ленина, но вот только «метафорические следствия» у всесоюзного старосты какие-то уж больно феодальные. «Крепостной режим» – это ведь даже не Николай II (Кровавый), а Николай I (Палкин). Не пошло. Может быть, и эта речь Михаила Ивановича не была из-за такой его политической неуклюжести опубликована.

Надо сказать, что уже и в политическом языке 20-х годов существовало другое ключевое слово, характеризующее положение первого социалистического государства в окружающем его враждебном мире: Г.В. Чичерин на Генуэзской конференции 10 апреля 1922 г. по поручению Ленина выдвинул принцип *мирного сосуществования* Советской России с капиталистическими странами и их экономического сотрудничества. Сам Ленин, впрочем, это

выражение, кажется, не употреблял, зато использовал в 1920 г. в ответе на вопросы берлинского корреспондента одного американского информационного агентства термин «*мирное сожительство*», не очень, похоже, удачный. А Сталин в 1952 г. накануне Международного экономического совещания, состоявшегося 3–12 апреля в Москве, говорил руководителям ведущих американских изданий: «Мирное сосуществование капитализма и коммунизма вполне возможно».

Но после окончания Второй мировой войны уже громко звучало в мире новое ключевое слово – *холодная война*. Не все знают, что «изобрел» его не политик (или не только политик), а писатель Джордж Оруэлл (настоящее имя – Эрик Артур Блэр), позже подаривший миру другое ключевое слово, по сю пору широко используемое – новояз (*newspeak*). Британский еженедельник «Трибьюн» 19 октября 1945 г. опубликовал статью Оруэлла «Ты и атомная бомба», в которой он назвал противоборство сверхдержав, не затухающее, но и не переходящее в полномасштабную войну, «холодной войной» (*cold war*). Из политиков первым это выражение употребил советник президента Гарри Трумэна финансист Бернард Барух. В своем выступлении перед законодательным собранием штата Северная Каролина 16 апреля 1947 г. он сказал: «Давайте не будем обманывать себя! Сегодня мы живем в разгар холодной войны. Наши враги должны быть найдены и за границей, и дома».

Еще одно ключевое слово эпохи – *железный занавес* – как полагают многие, «придумал» Уинстон Черчилль. Но это не так. Он только ввел это политическое клише в широкий политический оборот, сказав в своей знаменитой Фултонской речи 5 марта 1946 г.: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес». Само же это выражение первым использовал Герберт Уэллс в романе «Пища богов» еще в 1904 г. (конечно, совсем в другом значении). Применительно к русской истории выражение это применил в 1917 г. философ Василий Розанов в книге «Апокалипсис нашего времени». Антисоветский смысл это выражение получило в 1919 г., когда премьер-министр Франции Жорж Клемансо на Парижской мирной конференции сказал: «Мы желаем поставить вокруг большевизма железный занавес, который помешает ему разрушить цивилизованную Европу».

Использовал этот термин и Йозеф Геббельс, в своей статье «2000 год» 23 февраля 1945 г. писавший, что после покорения Германии СССР отгородит «железным занавесом» Восточную и Юго-Восточную Европу от остальной ее части. Так что у Уинстона Черчилля было много предшественников. Да и сам он впервые использовал это выражение не в Фултонской речи, а в своей телеграмме Гарри Трумэну еще 4 июня 1945 г. Символом падения железного занавеса стало разрушение Берлинской стены в течение января – ноября 1990 г.

Ключевое слово *разрядка* возникло в СССР в середине 50-х годов XX в. Первым его употребил Г.М. Маленков. Широко использовали его и Н.С. Хрущев, и Л.И. Брежнев. «Пиком» разрядки можно считать подписа-

ние в 1975 г. Хельсинских соглашений, а ее завершением – ввод советских войск в Афганистан в 1979 г.

Потом возникло новое ключевое слово – *перестройка*. Она началась в 1985 г. с приходом на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и окончилась в 1991 г. его уходом с поста президента СССР и развалом самого СССР, после чего завершилась окончательно (как тогда казалось) и *холодная война*, и *железный занавес* окончательно рухнул в 1993 г., когда были отменены последние запреты на выезд граждан России за ее пределы с принятием 1 января, уже в постсоветскую эпоху, закона с запоздалым названием «О порядке выезда из СССР».

И все эти годы ни слуху, ни духу не было о ленинской «формуле кажимости» («Мы находимся как бы в осажденной крепости»), его же метафоре («Мы продолжаем быть осажденной крепостью») и туповатом, прямо скажем, метафорическом уподоблении М.И. Калинина («зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости»). И вдруг – прямо как В.С. Черномырдин мудро говорил: «Никогда такого не было – и вот опять»...

В Тюмени 26 марта 2011 г. состоялся митинг оппозиционеров, не поддерживавших президента страны. И на нем выступил тюменский журналист Сергей Суразаков. Речь его была ярка, но что-то уж очень напоминала. Он говорил:

«Мы – неприступная крепость! Ключи от крепостных ворот – в надежных руках. Единственный способ одолеть нас – сделать так, чтобы эти ключи оказались у того, кто вынесет их и сложит к ногам своих хозяев. Возможен ли такой сценарий? Этот вопрос я адресую всем вам, кто пришел сегодня на одну из площадей “осажденной крепости”, отдать свой голос в пользу изменников...»

«Что происходит с нами? Что мы делаем? В осажденной крепости кончились провиант и вода? У нас нет больше пороха и ядер? Зачем нам белый флаг?»

Это, пожалуй, самое яркое место в довольно длинной речи, и действительно по-ораторски мастерски выстроенное. И образы такие знакомые. Помните? «Отсиживаться в осажденной крепости». Пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам. Слова иные, конечно, а общий тон, суть образа – узнаваемы. И кавычки. Первый раз есть, а второй – нет (так в тексте, опубликованном в интернете). Но никаких «фигур кажимости», никаких *как бы*. Сразу: «Мы – неприступная крепость, хоть временно и осажденная».

И началась эпоха нового (точнее, хорошо забытого старого) ключевого слова. Оно зазвучало с экранов и из радиоприемников, замелькало на страницах газет. И вот – прозвучало из уст Никиты Михалкова во время его авторской телепередачи «Бесогон». И прозвучало в том же контексте: *Именно поэтому мы должны как никогда задуматься о том, почему возникали страшные катаклизмы мирового масштаба с участием России, когда она*

позволяла, чтобы изнутри взращивались силы, готовые открыть ворота в осажденную крепость (06.12.2017).

Специалисты нас успокаивают: «По своему методологическому статусу формула “осажденной крепости” является не более чем геополитической метафорой».²⁵ Но вот на радиостанции «Эхо Москвы» заявляют: *Главное ощущение тех, кого мы называем силовиками, это жизнь в осажденной крепости* (20.04.2018). На «Эхе» же, впрочем, и как бы снимают серьезность ситуации: *Долго ещё они будут играть в осажденную крепость?* (30.03.2018). Но метафора как средство речевого воздействия имеет одно важное свойство – подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения. А метафорические следствия? «Осажденная крепость» – значит, «военная беспощадность, военная дисциплина и самопожертвование» (у Ленина), «крепостной режим» (у Калинина). И эти самые следствия, похоже, не заставляют себя ждать: *Надо укреплять армию, а все остальное – по остаточному принципу. Грубо говоря, концепция осажденной крепости* («Говорит Москва», 28.08.2018). И вот уже Л.М. Млечин свою книгу называет «Осажденная крепость. Нерассказанная история первой холодной войны».²⁶

Это, конечно, про 20–30-е годы XX в. Но какое печальное соседство ключевых слов: *осажденная крепость* и *холодная война*. А потом? *Железный занавес, мирное сосуществование, разрядка, перестройка?*.. Ох, осторожнее надо с метафорами, осторожнее.

Вот каким серьезным (надеюсь, не тектоническим) сдвигом в современном русском политическом дискурсе «аукнулась» в наши дни, казалось бы, совсем мелочь: «выпадение» из «фигуры речи», использованной В.И. Лениным сто лет назад в далеком 1918 г., совсем не существенной на первый взгляд «детальки» – модальной частицы *как бы*.

Как бы в языке «текущего момента»

В своей книге 1999 г. Н.Д. Арутюнова по-летописному бесстрастно констатирует: «В современной русской речи частица *как бы* очень популярна» (с. 837). И далее цитирует опубликованную в «Независимой газете» 07.02.1996 г. заметку с названием... «Как бы на самом деле». Вот так. А мой коллега, сказавший в апреле 2018 г. те же самые слова, что, название этой заметки цитировал, что ли, больше чем через 20 лет?! Вот такие бывают в жизни странности. Действительно, нарочно не придумаешь.

Нина Давидовна цитирует начало этой заметки: «Студент-первокурсник и известный журналист, знаменитый кинорежиссер и крупный государственный чиновник просто фразы сказать не могут без того, чтобы не уснастить ее этим самым *как бы* необходимым паразитом» (с. 837). Изменилось ли что-нибудь с тех пор? Нет, ничего не изменилось. Вокруг все «как-быэкают» так же, как «как-быэкали» четверть (и даже более того) века назад.

И.Б. Левонтина, правда, полагает: «Характерно оно (*как бы* – Ю.В.) в основном для женской речи». И, соответственно, оно стало «проявлением простого жеманства»²⁷. Позволю себе усомниться и в первом, и во втором. И приведу примеры.

Вот говорит «гламурная» певица Анастасия Спиридонова:

(1) *Ну, как бы, ну, понятно, не сразу всё* (Радиостанция «Романтика», 03.04.2018).

Да, действительно, жеманничает (да простит меня Анастасия).

А вот на следующий день говорит тоже дама, хозяйка ресторана:

(2) *Молекулярная кухня, которая как бы существует, у нас не прижилась* (Радиостанция «Радиодача», 04.04.2018).

Нет, никакого жеманства не наблюдается. Вполне серьезно говорит.

Еще через день говорит уже мужчина, радиоведущий:

(3) *Запомните, что у нас с вами как бы серьёзная игра* (Радиостанция «Романтика», 05.04.2018).

Как и положено мужчине, никакого жеманства не проявляет: и игра у них серьёзная, и говорит серьёзно.

И еще один, по-моему, очень убедительный пример. Говорит Е.Г. Ясин, экономист, государственный и общественный деятель, бывший министр экономики:

(4) *Нужно было сделать, чтобы эти люди как бы услышали* (Радиостанция «Эхо Москвы», 28.02.2018).

Некоторая свойственная Евгению Григорьевичу мягкость есть, жеманства – никакого.

Так что не только дамы частицу *как бы* употребляют (у меня в примерах – примерно 50% на 50% мужчин и женщин), и не только жеманничания для. А вот **для чего**, всё же? Давайте разбираться.

Мы уже с вами говорили о том, что частица *как бы* – это семантический оператор (СО), а сфера его, так сказать, деятельности – признаковая неопределённость: сфера приблизительности, зыбкости, «кажимости». Употребляем мы *как бы* в такой функции сегодня? Да, употребляем. Вот яркий пример из серьёзной книги:

(5) *Это была личность не без странностей, или, как говорят психиатры о некоторых подобных пациентах, это была «как бы» личность, то есть личность ущербная, неполноценная, с немалыми пустотами* (Романов П. Преемники: от царей до президентов. СПб., 2014. С. 144. Сказано о Николае II).

Вот, даже термин такой, оказывается, есть в психиатрии: «*как бы*» *личность*.

Активно, и даже очень активно используется *как бы* в функции семантического оператора (СО) и в устной речи, в той разновидности нашей коммуникации, которая получила название «Разговорный язык» (РЯ). Примеры многочисленны (далее, чтобы сократить текст, я использую такие сокращения: радиостанция «Эхо Москвы» – «Э.М.»; ра-

диостанция «Говорит Москва» – «Г.М.»; если «автор» высказывания не указывается, для обозначения «гендерной» принадлежности говорящего используются общеизвестные сокращения: м. – мужчина, ж. – женщина):

(6) *У нас были как бы съезды, у нас были как бы депутаты, но всё это было вполне декоративно* («Э.М». м. 26.05.2018).

(7) *Все люди, которые в девяностые были как бы собственниками, не действовали как собственники* («Г.М». м. 09.04.2018).

В этих примерах интересно вот что: «кажимость», создаваемая при помощи СО *как бы* в первой части высказывания, «снимается» в его второй части: *как бы съезды, как бы депутаты* – но всё это было декоративно; *как бы собственники* – но не действовали как собственники. Такая «экспликация», конечно, может не производиться, и чаще всего не производится:

(8) *Эта экономическая как бы свобода им ничего не даёт* («Э.М». ж. 09.04.2018).

(9) *Возникают как бы феодальные отношения и нужны как бы команды* («Г.М». м. 28.04.2018).

Более того, попытки «снятия кажимости» могут приводить к «коммуникативным неудачам», например:

(10) *У нас как бы относительные выборы* («Г.М». м. 28.04.2018).

Говорящий «перестарался»: используя СО *как бы*, он не выборы превратил в *как бы выборы*, а как раз снял их «относительность»: *как бы относительные* = «неотносительные, самые настоящие!»

Очень любопытно (и очень распространено) использование СО *как бы* (и *как будто*) для «снятия иллюзии ненамеренности». Н.Д. Арутюнова пишет об этом так: «сделать что-либо *как бы* (*как будто*) нечаянно значит не только ‘совершить действие намеренно’, но ещё и ‘намеренно создать иллюзию ненамеренности’» (с. 840). Приведу пример из литературного текста:

(11) *Римский вдруг протянул руку и как бы машинально ладонью, в то же время поигрывая пальцами по столу, нажал кнопку электрического звонка и обмер* (М.А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Римский «намеренно создает иллюзию ненамеренности» своего действия у вампира Варенухи, а когда это «как бы машинальное» действие оказывается безрезультатным (звонки не звонят), обмирает от ужаса: он раскрыт!

А теперь примеры из РЯ:

(12) *События описаны как бы с позиции безоценочной, как бы наблюдателя* («Э.М». м. 30.05.2018).

То есть кто-то «прикидывается» безоценочным наблюдателем, а сам-то! Дурит нас!

(13) *Они несут, ну, как бы протестующего, как будто бы протестующего тащат на руках* («Г.М». С. Доренко. 07.05.2018).

Здесь перед нами целый спектакль разыгрывается, но мы-то понимаем, что это всё – «иллюзия непреднамеренности». Интересно, что С. Доренко

использовал не только *как бы*, но и *как будто бы* – довольно редкий в современном РЯ оператор «кажимости».

И совершенно фантаσμαгорическая картинка:

(14) *Ну, те пусть как бы стреляют, а мы будем потихонечку... как бы сбивать* («Г.М». м. 11.04.2018).

Некто злонамеренно «умыслил» целую «невсамделишную войнушку», чтобы только нас «обдурить».

Интересно отметить вот какой важный момент: СО *как бы* «подбирается» к значению слова или смыслу описываемой ситуации, при которых он состоит, «как бы» снизу: *как бы выборы* «не дотягивают» до настоящих выборов, *как бы собственники* – до настоящих собственников, *как бы непреднамеренность* – до настоящей непреднамеренности. Вот яркие примеры:

(15) *Это было как бы стыдно. Ну, стыдновато, понимаешь?* («Г.М». С. Доренко. 24.08.2018).

(16) *Году на пятом-седьмом я решился... ну, как бы... изменить* («Г.М». м. 15.09.2018).

Пример (15) совершенно очевиден: *как бы стыдно* = *стыдновато* = *чуть-чуть стыдно*.

Пример (16) сложнее: здесь присутствует и некое смущение говорящего, но и «снижение степени» тоже: *как бы изменить* = *чуть-чуть изменить*.

Как бы – это всегда смягчение чего-то (= *чуть-чуть*), и нет у меня примеров, когда – усиление (= *очень*).

Особый вариант такой «смягчительной» функции *как бы* демонстрируют следующие примеры:

(17) *Я считаю, что это как бы самый главный подвиг в его жизни.*

(18) *Я как бы думаю, что это его ошибка.*

(Оба примера: «Э.М». Е.Г. Ясин. 28.02.2018).

Е.Г. Ясин говорит о президенте Б.Н. Ельцине, и говорит очень уважительно. И совсем не пытается создать атмосферу «кажимости» его подвигов или даже его ошибок. Прав М.А. Кронгауз: в данном случае «говорящий отказывается делать резкие и окончательные суждения о мире», но и не прав тоже, потому что *как бы* у Е.Г. Ясина совсем не говорит «о его невысоком статусе, в частности, по отношению к собеседнику». *Как бы* у Е.Г. Ясина, действительно, можно назвать «очень своеобразным инструментом вежливости». ²⁸ Евгений Григорьевич, конечно, вежливый и, очевидно, мягкий человек, поэтому он и «смягчает» категоричность своих суждений в речи, но думаю, совсем не в своем мировоззрении.

Во всех примерах выше под воздействием (или после «атаки») оператора *как бы* «вещи», «признаки», «события» превращаются в «недо-вещи», «недо-признаки», «недо-события»: *недоличность, недовыборы, недостыдно, недоутверждение*. Даже «коварная измена» предстает такой... невсямделишной: ну, *недоизмена* всего лишь. Самое время вспомнить печальное замечание Достоевского: «Что-то недоделанное в мире». То есть – что-то незавершённое и несовершенное. «Недо-истинное» какое-то...

Ну и, конечно, выполняет *как бы* традиционные для «паразита» (пока так, в кавычках, потому что пока – «как бы» паразита) функции: заполнение паузы и поиск подходящего слова. Очень хорошо об этом написала И.Б. Левонтина: «Это своего рода сигналы: я здесь, я на связи, сейчас уже скажу, ждите ответа. Кроме того, в режиме цейтнота не всегда удается найти точное слово и приходится удовлетворяться более или менее подходящим»²⁸. Примеры (один «ж», один «м».):

(19) *Поэтому это как бы, ну... отдельная история* («Э.М». ж. 08.04.2018).

(20) *Я должен отключить у них интеллектуальный уровень, потому что элиты... э-э-э... как бы кастрированные коты* («Г.М». С. Доренко. 11.04.2018).

Как видите, есть здесь и другие сигналы заполнения паузы, потраченной на поиски «приблизительно» подходящего слова (или, как у С. Доренко, точно подходящего «приблизительного» слова): *ну, э-э-э*.

Очень (я бы даже сказал – крайне) любопытен следующий пример:

(21) – *Теледебаты не про программу*.

– *Ну как бы да*.

(«Э.М». ж. 20.03.2018).

Ответная реплика диалога *Ну как бы да* получила в РЯ очень широкое распространение, и такое «как бы», конечно, очень о многом говорит: соглашаясь, мы оставляем лазейку для отказа, признавая, мы готовы в любой момент отвергнуть. Все – «как бы», а поэтому и окончательно ничего принимать нельзя.

И еще одна «как бы» оговорочка, но оговорочка-то прямо по Фрейду:

(22) *Эти психологи, как бы говоря, не совсем правдивы* («Г.М». м. 07.07.2018).

Вот так: *как бы говоря*. Есть разные вводные слова, определяющие степень точности того, о чем мы сообщаем: *строго говоря, точнее говоря* и др. А *как бы говоря* – это как? «Приблизительно», «неопределенно», «не точно и не строго» говоря? Или «как бы» говоря, а «на самом деле» умалчивая? Согласитесь, это можно расценивать как симптом...

Все *как бы* выше – это, конечно, никакие не паразиты, а очень даже значимые единицы речи. Но я эти значимые *как бы* специально выбирал. Но и настоящих паразитов среди *как бы* – много, а точнее (и совсем не «как бы») говоря – море! Лишь два примера:

(23) *Как бы этот роман состоит из двух как бы частей* («Г.М». м. 28.04.2018).

Почему *как бы этот роман*, отчего *как бы частей*? Никакой «кажимо-сти» автор в виду не имеет, ни на какую «умышленность» не намекает, никакую категоричность не смягчает. Паразит – и все тут. А вот и того хлеще:

(24) *Консультируйтесь э-э-э как бы по реальной рыночной стоимости как бы* («Э.М». м. 09.04.2018).

Контекст высказывания таков: говорящий приглашает слушающих в агентство, которое он представляют. И что, они там пришедших будут кон-

сультировать по поводу *как бы реальной* (а на самом деле что, мнимой?) *стоимости как бы* (а на самом деле о чём говорить будут?). Вот уж сказал! Вот уж, на самом деле, «ни к селу, ни к городу». Тоже – паразит!

Но ведь именно частица *как бы* в качестве паразита выбрана. Почему? О говорящем это *как бы* нам что-то рассказывает? Или ещё о чём? Но об этом – дальше. Ну а пока:

Кагбэ в упячке

Вездесущее *как бы* не могло не проникнуть в интернет. И, конечно, проникло. А было так.²⁹

В январе 2007 г. или чуть раньше в интернете появился новый мем:³⁰ анимированная картинка, изображающая исполняющего какой-то дикарский танец очень условно нарисованного человечка. Отплясывающего человечка сопровождал такой текст:

ЖЫВТОНЕ ЧОЧО УПЯЧКА
УПЯЧКА УПЯЧКА!!!
ШЯЧЛО ПОПЯЧТСА ПОПЯЧТСА
Я идиот! убейте меня, кто-нибудь!

А в том же 2007 г. появился сайт Uryachka.ru (будем писать его название с большой буквы – Упячка), «товарным знаком» которого стал мем с танцующей (или -щим?!) упячкой-человечком. И сформировалось целое интернет-сообщество, которое М.А. Кронгауз называет субкультурой,³¹ а психолог Марк Сандомирский полагает, что это было «сначала субкультурное, затем контркультурное» движение. С тем, что *контр-*, согласен и я: уж очень многое на Упячке совсем не согласуется с моими представлениями о пусть даже *суб-*, но все же *культуре*. У Упячки есть свой языческий пантеон. Это божества Онотоле (Анатолий Вассерман), Леониде (спартанский царь Леонид из фильма «300 спартанцев») и Чаке (Чак Норрис). Создала Упячка и свой язык (М. Кронгауз называет его жаргон) – это Онотолица (чаще этот жаргон называют просто – упячка). Как видим, название это вполне «встроено» в лингвистическую традицию названия, правда, не языков, а систем письма – кириллица, латиница. А особенно близка Онотолице, конечно, кириллица – тоже от имени собственного произведена.

ЖЫВТОНЕ ЧОЧО УПЯЧКА
УПЯЧКА УПЯЧКА!!!

ШЯЧЛО ПОПЯЧСТА ПОПЯЧСТА!
я идиот! убейте меня, кто-нибудь!

Илл. 3. Мем Упячка

В Онотолице-упячке действует правило: искажать слова без всяких правил, чем она отличается от олбанского языка, положившего в свою основу орфоарт, представляющий собой сложную систему правил и принципов (правда, никогда последовательно не применявшихся) «коверканья» русской орфографии. Словарь упячки сложен и дик, и многие слова в нем непроезжимы и попросту ничего не значат. Приведу выдержки из одного такого словаря, размещенного в интернете:

ВЗДРЪЖНИ ЭФФЕКТ – эффект, который получают при употреблении ЖЪРЧИКА и ПЯНИ.

ЖЪРЧИК – напиток. Употребляется вместе с ПЯНИ для получения ВЗДРЪЖНИ ЭФФЕКТА. Оригинальный аналог – напиток «Живчик».

ПЯНИ – конфеты военнов (так пишется в упячке – Ю.В.). Аналог нашего «Skittles». Употребляется вместе с ЖЪРЧИКОМ.

Самое известное слово, возникшее в упячке и вышедшее далеко за ее пределы, – это *котэ*, то есть, попросту, по-русски говоря – кот, правда, в упячке (жаргоне) и на Упячке (сайте) этот ставший символом сайта кот – обязательно с попкорном (и очень жирный обычно). Но лично мне больше нравится междометие *пыщ-пыщ*. О его роли в жизни «военнов» Упячки говорить не буду, чтобы не портить читателям аппетит, а прочитать об этом можно у М.А. Кронгауза. Я же («в ситуации неформального общения», конечно) охотно употребляю его в значении *кыш-кыш*. И ведь, действительно, звучит: «*Пыщ-пыщ, окаянные!*» (о мухах, например).

Упячка (с большой буквы) и упячка (с маленькой – она же Онотолица) в интернете были весьма популярны. Сейчас, вроде, не так уж, но все равно из памяти интернет-сообщества не стерлись. А когда-то Упячке-упячке давали такие определения:

«Упячка» – это слово, которое выражает безграничную радость или счастье без особой на то причины.

И даже стихи Упячке посвящали. Так, по словам составителей «Абсурдо-теки» (такой раздел «Абсурдопедии»), им в редакцию некий «таинственный незнакомец» принес как-то целую подборку стихов на эту тему, авторство которых установить не удалось. Среди них мне больше всего понравилось восьмистишие, озаглавленное «Ололо!». Автор его, конечно, не Александр Сергеевич, но начинает прямо по-пушкински (орфография и пунктуация авторская):

Подруга дней моих унылых
Упячка вздрыжная моя!
Одна в глуши потсов пенякских
Шячло открыв, ты ждешь меня.

Как говорится, «дальше хватит». И перевода не будет, потому что я хоть со словарями упячки и знакомился, но на ней не «шпрехаю».

И вот в этой Онотилице-упячке и возникло интернет-слово *кагбэ*. Написаний у него несколько (но всегда слитно пишется – как и произносится частица *как бы*): *какбэ*, *какбе*, *кагбе*. Значения отличаются от значений частицы *как бы* в «нормальном» русском. Вот что пишет по этому поводу один из размещенных в интернете словарей молодежного слэнга (пунктуация и орфография оригинала):

Какбэ, (упячка) значение (1): вообще то, на самом деле.

значение (2): как будто, похоже на то, вроде того.

Примеры текста:

(1) – Ты кто? – Я какбэ её парень. Это невозможно какбэ.

Какбэ скажите что думаете! Я какбе знаю лучше какбе способ чем скрипт.

(2) Какбэ подозрительный аккаунт. Принц какбэ намекает.

Выражение *Кагбэ намекает*, также и в принятом в упячке написании *Кагбэ намекае* стало очень популярной подписью под разными смешными картинками с разными (иногда о-о-очень «неполиткорректными» и даже просто непристойными) продолжениями. Например, на фото изображена девица, исполняющая балетное па на фоне Эйфелевой башни, а подпись гласит:

ОНА КАГБЭ НАМЕКАЕ:

А у меня есть загранпаспорт!!!

Кагбэ, как и сама Упячка, стало героиней поэтического произведения Марины Вошариной с одноименным названием. Приведу из него две строфы – без первой и без последней – потому что в тех двух поэтесса использует слова, кои в печатном тексте ныне употреблять не велено (орфография и пунктуация, опять же, автора произведения):

Кагбэ

Ты кагбэ говоришь мне «не делай нервы,
Я сам не знаю слышишь, я – кагбэ – мачо».
Я кагбэ замолкаю, что ты не первый
И кагбэ соглашаюсь. [Не, ну, а я чо?]

Мы кагбэ засыпаем в привычных позах.
На утро выпиваем сожженный кофе.
И кагбэ больше не задаем вопросов.
И сэлфи в лифте. И обновляем профиль.

Да. А ведь есть *кагбэ* здесь нечто, нет?..

Какбэ нравилось не всем. М.А. Кронгауз, например, писал: «Это слово можно охарактеризовать как жеманное, высокомерное, даже снобское».³¹ Не знаю, не знаю... А просто приведу один небольшой текст из интернета. Автор – девушка, то ли студентка, то ли аспирантка, и – большая умница (только с орфографией и пунктуацией есть маленькая проблемка, ну да простим, уж очень – умница).

Какбе (какбэ)

Вот, например, недавно видела: «КрАсавчег». Видимо тот, кто писал, думал, что по правилам нужно писать «кросавчик», а может и «кросавчиг». Думаю, скоро начнут писать «красавчик» и думать, что так ещё никто не писал. Типа ноу-хау. Так вот, выражение *какбе* (мне так почемуто больше нравится) – оно совсем другое. Потому что оригинал КАК БЫ меня бесит ещё больше. То есть не то, чтобы бесит, я и сама часто так говорила, т.к. это ужасное, заразительное, самое что ни на есть прилипчивое и неконтролируемое слово-паразит. Такие ведь ещё поискать надо. Вот когда человек говорит «как бы» – и не поймешь сразу – то ли он с русским языком не владах, то ли язык его загажен, то ли он шутит, т.е. на самом деле всё не так, но «как бы», для вида, это так. Как бы демократия в России, или я сегодня как бы встретила со своими друзьями (а на самом деле написала пару строк в блог) и в таком духе. Но используется оно часто не по назначению, а чтобы разбавить свой поток сознания и сделать его ещё более непонятным для собеседника. Ни для кого не секрет, как оно пишется, да и это совершенно неважно. А вот это чудное КАКБЕ – оно уже контролируемое. Это не просто поток сознания, это явление. Слово, которое действительно что-то значит. Хотя бы то, что ты задумаешься над своей речью и посмеешься над собой: – D (так в тексте! – Ю.В.) когда втираешь кому-нибудь что-нибудь очень умное, и думаешь, что ты почти диссертацию защитил, ну на худой конец реферат, а тут лезет это КАКБЕ... и вот ты *какбе* понимаешь, где ты, и с кем... может, даже с подругой – преподавательницей МГУ. Прекрасное выражение. Обожаю его!

Во так, Максим Анисимович. Впрочем, Вы ведь писали про *какбэ* и даже отмечали, что «именно э подчеркивает особое произношение и создает эффект высокомерности»³³. Вот и умница наша что-то такое почувствовала: «*какбе* (мне так почемуто больше нравится)». Она высокомерной быть не хочет, она хочет посмеяться над собой (:- D). Но какой смех у нее грустный. И как печалит её мир, где «на самом деле всё не так, но “как бы”, для вида, это так». И как хочется ей взорвать его (и его в себе!) своим (еще, конечно, чуть-чуть по-детски наивным) *какбе* – «бе-е-е, вот тебе-е-е!» И дай ей Бог...

А мы еще на нашу молодёжь жалуемся.

А что на самом деле?

Мы попытались уяснить для себя кое-что о месте и функциях в нашем языке модальной частицы *как бы*. А что же с ее антагонистом – словосочетанием (назовем его пока так) *на самом деле*? Прежде всего отметим, что оно привлекает намного меньше внимания, чем *как бы*: и, так сказать, «простые пользователи» языка о нём намного меньше говорят, и специалисты-языковеды намного меньше пишут. И даже лингвистический статус его не очень определен. И все же попытаемся его более-менее, ну, если и не определить, то очертить.

Во-первых, является ли словосочетание *на самом деле* свободным? Нет, не является: все словари русского языка дружно помещают его в зону фразеологизмов.³⁴ Во-вторых, какова частеречная характеристика этой фразеологической единицы? Об этом почти никто из языковедов не пишет. Но попробуем подойти с другого конца. Словари указывают в качестве синонима фразеологизма *на самом деле* тоже фразеологизм *в самом деле*.³⁵ А о нём кое-что есть у академика В.В. Виноградова. Рассматривая категорию субъективной модальности (то есть сферу субъективных оценок, определяющих «точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи»³⁶), Виктор Владимирович выделяет очень широкий разряд модальных слов (и модальных словосочетаний), к которому относит, среди прочих, и фразеологическое сочетание *в самом деле*. Он пишет: «Модальность суждения может быть основана не на эмоциональном отношении к предмету сообщения, а на чисто логической оценке достоверности утверждения. Модальные слова, обозначающие не эмоциональную, а рассудочную, логическую оценку сообщения, замыкаются в особый разряд».³⁷

Академическая «Русская грамматика» термин «модальные слова» предпочитает не употреблять. Здесь о них говорится как о «вводных словах и сочетаниях слов», среди которых выделяются и единицы, выражающие интеллектуальную оценку «сообщаемого с точки зрения достоверности».³⁸

А к какой же части речи относятся вводные (модальные) слова (и сочетания слов)? Ясность в ответах на этот вопрос невелика. А.Х. Востоков, например, считал их наречиями.³⁹ Л.В. Щерба и В.Н. Сидоров относили их к словам «вне частей речи».⁴⁰ Академик В.В. Виноградов модальные слова особой частью речи не считал.⁴¹ Академическая «Русская грамматика» называет их несколько неопределенно: «довольно обширная и легко пополняющаяся группировка лексико-синтаксических единиц»⁴². Н.Д. Арутюнова по этому поводу печально замечает: «Отношение вводных (шире, модельных) слов к принятой в русской грамматике системе частей речи остается непроясненным...» (С. 832). Одним словом, впору, действительно (или *на самом деле*?), вспомнить о термине «дискурсивное слово». Но! «Бритва Оккама» не велит...

Проще обстоит дело со значением этой «фразеологической единицы»: ‘в действительности; так, как оно есть’.⁴³ (Есть, конечно, еще и употребление этого сочетания в функции модальной частицы с совсем другими значениями, но об этом речь у нас идти не будет.)

Подведём итог. Итак, в современном русском языке существует вводное (модальное) фразеологическое сочетание *на самом деле*, синонимичное фразеологическому сочетанию *в самом деле*, выражающее субъективную интеллектуальную («рассудочную», логическую) оценку достоверности утверждения и имеющее значение ‘в действительности; так, как оно есть’.

Посмотрим теперь, как мы используем вводное (оно же модальное) фразеологическое сочетание *на самом деле* в нашей речи, но прежде всего надо отметить, что его синоним *в самом деле* мы используем крайне редко, а точнее говоря, почти совсем не используем. Я, например, почти год регулярно наблюдая за нашими «говорящими» СМИ (то есть за радио и телевидением), а радиостанции «Эхо Москвы» и «Говорит Москва» слушая (то есть «подслушивая») с такими вот соглядатайскими целями ежедневно, не зафиксировал ни одного (!) употребления *в самом деле*. Точнее, зафиксировал только один раз: на «Эхо Москвы» в выпуске передачи О.И. Северской «По-русски говоря...» Но в ней речь шла именно о паразите *на самом деле* и его более благопристойном варианте *в самом деле*. Так что употреблен этот вариант был умышленно. А вот так, неумышленно, «непреднамеренно», так сказать, – нет, никто ни разу не употребил. Только – *на самом деле*. И это любопытно. Вспомним: у Ф.М. Достоевского *на самом деле* употреблено 37 раз, а *в самом деле* – 818 (!) раз, то есть в 22 раза чаще! Сегодня ситуация совсем иная, а вот какая? Надо бы еще понаблюдать.

А теперь – собственно о контекстах употребления *на самом деле*, и первый контекст очевиден: использование этого вводного (модального) сочетания в его прямом значении ‘в действительности’. Примеры:

(1) *Поэтому на самом деле квартир не так много, как кажется* («Э.М». м. 09.04.2018).

(2) *Ну, реформа – это такой... эвфемизм. На самом деле ее (Академию наук – Ю.В.) убили* («Э.М». Говорит академик Ю.С. Пивоваров. 09.04.2018).

Здесь всё прозрачно. Дается ситуация, которую можно описать частицей *как бы*, а потому выносится оценка: а «в действительности» – вот так:

(1) «как бы» много (кажется, что много) – а «в действительности» – нет, не так много;

(2) «как бы» реформа (эвфемизм такой) – а «в действительности»– убили.

Такой «экспликация» ситуации «как бы» часто (намного чаще) в высказывании нет :

(3) *Как часто нужно на самом деле проверять счётчик, расскажем дальше* (Телеканал «Москва-24». ж. 05.04.2018).

(4) *Автопром не готов ещё на самом деле к таким технологиям* («Э.М». м. 20.03.2018).

В этих примерах снимаются «как-бы»-ситуации, остающиеся «за кадром», за рамками высказывания:

(3) Кто-то говорит, проверять надо часто (или редко), а мы расскажем, как часто «в действительности».

(4) Кто-то говорит, автопром готов, а «в действительности» не готов.

Такие «как бы»-ситуации «видимости и кажимости», нуждающиеся в «разоблачении» (а как же «в действительности»?) могут распространяться на очень широкий контекст. На телевидении, например, давно идет ток-шоу Дмитрия Шепелева «На самом деле», в анонсе к которому говорится: «Перед зрительской аудиторией будет разворачиваться очная ставка между людьми, которых некогда связывали отношения, но чувства были уничтожены ложью. В студии у них будет возможность поговорить друг с другом с позиции правды. Обмануть не получится – ведь участники подключены к полиграфу на протяжении всего эфира». Вот так: раньше была ложь – теперь будет правда; раньше все было «как бы», сейчас – «на самом деле».

Контекст «видимости, кажимости» может расширяться практически до вселенских масштабов. Например, А. Марков в анонсе своей передачи «Хулиганская экономика» (сокращенное название передачи, которое тоже приводится, звучит, само собой, неприлично), которую он ведет на радио «Эхо Москвы», заявляет :

(5) *Я хочу вам рассказать, как всё обстоит на самом деле.*

Получается очень так... амбициозно, что ли: дескать, все вокруг врут, а я правду расскажу.

И таких «правдолюбков» среди нас оказывается очень много, и не понятно, какие «кажимости» они снимают и какие ложные утверждения опровергают, например:

(6) *Хочу отметить, что на самом деле суп варили еще неандертальцы* (Телеканал «Санкт-Петербург». м. 04.04.2018).

(А что, кто-то иначе считает?)

(7) *На самом деле тактика ЦСК в этом сезоне называется «тришкин кафтан»* («Э.М». м. 06.04.2018).

(А что, кто-то иначе её называет?)

(8) *Мы же групповые животные на самом деле* («Г.М». м. 28.04.2018).

(А что, кто-то не согласен?)

(9) *На самом деле в сентября – октябре выходит моя новая книжка* («Радиодача». ж. 04.04.2018).

(А что, кто-то не верит?)

О.И. Северская по этому поводу очень метко заметила: «И каждую фразу такие поборники “трезвого взгляда на жизнь” начинают вроде бы с развенчивания всего сказанного раньше». И ищет тому причину: «Скорее всего, это “на самом деле” возникло в нашей речи как противовес условному “как бы”». И вывод печальный делает: «И, увы, со временем тоже стало речевым “паразитом”». ⁴⁴ Да, все так. И, как и положено «паразиту», на самом деле может выполнять в нашей речи вполне «добропорядочную» функцию: за-

полнять, вместе со своими «сородичами», паузы, возникающие в процессе поиска подходящего слова. Вот очень яркий пример:

(10) *На самом деле, ну... как бы это сказать, все не так просто* («Э.М». м. 04.10.2018).

Здесь и *на самом деле* – это не «в действительности», и *как бы* – это не «кажется» или «похоже». Ну а *ну* – оно «ну» и есть. И все вместе они помогают нам «время скоротать», пока мы размышляем: «Как бы это получше сказать?».

Итак, модальное (вводное) фразеологическое сочетание *на самом деле* мы используем, во-первых, в качестве вполне знаменательной языковой единицы для снятия неких неверных, по нашей оценке, утверждений большей или меньшей «глобальности» (у него/у них/у всех «как бы» так, а «на самом деле» – эдак), во-вторых, в качестве неосознанного «паразита» для возведения некой «плотины» на пути захлестывающей мир «кажимости» (пусть всё «как бы», а здесь есть и «на самом деле»), и, в-третьих, в качестве невинного «шума», заполняющего паузы в нашей речи («ну... на самом деле... как бы... э-э-э...»). Вот такое оно «полифункциональное» *на самом деле*.

Глава II. ДА – ФАТИЧЕСКОЕ

«Да нет, наверное»

В русском языке, как всем нам известно, есть коротенькое словечко *да*, первым значением которого словари дружно указывают выражение **утверждения, согласия**.¹ И вот со словечком этим связан один почти анекдотический языковой парадокс. Вспомним его юмористическое обыгрывание у Михаила Задорнова (увы, увы, уже ушедшего из жизни). Американист, женатый на русской даме, спрашивает у своей жены: «Ты хочешь чаю или нет?» А она ему отвечает: «**Да нет, наверное**». И Михаил Николаевич комментирует: «У него перезагрузка матрицы идёт, потому что он воспитан двухполярным мышлением: *да* или *нет*. А тут *да, нет* и *наверное*. У него зашкаливает!» Вывод делается следующий: «Иностранцам очень трудно учить русский язык».

И как бы в подтверждение этого вывода одна моя коллега, работавшая некоторое время в Пхеньяне, рассказывала, какое недоумение у студентов-корейцев вызывало это самое пресловутое *Да нет*. Хотя ни для носителя языка, ни для учёного-языковеда никакого парадокса здесь нет. Учёный знает, а носитель языка своим «органом интеллекта» (если так трактовать, вслед за Ноамом Хомским, сущность языка) интуитивно, или даже инстинктивно (если понимать язык, вслед за Стивеном Пинкером, как инстинкт) чувствует, что речь здесь идёт как бы о разных измерениях языка. Давайте попробуем разобраться, где здесь, как говорится, собака зарыта.

Во-первых, попробуем определить, что же представляет собой слово *да* с точки зрения его принадлежности к той или иной части речи. В школе когда-то моё (ну, и не только моё, конечно) поколение учило, что *да* и *нет* – это **слова-предложения**. Сегодня российская научная грамматика этот термин не использует. А вот в английской грамматической традиции он используются (или почти используется). Так, в оксфордском словаре английского языка я нашёл такое определение: «**yes, particle equivalent to affirmative sentence**»,² то есть частица, эквивалентная утвердительному предложению. Конечно, это не слово-предложение моих школьных лет, но всё же частица, эквивалентная предложению. А в популярном «Англо-русском словаре» В.К. Мюллера находим: «**yes 1. adv да**».³ *Adv* – это сокращение от англ. *adverb*, т.е. *наречие*. Такое вот определение, для русского языка совсем необычное: *да* в качестве наречия наши языковеды не рассматривают.

В академической «Русской грамматике» *да* трактуется как **частица**. По формальному строению она относится к разряду частиц простых, первообразных, а по функциям – к разряду частиц модальных, т.е. вносящих в предложение «разные значения субъективного отношения к сообщаемому».

му».⁴ Внутри разряда модальных частиц выделяются «все частицы, в диалоге способные функционировать как реплики, выражающие утверждение или отрицание». Именно таковы частицы *да* и *нет* и целый ряд других. Ну что же, **частицы-реплики** близки к любезным моему сердцу словам-предложениям, но всё же – только в составе диалогического единства.

Итак, в интересующем нас сейчас значении, словарями указываемом как первое, **да** – это **простая первообразная модальная частица, в диалоге способная функционировать как реплика и выражающая утверждение, согласие**.

Употреблений таких, назовем их «реально утверждающих-соглашающихся» *да* в нашей устной речи (т.е. в РЯ), естественно, море. Приведу лишь несколько примеров из разговора (по телефону) с Андреем Макаревичем, состоявшегося 6 апреля 2018 г. на «Эхе Москвы»:

(1) – *Андрей, ты слышишь нас?*

– *Да, доброе утро.*

Здесь – самое обычное «реально утверждающее» *да*.

(2) – *Нужно поспокойнее.*

– *Да-да-да.*

Здесь – ну, такое утроенное, «усиленно-соглашающееся» *да*.

(3) – *Пять евро на год? Ну, это можно потянуть.*

– *Да-а-а, да-а-а, да-а-а.*

Здесь – некое «раздумчиво-соглашающееся», замедленное и повторяющееся *да*.

Примеры можно множить и множить, и с «чистыми», так сказать, *да*, и с *да* в том же значении, но «подкрашенными» разными экспрессивно-эмоциональными нюансами. Но все они, конечно, никак нам не объясняют парадоксальной ответной реплики русской жены американца из юморески Михаила Задорнова: *Да нет, наверное*. Ведь в ней *да* не выражает ни утверждения, ни согласия. А если всё же выражает – ну что ж, тогда можно сказать и похлеще, чем Задорнов: у дамы, значит, «крыша поехала», и, вполне естественно, у её мужа американца – «зашкаливает!»

Но всё не так печально, конечно. Ведь у модальной частицы *да* множество других значений. Назову лишь одно: «употребляется как вопрос при желании получить подтверждение чему-нибудь в значении: не так ли? не правда ли?» Например:

(4) – *У нас сейчас реклама, да? Ещё.*

– *Угу.*

(«Э.М». м. 06.04.2018).

Здесь, кстати, и такой, симпатичный синоним частицы *да* со значением «утверждения, согласия» употреблен: звукоподражательная частица *угу* (а может ещё быть и *ага*).

В функции вопроса «при желании получить подтверждение чему-нибудь» могут использоваться, кроме «чистой» частицы *да*, и разные составные конструкции, и разные другие слова. Вот, например, Сергей Леонидо-

вич Доренко (увы, увy, к огромному сожалению, даже к горю многих – в том числе и меня – недавно и внезапно ушедший из жизни) очень любил разные такие «вопросы-удочки», так сказать, «выуживающие» из собеседника ответные реакции. Приведу несколько примеров из его передачи «Подъём» на радиостанции «Говорит Москва» от 11.04.2018 г.:

(5) – *Понятно, да?*

– *Понятно, о чём я говорю, да?*

Или просто (без *да*);

(6) – *Понимаешь?*

Традиция задавать такие «выуживающие» вопросы с кончиной С.Л. Доренко на радиостанции «Говорит Москва» не прервалась. Вот разговаривают в утренней программе Алексей Гудошников, сменивший (но, увy, не заменивший) С.Л. Доренко, с Анастасией Оношко (долго с С.Л. Доренко работавшей):

(7) А.Гудошников: *Не было конкретной цели. Правильно?*

А. Оношко: *Понятно, да.*

(«Г.М». 11.08.2019).

А. Оношко буквально цитирует С.Л. Доренко, используя, правда, его любимое *Понятно, да?* в функции не вопроса, а ответа, что вполне правильно.

А на радиостанции «Звезда» есть занимательная научно-популярная передача «Что нас объединяет», которая всегда завершается как бы вызывающим радиослушателей на ответную реакцию вопросом:

– *Ну понятно, да?*

Могут быть и другие способы «выуживания» подтверждения своих слов у собеседника. Вот мой любимый начальник, например, если ему нужно было сообщить мне о каком-то своём решении, для меня неприятном, каждую свою фразу в нашем разговоре заканчивал так:

– *Юра, ты согласен?*

И я, конечно, отвечал:

– *Да.*

Поэтому и неприятный для меня вывод из нашего разговора я уже не имел никакого права оспаривать. Мудро, да?

Подводя же итог, скажу, что все эти языковые ухищрения большей или меньшей длины, все *Правильно?*, *Понимаешь?*, *Понятно, да?*, *Ты согласен?* легко укладываются в коротенькое вопросительное *Да?*

И русская жена американца вполне могла бы ответить своему мужу на какой-нибудь вопрос, например, а не сходить ли им в ресторан, таким вот образом:

– *Наверное, нет, да?*

Бедный, бедный американец. А ведь его покладистая жена всего-то и хотела выяснить, согласен ли он с её решением...

Но вот что любопытно: и в коротенькое вопросительное *Нет?* большинство «выуживающих» интенций говорящего тоже укладывается, в этом случае, правда, с преобладающим желанием «выудить» у слушающего воз-

ражения, если они у него есть. Например, у того же Сергея Леонидовича Доренко (он такое *Нет?* тоже любил):

(8) *Если перед Екатериной стоит выбор потратить на дорогу четыре часа или три, она выбирает три, нет?* («Г.М». 27.09.2018).

(9) *Государство должно об этом позаботиться, нет?* («Г.М». 03.10.2018).

Такое *нет?*, если угодно, – это очень вежливый и даже вкрадчивый способ «выудить» у слушающего подтверждение сказанного или согласие с говорящим. Мол: «Я тебе руки не выкручиваю, возражай, если есть возражения. Но разве они у тебя есть?» Что-то подобное, а «влезает» всё это в коротенькое *нет?*

Если кто хорошо помнит «культовый» (как сегодня говорят) фильм «Семнадцать мгновений весны», то он заметил, наверное, что вот таким «выуживающим» *нет?* очень часто пользовался всегда изысканно-вежливый (даже когда бил кого-то бутылкой по голове) Штирлиц-Тихонов. И вот он бы, пожалуй, мог на какой-нибудь вопрос Мюллера-Броневого, например, ответить почти как русская жена американца из юморески Михаила Задорнова:

– *Наверное, да, нет?*

И у несчастного американца опять начало бы «зашкаливать». А ведь всё правильно сказано, нет?

Илл. 4. Кадр из телефильма «Семнадцать мгновений весны»

Штирлиц: Наверное, да, группенфюрер, нет?

Мюллер: Да-да-да-да-да. Да!

(Реплика Штирлица-Тихонова придумана автором.

Реплика Мюллера-Броневого действительно прозвучала в фильме)

У частицы *нет* (а это, как мы помним, тоже частица, иногда частица-реплика) есть ещё одно, достаточно широко распространённое, но в словарях не зафиксированное употребление, и чтобы проиллюстрировать его, расскажу одну кратенькую историю из своей жизни, из её, так сказать, административного периода.

Организация, которую я тогда возглавлял, проводила ответственное мероприятие, после успешного завершения которого состоялся товарищеский фуршет. Ох уж эти фуршеты! Вечная головная боль бухгалтера. Без них мы никак не можем, а денег на их проведение никогда нет, ну не предусматриваются такие траты бюджетом. Но в тот раз наша бухгалтерия расстаралась, так сказать, «изыскала резервы». И напитки были славные, и закуска к ним очень пристойная, вплоть до осетрины горячего копчения.

Во время фуршета я, как и положено радушному хозяину, фланировал между гостями с бокалом яблочного сока, вёл светские беседы, а заодно и решал кое-какие сложные вопросы, что в неформальной обстановке делать, как известно, куда как проще. А вот выпить или там закусить – нет, не получалось, а надо было бы после целого дня, проведённого в постоянном напряжении.

Фуршет постепенно угасал, довольные гости расходились, а нам, четырёх-пяти руководящим работникам нашей организации, предстояла его заключительная часть в своём узком кругу, чтобы расслабиться, снять стресс и по горячим следам подвести итоги мероприятия. Наши сотрудницы накрыли нам стол из остатков (не путать с обедами – помните «Вокзал для двоих»?) общего фуршета. Было среди закусок и блюдо (ну, не очень большое, так, тарелка) с осетриной горячего копчения. На неё я поглядывал с особым вожделением: не часто, откровенно говоря, стол в моей семье украшал этот деликатес. Но прежде чем приступить к трапезе, мне предстояло поставить последнюю точку в рабочей части мероприятия: дать интервью корреспондентке одной газеты.

Корреспондентка начала задавать свои вопросы, я отвечал. А рядом со мной (и с тарелкой с осетриной!) устроился мой друг, но всё же подчинённый, и после каждого моего ответа вставлял своё дополнение, построенное по формуле:

– *Нет! Наша организация, как совершенно правильно сказал* (далее шли мои имя и отчество), *сотрудничает с разными странами...* (ну, и т.д.).

А в завершение своей реплики мой друг-подчинённый цопал с тарелки кусок (кусище!!!) осетрины и быстро его сжёвывал, как бы в виде вознаграждения за свою «верноподданическую» поддержку начальника. И к концу интервью тарелка перед нами была пуста, и закусывали мы другими вещами, вкусными, но всё же не так, как осетрина... Да...

Случай этот со временем отлился в наш корпоративный полутост-полуанекдот, который особенно часто звучал во время наших застолий (нет, не частых, совсем не частых!), и звучал он примерно так:

– *Нет! Я полностью согласен с имярек в том, что...* (и т.д.).

А потом съедалось что-нибудь особо вкусное из закусок.

Ну, и каково же значение частицы (даже частицы-реплики) *нет* в этом случае? «Отрицательный ответ на вопрос»? Нет. «Не имеется в наличии, отсутствует, не существует»? Тоже нет (ну, осетрина, правда, после моего интервью тоже – «не имела в наличии, отсутствовала, не существовала», но это уже не имело отношения к частице *нет*). Может, «однако ж, при всем том»? Тоже вряд ли. Нет, подходящего к случаю значения в словаре (а их для частицы *нет* приводится аж восемь) – *нет как нет* (разговорное, в значении: 'совсем нет; исчезло надолго или неизвестно куда').

Нет, частица *нет* употреблена была моим другом-подчинённым безотнositельно к идее отсутствия, несуществования, исчезновения. Это был такой сигнал, что-то вроде междометия *Эй!* (ну, это грубовато было бы). Или такого призывного: *Слушайте!* Одним словом, это «сигнальное» *нет* имело целью привлечь внимание к тому, кто хотел, но по каким-то причинам не мог высказать своё мнение. В нашем случае такой причиной была моя долгая речь, не позволявшая моему другу-подчинённому «слово молвить» (а значит, и осетринки кусочек – кусище!!! – цопнуть). Вот он и «неткал».

Такое «сигнальное» *нет* активно употребляется в РЯ. Уверен, что Читатель его неоднократно слышал, да, наверное, и сам употреблял. Но вот я, пардон, его почему-то в своих «соглядатайских» блокнотиках не фиксировал. И есть у меня в моих записях один лишь пример, без всяких «опознавательных» помет: кто, где, когда сказал. Зато помечен он у меня жирным восклицательным знаком. Так что всё же его приведу (выделив жирно):

(10) *Нет, я тоже так думаю!*

Прямо как у моего друга-подчинённого.

Употребляется это *нет* с целью привлечь внимание кого-то (обычно – из уже ведущих между собой беседу, разговаривающих о чём-то, о чём у не вовлечённого в разговор есть особое, по его предположению, важное для всех мнение), **установить с ним контакт**.

А вот русская жена американца из юморески Михаила Задорнова употребить такое *нет* не могла: внимание мужа и так на ней сосредоточено, контакт между ними и так есть. И странно было бы, если бы она заявила:

– *Нет! Да, наверное.*

Вот тогда бы её муж, будь он американец, русский или даже китаец (конечно, знающий русский язык), вполне (и обоснованно!) мог бы её не понять и очень удивиться такому ответу.

Ну и (в конце-то концов!) пора объяснить, почему автор считает реплику русской жены американца из юморески Михаила Задорнова с точки зрения всех норм и правил русского языка вполне, так сказать, «легитимной» и какое значение здесь имеют частицы *да*, *нет* и слово *наверное*.

Начнём с конца. Во-первых, *наверное* (также и в написании *наверно* – так тоже правильно). У него, согласно словарям, есть два значения: «1. Несомненно, верно, точно. Например: *Я это знаю наверное* (т.е. *точно знаю*)». В этом значении *наверное* – это наречие. В нашем случае это значение не подходит: русская жена американца как раз и не *точно* знает, хочет ли она

чаю, колеблется, так сказать. А вот и второе значение *навверное*: «2. По всей вероятности. Например – *Он, навверное, придёт*». То есть я как раз *не точно* знаю, придёт ли он. В этом значении *навверное* – это вводное слово, выражающее «оценку сообщаемого с точки зрения достоверности», в нашем случае синонимичное вводному слову *кажется*: наша милая дама не может с полной уверенностью сказать, хочет она чаю или нет, но ей *кажется*, что, *навверное*, не хочет. Вот! Поэтому делаем вывод: *навверное* ею употреблено *совершенно правильно*, и нет никакого повода у её мужа-американца «зашкаливать». Словари русского языка читать надо внимательно!

А что с частицей *нет*? Ну, здесь всё предельно ясно: русская жена американца употребила её в указываемом словарями первом значении: «1. Употребляется при отрицательном ответе на вопрос». Вот и всё.

Ну и, наконец, частица *да*. С ней, конечно, сложнее. Первое значение (т.е. выражение утверждения, согласия) не подходит. Не подходит и рассмотренное нами уже «выуживающее» (так мы его назвали) значение ‘Не так ли? Не правда ли?’ Но! Перед нами – **модальная частица**. А модальные частицы, если верить академической «Русской грамматике» (а не верить ей у нас нет никаких оснований), могут выражать много (очень-очень много!) всего разного. Перечислю просто: «ту или иную оценку, качественную характеристику; согласие или несогласие; предупреждение, угрозу; опасение; предложение, принятие, допущение; сомнение, неуверенность, неопределенность отношения; удивление; уверенность; стремление к смягчённости, сглаженности, нерезкости выражения». И перечень этот, конечно, не закрытый. Вот, например, для нашей частицы *да* словарь приводит такое значение: «4. *[всегда безударная]* Употребляется обычно в начале предложения и при ответе собеседнику для подчеркивания, с некоторым оттенком раздражения, недовольства (разговорное). Например: *Куда идти? – Да прямо!*»

Русская жена американца могла бы на вопрос мужа *Хочешь чаю или нет?* ответить «с некоторым оттенком раздражения, недовольства»: *Да нет!* Дескать: «Отстань! Не до тебя и не до чаю! Тут вот такой сериал крутой – просто вау!» И была бы права – с точки зрения словаря, конечно, но не с точки зрения этических норм поведения в семье. Но она, как любящая жена, проявляет «стремление к смягчённости, сглаженности, нерезкости выражения», да к тому же и сама испытывает «сомнение, неуверенность» в своем желании/нежелании пить чай (помните – *навверное?*), и **поэтому** мягко (и совсем **не парадоксально**), **совершенно правильно** с точки зрения и грамматики, и прагматики, и (что очень в нашем случае важно!) этики отвечает своему обожаемому мужу:

– *Да нет, навверное...* (И могла бы добавить: *Любимый*).

А ведь могла бы просто ответить: *Нет*. И глупый американец был бы доволен, и ничего бы у него не «зашкаливало». Но было бы это – как-то слишком лапидарно (а уже для дамы – и тем более), да и почти невежливо. Ну, и никаких эмоций (дамских) не выражало бы. А тут, сразу – и смягчённость, сглаженность, нерезкость, и сомнение, неуверенность... да и просто – **ЛЮБОВЬ!**

Поэтому нечего там этому... американцу (дур-р-аку! Радовался бы на такую жену!) на наш «великий и могучий» клеветать: всё в нём правильно. А вот лучше пусть на свой американский-английский посмотрит. Там-то сколько всякой, извините, «модальщины»? Да не меньше, чем в русском!

Отступление теоретическое № 2: О модальности

Ну а теперь – несколько слов не в шутку, а всерьёз. В начале этого «этюда» я вскользь сказал о том, что при анализе парадоксального (или просто бессмысленного) на первый взгляд высказывания *Да нет, наверное* «речь идёт о разных измерениях языка». Подтверждаю и в заключение «этюда»: да, язык неодномерен. Ведь не только «красного словца для» мой коллега и хороший старший друг академик Ю.С. Степанов (увы, увy, из жизни уже ушедший) одну из своих книг назвал «В трёхмерном пространстве языка». В этой книге Юрий Сергеевич построил, как очевидно из самого названия, трёхмерную модель языка, и эти три измерения – семантика, синтактика и прагматика (речь в книге идёт, правда, и ещё о двух моделях: одномерной – с семантикой только; и двухмерной – с семантикой и синтактикой). Можно выстраивать и иные модели языка, с большей, так сказать, «мерностью». А вот об одномерном языке сразу скажем словами Ю.С. Степанова: «Конечно, такой язык лишь очень условно можно назвать естественным, и лучше скажем так: это очень бедный естественный язык»⁵. Так о каких же измерениях языка пойдет речь?

А поговорим мы только о тех измерениях языка, которые в языкознании определяются термином «**модальность**» (мы его уже использовали выше в определении «модальная частица», сейчас же постараемся, так сказать, «прояснить»). Я сторонник того толкования модальности, которого придерживается академическая «Русская грамматика» (думаю, для ученика академика Н.Ю. Шведовой, главного редактора этого фундаментального труда, – а я ученик Наталии Юльевны – такая приверженность не может казаться странной). Итак, модальность – это «отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности».⁶ Соответственно различаются объективная модальность (отношение сообщаемого к действительности) и субъективная модальность (отношение говорящего к сообщаемому).

Круг объективно-модальных значений узок. Их, собственно говоря, только два: реальность (выражается синтаксическим индикативом: синтаксическим настоящим, прошедшим и будущим временем) и ирреальность (выражается синтаксическими ирреальными наклонениями – сослагательным, условным, желательным, побудительным и долженствовательным).

Субъективно-модальных значений – безбрежное море, и средства их выражения многообразны. Назову лишь частицы, междометия, вводные слова – и отошлю читателя к соответствующим разделам «Русской грам-

матики». Но отмечу, что эти средства могут иметь двоякую ориентацию: или на слушающего (т.е. адресата речи), или выражать эмоциональные реакции, интеллектуальные оценки самого говорящего (т.е. адресанта речи).

А теперь, вооружившись этим теоретическим арсеналом, попробуем проанализировать ответ русской жены американца (ох, который раз мы её уже поминаем, и сколько раз она, бедняжка, уже икнула) с точки зрения, так сказать, его «модальной мерности». И начнём с его, как говорят лингвисты, предикативного центра, т.е. с частицы-реплики:

Нет – объективно-модальное значение **реального** отсутствия у дамы желания пить чай. А могла бы эта частица попасть и в контекст **ирреальности**: *Хорошо бы нет, Если бы нет*, ну, и т.д.

Перейдем к вводному слову:

Наверное – субъективно-модальное значение интеллектуальной оценки адресантом сообщаемого с точки зрения его достоверности: *кажется, нет*, т.е. не вполне достоверно *нет*.

И, наконец, модальная частица:

Да – субъективно-модальное значение обращённого к адресату стремления к смягченности, сглаженности, нерезкости выражения, да ещё и осложнённое значением неуверенности, сомнения адресанта.

И в результате мы получаем **модально многомерное** высказывание *Да нет, наверное*, одновременно характеризующее (объективно) и реальное «положение дел», и его интеллектуальную и эмоциональную (субъективную) оценку адресантом, и определённым образом (субъективно) ориентирующее сказанное на адресата.

Надо добавить, что такое, якобы «парадоксальное» *да нет* очень активно употребляется в РЯ, в том числе и в «говорящих» СМИ, например:

(11) *Да нет, в этом и вся проблема* («ОТР» м. 22.02.2019).

И ни у кого ни в студии, ни среди радиослушателей или телезрителей никакая «перезагрузка матрицы» не идёт и ничего не «зашкаливает». Более того, это *да нет* уже превратилось, похоже, в устойчивое, почти фразеологизированное разговорное, конечно, средство выражения такого, «неуверенно-задумчивого (или раздумчивого)» отрицания/несогласия. Как, например, фразеологизм *А вот и нет!* (тоже разг.), выражающий «уверенное возражение тому, кто неправ, ошибается».

В качестве доказательства своего предположения приведу вот такой, яркий, даже «живописный» диалог ведущих радиостанции «Говорит Москва»:

(12) А. Гудошников (задумчиво повторяет): *Да нет, да нет...*

А. Оношко (раздраженно возражает): *Да не да нет, а да да!!!* («Г.М». 23.09.2019).

У Гудошникова мы находим «раздумчивое несогласие». А у Оношко – «раздраженное возражение». И ведь «возражает» она – не отдельной части-

це *нет* Гудошникова, а цельному, воспринимаемому как единое образование, сочетанию *да нет*.

Увы, конечно, не прав был Михаил Николаевич Задорнов (светлая ему память), предполагая, что американец «воспитан двухполярным мышлением: *да* или *нет*».

Английский язык, конечно, не относится к одномерным, по выражению Ю.С. Степанова, «очень бедным естественным языкам». И он – модально многомерен. И в нём находит выражение как объективная, так и субъективная модальность. Да и вообще – нет языков, в которых субъективно-модальные значения не находят выражения. Это – закон. И исключений из него нет, как нет людей без субъективных оценок.

P.S. Дорогие коллеги-преподаватели русского языка как иностранного! (Ведь когда-то и я принадлежал к вашей доблестной когорте.)

Не надо пасовать перед студентами-иностранцами, когда они (не очень часто, конечно) обвиняют русский язык в его якобы какой-то парадоксальной нелогичности, как это сделала моя знакомая, работавшая в Пхеньяне (а она, увы, перед корейскими студентами спасовала).

Показать (а главное – объяснить) им всю его (русского языка то есть) многомерную ёмкость и выразительность – наша задача!

«Странное» *да*

Итак, мы разобрались с одним, правда, не очень простым (или даже очень не простым) случаем употребления модальной частицы *да*. А попутно рассмотрели и некоторые другие её употребления. И убедились, что частица эта – многозначна и даже многомерна. И ничего неправильного, парадоксального, нелогичного во всех этих случаях её употребления не обнаружили. Но вот сейчас пришло время поговорить о таком странном *да*, от которого у меня самого, как у того американца – мужа нашей милой дамы, долго «зашкаливало», да и до сих пор, пожалуй, «зашкаливает» время от времени. Сейчас я начну приводить примеры употребления этого странного *да*, но перед этим должен сделать одно пояснение. Многие примеры (и даже очень-очень многие) взяты из различных передач радиостанции «Эхо Москвы». Почему так? Почему я предпочитаю «Эхо» другим источникам? Надо бы объяснить. Объясняю.

Отступление объяснительное: Про «Эхо Москвы»

Я не могу сказать, что я постоянный слушатель радиостанции «Эхо Москвы» потому, что солидарен с её «генеральной линией», с её трактовкой событий в стране и в мире, с тем, **что** говорящие на «Эхе» транслируют

«urbi et orbi» («городу и миру», то есть). Но меня привлекает, **как** они это делают. Одним словом, «Эхо» – кладёзь материала для языковеда-русиста.

Язык «Эха Москвы» – сочный, живой, ярко демонстрирующий все особенности современного русского разговорного языка, даже с примесью просторечья, но без обценной лексики, иногда, правда, балансирующий на самой её грани, например (не буду полностью писать «нехорошие» слова, хоть они и не из тех, что Роскомнадзор запрещает): «Это ни хр... не физиологично»; или: «Ну-у-у, у вас тут г... в двух случаях вместо плохой»; или даже: «Унылое г...» (это сказано несколько лет назад в адрес нового мэра Москвы и, как **я** считаю, очень несправедливая эта оценка).

Илл. 5. «Эхо Москвы»

Есть на «Эхе» и специальная передача, посвященная русскому языку, которая симпатично называется «По-русски говоря...», и ведет её симпатичная Ольга Северская – моя давняя коллега по Институту русского языка Российской академии наук. Хорошо ведет, и передача хорошая.

Но вот Владимир Вольфович (Жириновский, конечно) как-то сказал на «Эхе» (очень вежливо, между прочим): «Я вас ненавижу, но вот пришёл к вам». А «Эхо» откликнулось (эхом, конечно): «Он (Жириновский, конечно. – Ю.В.) всегда даёт контент». (Бог его ведаёт, что сие значит?). Ну, я никакого «контента» (что бы ни имелось в виду) «Эху» не даю, да и не хожу туда. (Конечно, не потому, что отказываюсь ходить, а потому, что не зовут...). И совсем не ненавижу «Эхо». (Это что, получается *навижу*, что ли? Ольга Северская, подскажите!). Но всё же должен, пожалуй, сказать так:

Я люблю «Эхо Москвы», как Гиви из известного анекдота любит помидоры: «Кушать – да, а так – **нэт!**» (А тут ещё и рифма кстати подворачивается: «кушать – слушать»). Вот.

Отступление теоретическое № 3: Об интонации

Итак, перейдем к примерам... Но стоп! Речь у нас дальше пойдёт не только о семантике (значениях то есть) и прагматике (употреблениях то есть), но

и об интонации. Поэтому придётся сделать отступление, извините, чтобы упростить дальнейшее изложение. Опираясь при этом я буду на академическую «Русскую грамматику» (а как ещё быть ученику Н.Ю. Шведовой), а в ней – на раздел первого тома «Интонация», написанный Е.А. Брызгуновой. Должен сказать, что именно концепцию Елены Андреевны я использовал, когда преподавал русский язык иностранным студентам. Очень хорошая с точки зрения теории концепция. И очень удобная для практика. Спасибо, Елена Андреевна.

Начнем с определения:

«Интонация – это различные соотношения количественных изменений тона, тембра, интенсивности, длительности звуков, служащие для выражения смысловых и эмоциональных различий высказываний».

Интонация характеризуется количественными изменениями основного тона (далее – просто тона). Тон может быть ровным, нисходящим, восходящим, нисходяще-восходящим и восходяще-нисходящим. Нас же, в связи с предстоящим разговором о «странном» *да*, будут интересовать два вида тона: нисходящий и восходящий.

Смыслоразличительные функции, позволяющие распознавать в нашей речи вопросы, повествовательные высказывания, побуждения, завершённость – незавершённость высказывания и т.д., выполняют различные типы соотношения тона, тембра, интенсивности и длительности звучащей речи, именуемые интонационными конструкциями, сокращенно – ИК. Е.А. Брызгунова выделяет в звучащей речи на русском языке 7 типов интонационных конструкций. Нас, опять же в связи со «странным» *да*, будут в первую очередь интересовать из этих семи два типа: ИК-1 и ИК-3. Это:

ИК-1. Гласный центра конструкции произносится с нисходящим тоном, употребляется в повествовании и вообще – для выражения завершённости высказывания или его части. Будем обозначать ИК-1 значком ♫. Например: *Он там ♫*.

ИК-3. Гласный центр конструкции произносится с восходящим движением тона. Употребляется при вопросе, сигнализирует незавершённость высказывания (а также в некоторых других случаях). Будем обозначать ИК-3 значком ♪. Например: *Он там ♪?* *Он там ♪, а она – ...*

Ну и примеры употребления «странного» *да*, наконец. («Наконец-то», – скажет раздражённый Читатель.) Все примеры – из различных передач «Эха Москвы», но тогда я ещё не фиксировал даты и гендерную принадлежность говорящих, увы. Привожу, как есть:

- (1) *Услуги таких компаний, да ♪, обычно стоят очень дорого.*
- (2) *Покупая хороший, но ненужный товар, да ♪, люди задумываются, что с ним делать.*
- (3) *Но есть процедура, да ♪, которую надо соблюдать.*
- (4) *Тут огромная фотография, да ♪, на первой полосе.*

И ещё пару примеров приведу, чтобы Читатель не решил, что, действительно, только «Эхо Москвы» вот так, «странно», «дакает»:

(5) *Это общение с новыми людьми, да ♣, с которыми я встречаюсь* (Радиостанция «Романтика», ж. – хозяйка ресторана. 04.04.2018).

(6) *За четыре минуты, да ♣, напрыгать дорожку не успеешь* (Телеканал «Мир», ж. – спортсменка. 06.04.2018).

Ну, и к чему же во всех этих высказываниях *да*? Может быть, это то самое *да*, которое мы назвали «вопросом-удочкой»? Которым пользуются «при желании получить подтверждение чему-нибудь»? Конечно, позиция его смущает: такие «удочки» в норме должны стоять в конце высказывания. Хотя и для *да*-вопросов, и для *да*-ответов могут быть и другие местоположения. Вот, например, *да*-ответ, расположенный где-то внутри довольно длинной фразы:

(7) *Например, кто-то ищет корни родословной. И они найдут, что да, в каком-нибудь воронежском архиве лежат их метрики* («Г.М». м. 06.08.2019).

Здесь *да* – это ответ на не явно выраженный вопрос: *Где лежат документы о корнях моей родословной, и есть ли они?* И ответ: *Да, есть. В воронежском архиве лежат ваши метрики.*

Ладно, но подтверждение **чему** желает получить говорящий, используя эти «удочки» (если это «удочки») в примерах (1)-(6)? Что это *компании*, а не *шайки бандитов* (1)? Что это *ненужный товар*, а не *совершенно необходимая вещь* (2)? Что это *фотография*, а не *мраморный бюст* (4)? Ну, и так далее...

Есть примеры и с расположением *да* в самом конце высказывания:

(8) *У нас разнообразные уникальные технологии, да ♣* («Э.М». м. 20.03.2018).

(9) *Это в основном пожилые мужчины, да ♣* («Э.М». м. 09.04.2018).

И в этом случае мы, конечно, вправе бы были предполагать, что перед нами – именно «вопросы-удочки». Но! Дальнейшая беседа никаких подтверждений со стороны слушающего в обоих случаях не содержит. Более того – очевидно, что использовавший *да* эти подтверждения и не ждал.

Так, может быть, говорящий, используя это *да* ♣ (с восходящим тоном), интонационный рисунок своей речи хотел подчеркнуть зачем-то? «Смотри, мол, – у меня тут ИК-3» (помните: вопрос или незавершённость высказывания). Посмотрим. Ну что же, все примеры, кроме (4), в принципе, могли бы допускать использование ИК-3, маркирующей незавершённость – после этих «как бы» *да* «незавершённости» высказывание продолжается. А вот пример (4) такой трактовке не поддаётся: в этом случае нужно употребить ИК-1: *Здесь огромная фотография ♣, на первом плане.* И не может быть ИК-3 в примерах (8) и (9). Перед нами не вопросы, а законченные повествовательные высказывания, и заканчиваться они могут, как я уже объяснял, только ИК-1: ♣.

Надо сказать, что произноситься наше «странное» *да* может не только с восходящим тоном ↗, но и с нисходящим ↘, например:

(10) *А всё-таки, конечно, да ↘, она успела больше* («Э.М.» м. 06.04.2018).

И иногда использование таких «восходящих» и «нисходящих» *да*, действительно, соответствует интонационному рисунку высказывания, например:

(11) *Есть допустимые вещи, да ↗, а есть недопустимые, да-а-а ↘* («Э.М.» ж. 07.04.2018).

Действительно, после первой части высказывания здесь необходима ИК-3, а после второй – ИК-1. Ну и конечное *да-а-а* здесь получилось таким – «усиленно завершающим», даже «аффективно подтверждающим». Жирную завершающую точку поставило.

Но *да*, подчеркивающее интонационный рисунок речи, – уж очень странное *да*. Ведь оно – совершенно избыточно. Ведь интонация и так очень ясно свидетельствует, вопрос мы слышим или нет, завершено высказывание или нет: ИК-3 ↗ – или вопрос, или синтагма не конечная (= незавершённость), ИК-1 ↘ – не вопрос, синтагма конечная (= завершённость). К чему ещё какие-то *да*?! Попробую высказать одно из возможных объяснений, «выдвинуть гипотезу», говоря высоким научным стилем. Возможно, перед нами попытка приспособить к «разумным» языковым потребностям «неразумного» по определению «паразита» – избыточное *да*, бессмысленное, раздражающее, вызывающее недоуменный вопрос: *Да зачем же его так много, да ↗?!* (здесь *да* – «завершающе-аффективно-вопросительное» – вот сколько всего я на бесполезного, казалось бы, «паразита» нагрузил).

Но, увы, плохо моя гипотеза работает: попытки, так сказать, «интонационно осмыслить» это *да* в нашей речи плохо удаются (если вообще принимаются). Вот, например, говорит один человек:

(12) *Услужливый голос такой, да ↗, раскатистый.*

А потом этим же голосом, да ↘: «Венчается раба божия» («Э.М.» м. 06.04.2018).

И неправильно. Здесь в обоих случаях требуется ИК-1, то есть ↘.

И еще:

(13) *И сейчас титан, да ↘, тяжеловес выходит на арену – Жириновский! Есть обаяние, есть, да ↗, ничего не могу сказать* («Э.М.» м. 06.04.2018).

Та же картина.

Так что нет, никакую интонационную конструкцию мы в нашей речи этим «странным» *да* не помечаем (да и не уверен, что пытаемся пометать). А вот, так сказать, «расплодилось» оно повсеместно. Я даже в речи Президента страны (!) его зафиксировал. Вот:

(14) *Во-первых, они (родители – Ю.В.) купили мне баян, а не арфу, да ↗?* (Смеётся.) (Из телефильма о В.В. Путине Андрея Кондрашина. Слова В.В. Путина. 23.03.2018).

Мы встречались с нашими партнерами в Осаке, да ↗ («Россия-24». Слова В.В. Путина из интервью во время V Восточного экономического форума. 05.09.2019).

Либеральная идея, да ✎ – она вообще себя изжила («Россия-24». Слова В.В. Путина. Цитата из его интервью. 06.09.2019).

Однажды я упрекнул одного моего хорошего знакомого, раньше часто появлявшегося на экранах телевизоров в передачах о литературе и культуре, за то, что он злоупотребляет в своих телевыступлениях этим самым «странным» *да*. Он улыбнулся, промолчал и... так и продолжал им злоупотреблять. Осознанно? Не знаю. Может, в его речи это *да* уже попало в разряд пусть невинных, но «паразитов»? (Хотя могут «паразиты» быть совсем уже невинными? Вопрос...)

Отступление кинематографическое: Про *ку* и *да*

Наше «паразитическое» *да*, «страшно-страшно» распространившееся и поразившее многих (если не всех) носителей языка, уже почти превратилось в знаменитое словечко *ку* из легендарной антиутопии Георгия Данелии «Кин-дза-дза!» (1986). Вспомним предваряющий вторую серию фильма «Краткий чатлано-пацакский словарь» (авторы-составители словаря режиссер-сценарист фильма Г. Данелия и его сценарист Резо Габриадзе):

Кю – допустимое в обществе ругательство.

Кю! – не очень допустимое ругательство (в сценарии было, в словарь, показанный в фильме, не вошло).

Ку – все остальные слова.

И был в фильме такой диалог с этими словами, назовём его «ругательным» (в роли Би – Ю.В. Яковлев, в роли Уэфа – Е.П. Леонов):

Би: *Уэф! Ты как хочешь, а я их на Альфу* (поднимает правую руку с вытянутым вверх указательным пальцем) – *ку!*

Уэф (рычит, растопырив руки со скрюченными, как когти, пальцами): *Кю-ю-ю!*

(Вот оно, у Уэфа-Леонова, не вошедшее в словарь «не очень допустимое ругательство»: *Кю-ю-ю!*)

Надо сказать, что со словечком *ку* произошла в своё время почти анекдотичная история. Вот что можно прочесть об этом в интернете: «При рассмотрении сценария Худсовет неожиданно увидел в слове “ку” “политику”, так как оно совпадает с инициалами незадолго до этого скончавшегося Генерального Секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко». Смешно?

Но, тем не менее, *ку* в фильм попало, и более того, «Википедия» даже утверждает: «Некоторые вымышленные слова из фильма вошли в разговорный русский язык. Так, например, слово “ку” в шутку иногда используется для приветствия». Ну, я бы этого утверждать не стал: и сам никогда так словечко это не употреблял, и от других в таком значении его не слышал, и ни в каких словарях его в таком качестве не встречал. Но то, что *ку* было (да и есть) весьма популярно – да, согласиться можно и нужно.

Так вот, наше *да* – уже почти *ку*, но ещё, правда, не *кю* (но это, впрочем, как посмотреть, как посмотреть...).

В заключительной части фильма «Кин-дза-дза!» есть такой забавный диалог (назовём его «повествовательным»):

Би: *Ку* ↗!
Уэф: *Ку* ↘.
Би: *Ку-у* ↗?
Уэф: *Ку-у* ↘.
Би: *Летим!*

Ну, вроде всё ясно. Типа:

Би: *На старт!*
Уэф: *Есть.*
Би: *Завё-ё-ёл?*
Уэф: *За-а-авёл.*
Би: *Летим!*

Что-то подобное можно выстроить и с *да* вместо *ку* (и *кю* тоже):

А: *Да* ↗!
Б: *Да* ↘.
А: *Да-а* ↗?
Б: *Да-а* ↘.
А: *Да* ↘↘.

Толкуйте как угодно...

Ну, это, как говорится, «шутка юмора». А если всерьёз, то разобраться со всеми этими *да* ↗ и *да* ↘ не так-то просто.

Так что, причисляем их к сонмищу слов-«паразитов» и ставим на этом точку? Ведь используется это наше «странное» *да* и в одном ряду с другими «паразитами», в целом «гнезде паразитов», с нашим любимым *как бы*, например. Вот вам, пожалуйста:

(15) *Сегодня «Ника» считается как бы не главной премией, да ↗, от неё нечего ожидать* («Э.М.» ж. 07.04.2018).

И даже так:

(16) *Но как бы, да ↗, проблемы нужно решать сегодня* («Э.М.» м. 09.04.2018).

Так что – жирная точка?

Нет, всё же нет. Давайте всё же попробуем разобраться...

О нашем «странном» *да* мало кто из языковедов-русистов пишет. А если быть точным, я читал о нём только у одного учёного – у М.А. Кронгауза.

Поэтому и позволю себе привести довольно обширную цитату из его бестселлера «Русский язык на грани нервного срыва»:

«Есть люди, которые даже во время монолога постоянно обращаются за поддержкой к собеседникам и делают это с помощью словечка *да* с вопросительной интонацией или вопросов-обращений типа *понимаете, знаете*. Эти вроде бы и паразиты в действительности очень нужны говорящему и выдают его особый психологический склад, потребность в постоянной коммуникативной поддержке и связи с собеседником. Это, впрочем, не означает, что перед нами мягкий, сомневающийся человек. Я слышал регулярное вопросительное «*да*»? в устах абсолютно уверенных в себе людей. Этим словом они как бы постоянно подхлестывают собеседника, не давая ему ни на секунду отвлечься от разговора, а точнее – от слушания того, что они говорят»⁷.

Во-первых, скажу, в чём я не согласен с Максимом Анисимовичем. Мне, например, не кажется, что наше *да* употребляется в тех же ситуациях и с теми же целями, что и «паразиты» *понимаете, знаете*. Например:

(17) Ну, поговорить про политику мы можем, да ↗, но с таким же успехом мы можем поговорить про что-нибудь другое («Э.М». ж. 05.04.2018).

Попробуйте «вставить» на место *да* ↗ *понимаете* или *знаете*. Получается как-то... не очень.

А знаменитое выражение Ельцина: *Вот такая загогулина получилась, па-а-анимаешь*. Заменим любимое *па-а-анимаешь* Бориса Николаевича на наше «странное» *да*: *Вот такая загогулина получилась, да* ↗, ну, или *да* ↘. М-да. Совсем как-то... Нет, не то.

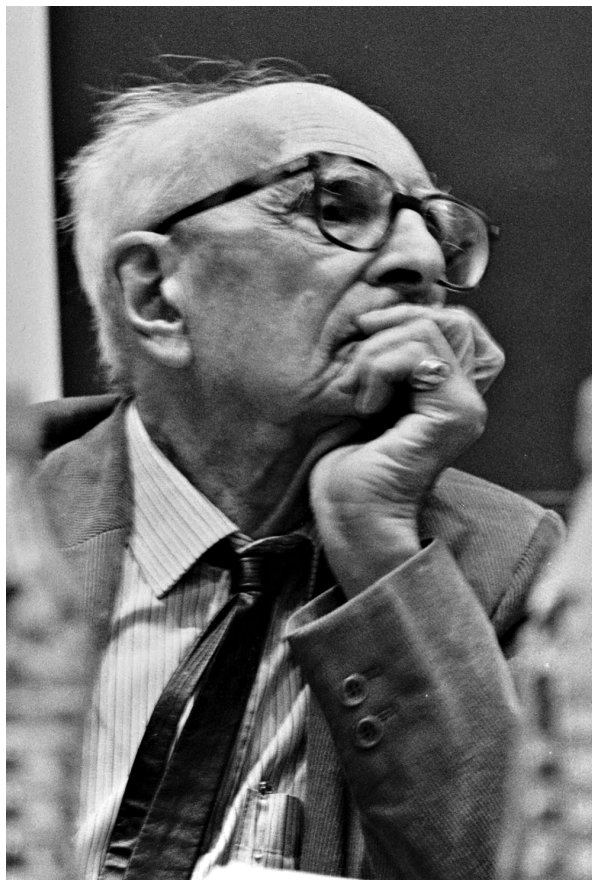
И потом. Максим Анисимович связывает склонность к постоянному употреблению нашего *да* с психологическим складом говорящего. Об этом я уже писал выше. Помните? «Скажи мне, какое у тебя слово-паразит...». И получается у Максима Анисимовича, что паразитом (у него – без кавычек) *да* пользуются, с одной стороны, люди, «нуждающиеся в постоянной коммуникативной поддержке», а с другой стороны, «абсолютно уверенные в себе люди», которые этим *да* «как бы постоянно подхлестывают собеседника». Очень разные люди, согласитесь. И какие-то уж очень разные *да* у них получаются. Одно – ну, как просьба бросить спасательный круг, что ли: «Поддержи меня!» А второе – как плётка-погонялка: «Не отвлекаться! Слушать!» Хм...

А вот в чём я совершенно с Максимом Анисимовичем согласен, так это в том, что *да* это ориентировано не на содержание высказывания, не на то, **о чём** кто-то говорит, а на того, **с кем** он говорит, на собеседника. А чтобы мысль моя была понятнее, нам придётся сделать ещё одно теоретическое отступление и поговорить о функциях языка.

Отступление теоретическое № 4: О функциях языка

Легендарный товарищ Теодор Иванович Нетте, «пароход и человек» из широко известного (во времена моей юности и даже «зрелости» – точно, сейчас как – точно не знаю) стихотворения В.В. Маяковского, если верить «агитатору, горлану, главарю» Владимиру Владимировичу, «пивал чай с поэтом в дипкупе», «напролёт болтал о Ромке Якобсоне и смешно потел, стихи уча». (Мы, студенты филологического факультета МГУ, переделали строчку классика: «и смешно потел, **его** уча»; его – это «Ромку Якобсона». Да, давно это было...). А 5 февраля 1926 года Нетте был застрелен в купе поезда Москва–Рига неизвестными, пытавшимися похитить дипломатическую почту. Смерть достойного человека. И Маяковский правильно увековечил его в своих стихах...

А кто же такой этот «Ромка Якобсон», о котором Теодор Иванович «напролёт болтал» с Владимиром Владимировичем?

Илл. 6. Роман Осипович Якобсон (1896–1982)

Все специалисты-филологи (да и не только филологи, да и не только специалисты в какой-то одной науке) знают, что Роман Осипович Jakobson (1896-1982) был одним из крупнейших в мире ученых-гуманитариев ушедшего XX века. Лингвист, литературовед, семиотик, культуролог – он оставил очень заметный след во всех этих науках, труды его, уже давно ставшие классическими, изучаются сегодня студентами во всём мире (и мы, грешные филфаковцы-эмгэушники, в своё время изучали и, как уже сказано, потели – смешно или не смешно, не знаю – их уча).

Среди богатейшего научного наследия Романа Осиповича есть и работы, посвящённые функциям языка. На одну из них, а именно на его классическую статью «Лингвистика и поэтика»,⁸ я и буду опираться, так как, по-моему, ничего лучше, чем дорогой всем нам «Ромка Jakobson», на эту тему никто не написал. (Дальше в тексте страницы приводятся по изданию этой статьи, указанному в «Примечаниях».)

Р.О. Jakobson даёт такую схему речевого, и шире – коммуникативного акта (с. 198):

	Контекст	
Адресант	Сообщение	Адресат
	Контакт	
	Код	

И, как пишет автор: «Каждому из этих факторов соответствует особая функция языка» (Там же). Далее автор приводит перечень всех шести функций языка (с. 203):

Коммуникативная (референтивная)

Апеллятивная

Поэтическая

Экспрессивная

Фатическая

Метаязыковая

А теперь охарактеризуем кратко каждую из этих функций, но не в том порядке, в каком они даны в перечне Jakobsona (по разным причинам, в том числе и связанным с нашей темой – «странным» *да*).

Коммуникативная (референтивная, денотативная, когнитивная) функция – ориентация высказывания на *контекст* (или на *референт*, *денотат*), т.е. на то, **о чём** мы говорим.

Экспрессивная (эмотивная) функция – ориентация высказывания на *адресанта*: «Она связана со стремлением произвести впечатление наличия (у адресанта. – Ю.В.) определённых эмоций, подлинных или притворных» (с. 198).

Апеллятивная (конативная) функция – ориентация высказывания на *адресата*: «находит своё чисто грамматическое выражение в звательной форме и повелительном наклонении» (с. 200).

В традиционной модели языка различались только три эти функции. «Соответственно в модели выделялись три “вершины”: первое лицо – говорящий; второе лицо – слушающий и “третье лицо” – собственно некто или нечто, о чём идёт речь» (с. 200). Поэтому они и помещены в начало нашего описания.

В качестве разновидности конативной функции Р.О. Якобсон называет «добавочную» *магическую, заклинательную* функцию: «Это, по сути дела, как бы превращение отсутствующего или неодушевлённого “третьего лица” в адресата конативного сообщения» (Там же). Например: «Пусть скорее сойдет этот ячмень, *тыфу, тыфу, тыфу!*» (литовское заклинание) (там же).

Метаязыковая функция (функция толкования) – ориентация высказывания на код: «Если говорящему или слушающему необходимо проверить, пользуются ли они одним и тем же кодом, то предметом речи становится сам код» (с. 202).

Поэтическая функция: «Направленность на *сообщение*, как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» (там же). Причём, по мнению Р.О. Якобсона, «занимаясь поэтической функцией, лингвисты не могут ограничиться областью поэзии» (с. 203). Так, он видит именно поэтическую функцию языка в следующем факте: «Если два имени собственных связаны сочинительной связью, то адресант, хотя и бессознательно, ставит более короткое имя первым (разумеется, если не вмешиваются соображения иерархии): это обеспечивает сообщению лучшую форму» (там же).

И наконец, последняя (по месту, а не по значению для нашей темы) функция языка:

Фатическая функция – ориентация высказывания на *контакт*. Приведу побольше цитат из статьи Р.О. Якобсона об этой функции (они того стоят!): «Существуют сообщения, основное назначение которых – установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи (“Алло, вы меня слышите?”), привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно (“Ты слушаешь?” или, говоря словами Шекспира, **“Предоставь мне свои уши!”**, а на другом конце провода: “Да-да!”)» (с. 201).

Роман Осипович приводит любопытный пример такого вот, «чисто» фатического диалога из одного романа американской писательницы и поэтессы Дороти Паркер (урожденной Ротшильд) (1893–1967):

- Ладно! – сказал юноша.
- Ладно! – сказала она.
- Ладно, стало быть, так, – сказал он.
- Стало быть, так, – сказала она, – почему же нет?
- Я думаю, стало быть, так, – сказал он, – то-то! Так, стало быть.
- Ладно, – сказала она.
- Ладно, – сказал он, – ладно.

Глубокомысленно, не правда ли? А теперь вспомните диалог с *ку* из фильма «Кин-дза-дза!» и наш, выдуманный диалог с *да*. Не напоминают они разве этот, с *ладно* и *стало быть*?

И вот как Р.О. Якобсон этот пример комментирует: «Эту функцию (фатическую - *Ю.В.*) первой усваивают **дети** (выделено мной. – *Ю.В.*); стремление вступить в коммуникацию появляется у них гораздо раньше способности передавать или принимать информативные сообщения» (там же). Так что же получается? А получается, что в *онтогенезе* (т.е. в индивидуальном развитии организма) *фатическая* функция предшествует функции *референтивной* (*денотативной, когнитивной*). То есть злоупотребление языком в фатической функции – это такая, почти детская забава (**NB!**).

А что у нас в *филогенезе* (т.е. в историческом развитии организмов, в процессе *эволюции*)? Вот что говорит об этом Р.О. Якобсон: «Стремление начать и поддерживать коммуникацию характерно для говорящих птиц; **именно фатическая функция языка является единственной функцией, общей для них и для людей**» (выделено мной. – *Ю.В.*) (там же).

Так что и в диалоге из романа Дороти Паркер с *ладно* и *стало быть*, и в «повествовательном» диалоге с *ку* из фильма «Кин-дза-дза!», и в нашем выдуманном диалоге с *да* – везде в чистом виде «голимая» (так, вроде, молодёжь говорит) фатическая функция, ну прямо как у певчих птиц (или у детей).

Получается так: эволюция системы коммуникации певчих птиц, да и вообще системы коммуникации животных (сокращённо – СКЖ) как бы прекратилась на этапе формирования фатической функции, а человеческий язык продолжал эволюционировать, формируя и развивая другие функции (числом пять). То есть «Алло!» – «Да-да!» – это то, что роднит нас с нашими животными предками. Вот такой вывод. Любопытно...

Ну, и вернёмся к нашим «паразитам». Помните, я уже цитировал И.Б. Левонтину? Симпатичную главку «А паразиты никогда» из её книги «Русский со словарем». С удовольствием процитирую ещё раз, место про «всевозможные э-э-э, мэ-э-э, ну, это и так далее». Вот что пишет Ирина Борисовна: «Это своего рода сигналы: “Я здесь, я на связи, сейчас уже скажу, ждите ответа”». Очень точно! И лексика такая – прямо телефонная: «Я на связи», «ждите ответа». И вывод можно сделать естественный: целая (огромная!) группа наших «паразитов» («всевозможные э-э-э, мэ-э-э, ну, это и так далее») – и не паразиты никакие, а трудяги беспорочные, добросовестно выполняющие в языке фатическую функцию! И все они сигнализируют о том, что говорящий (*адресант* т.е.) – «на связи» (в *контакте* т.е.).

Все эти «всевозможные...» (не буду их опять повторять) – как бы аналог телефонного «Да-да!» (т.е. «я на связи»).

Но ведь у нас есть ещё и слушающий (*адресат* т.е.). Есть ли какие-то языковые средства проверить, на связи ли (в *контакте* т.е.) он? Есть. Пом-

ните? Якобсон приводит шекспировское: «Предоставь мне свои уши!» А товарищ Бывалов, герой кинокомедии «Волга-Волга», кричит в телефонную трубку (в исполнении И.В. Ильинского): «Алло! Гараж?» Сейчас даже песенка с таким названием появилась (в стиле рэп, кажется). Так вот, аналогом всех этих проверочных средств, всех этих вариантов телефонного *алло* как раз и выступает наше «странное» *да*. Примерно так:

(18) *Непонятно какой человек, да ♣ (= слушаешь? = ты на связи?), и неблагодарный* («Э.М». ж. 07.04.2018).

Итак, наше «странное» *да* – это сигнал, направляемый *адресантом*, чтобы проверить, находится ли в *контакте* с ним *адресат*. Оно выполняет в таком случае фатическую функцию. И поэтому я нарекаю его: **да-фатическое**.

А теперь давайте вернёмся к размышлениям об этом *да-фатическом* М.А. Кронгауза. Он связывает употребление такого *да* с «психологическим складом» говорящего (или, как в интернете пишут, с его «психотипом»). С одной стороны, его используют люди, испытывающие «потребность в постоянной коммуникативной поддержке», с другой стороны, «абсолютно уверенные в себе люди», которые этим *да* «постоянно подхлёстывают собеседника». У Максима Анисимовича – чуткое ухо и зоркий взгляд (он тоже нужен лингвисту). И в его наблюдениях явно что-то есть. Поэтому выскажу такое предположение.

Есть две типологические разновидности *да-фатического*. Одна используется адресантом в поисках поддержки адресата, вторая – для подхлёстывания адресата. И, возможно, первая разновидность – это *да ♣* (с восходящим тоном), а вторая – *да ♠* (с нисходящим тоном). Приведу примеры:

(19) *Я имею в виду более бюджетное жилье, да ♣ (= слышите?), не бизнес, не элитное* («Э.М». м. 20.03.2018).

Назовём эту разновидность *да-фатическое «поддержки»*.

(20) *Я не правительство, да ♠ (= слышать!), но если бы я был правительством, да ♠ (= слышать!), я бы раздал землю* («Г.М». м. 28.04.2018).

Назовём эту разновидность *да-фатическое «подхлёстывания»*.

Конечно, типологические разновидности *да-фатического* в чистом, «элементном», так сказать, виде в речи встречаются довольно редко. Чаще приходится говорить, что в данном конкретном случае мы имеем дело с *да* таким-то *условно, приблизительно*, т.е. **как бы** таким-то. Более того, и само *да-фатическое* часто – это не «элементный» феномен. Например:

(21) *А все-таки, конечно, да ♠, она успела больше* («Э.М.» м. 06.04.2018).

Здесь *да* можно рассматривать, с одной стороны, как *да-фатическое «подхлёстывания»*, а с другой стороны – как *да* утверждающее (не фатическое!), как бы дублирующее «утвердительное» значение вводного слова *конечно*: ‘само собой разумеется, без сомнения’.

А вот ещё более сложный и интересный случай:

(22) – *Передача Захаровой?*

– *Да.*

– *Посмотрим, да* ♣.
(«Э.М». 07.04.2018).

С первым *да* всё ясно: перед нами классическая частица-реплика (моё любимое слово-предложение) со значением утверждения. А со вторым? Ну, во-первых, возможно (вполне!), это *да*-фатическое «подхлестывания»; во-вторых – *да*, дублирующее ИК-1 завершённости высказывания; в-третьих – *да* такой эмоциональной твердости, даже некоторой угрозы: «*Посмо-о-отрим, да*». И, наконец, есть даже намёк на выполнение этим *да* поэтической функции: ведь здесь игра слов возникает – второе *да* вроде как «отражает» *да* первое, как бы эхом его является. Вот сколько всего! Да это и понятно, если вспомнить, что *да* – частица многозначная и даже многомерная. Вон сколько «измерений» сразу: и модальность (объективная и субъективная), и интонация (завершённость), и функции (фатическая и поэтическая). Удивительная частица! Хотя и «странная», конечно. А вот если бы ещё психолингвистический эксперимент поставить бы, да убедиться бы, что интонационно разные *да* ♠ и *да* ♣ соответствуют разным «психотипам» – совсем было бы... **классно!** (Ну, извините, так уж молодежь говорит).

Да-фатическое и муравьи

В далёком 1989 году (помню даже время года – весной) я был свидетелем беседы двух моих коллег по Институту русского языка, тогда ещё АН СССР и не носящего имя академика В.В. Виноградова. Нет, я не подслушивал, просто рядом находился и слышал их разговор. Дама рассказывала своему приятелю о вчерашней вечеринке: *Было очень хорошо. Ну, потому что были только «свои», да* ♠. И потом ещё несколько раз в её речи звучало это слово: «*свои*». И дама часто употребляла вот такое *да* ♠. Уже тогда это показавшееся мне странным *да* ♠ меня заинтересовало, даже заинтриговало. И вот уже тридцать лет я его «подслушиваю» и за ним «подглядываю». Со временем в своих размышлениях я присвоил ему «титул» – *да*-фатическое. И говорил об этом в разных ситуациях как о своём «открытии». Например, на закрытии (ну вот: об *открытии* говорил на *закрытии*, прям «поэтическая функция» какая-то, пардон) научной конференции, посвященной использованию русского языка в Португалии, которая проходила весной 2016 года в Лиссабонском университете.

И мне всегда казалось, что соседство слова «*свой*» и *да*-фатического в речи моей коллеги из Института русского языка – совсем не случайность. И вот к каким выводам я пришёл. Использование фатического *да* сродни фатическим песням певчих птиц (помните – пример Якобсона). Ведь птица именно по этой песне (ну, и по ней тоже, а может – в первую очередь по ней: не знаю точно, не орнитолог ведь я) распознаёт, кто «свой», а кто «чужой», кто одного с ней вида, а кто нет. Но я (в отличие от Якобсона) придумал другую аналогию – из жизни муравьев.

Муравьи имеют на голове пару усиков-антенн. Это – их орган обоняния, и важнейший, надо сказать, орган. Без него муравей превращается в бесполезного члена муравьиного сообщества, не способного ни к полезному труду, ни к полноценному общению. Ученые как-то провели такой, «зверский», эксперимент. Цитирую интернет: «Муравьям двух враждующих видов удалили усики, и они, как будто не было никогда войны, начали относиться друг к другу вполне миролюбиво, объединились в группы и даже начали обмениваться кормом». Представляете? Невозможно понять, кто «свой», кто «чужой». А это что, значит, все «свои», что ли? Нет, непорядок! Помните? Как в том же фильме «Кин-дза-дза!» Георгия Данелии. Пи-Яковлев восклицает: *«Нет, генацвале! Когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, то нет цели! А когда нет цели...»* Закончим так: то это не общество, а бар-п-рдак. Ну, понятно, да?

А вот давайте превратим Би и Уэфа в дальтоников, лишим их возможности цвета различать – всё, гибель: «нет цели...» А когда лишаем муравья усиков-антенн, органов обоняния то есть, то он не может запахи феромонов, то есть биологических маркеров своего вида, улавливать. А значит – и различать, кто «свой», кто «чужой». И не может «своих» – «любить», «чужих» – «ненавидеть». То есть всё, конец муравью: «цели нет...»

Вот такими, «фатическими» муравьиными усиками и является, по-моему, это «странное» *да* в нашей речи: мы как бы «ощупываем» им собеседника, феромоны «своего» ищем: *«Да? Ты здесь? Ты свой?»* Ну, вроде как, знаете, ладонь на колено собеседника кладем: *«Ведь мы рядом, да? Мы свои люди?»* Вот такая важнейшая функция у *да*-фатического: распознавание «своих» и, более того, сплочение «своих» в сообщество против «чужих».

Когда в разговоре с известным ученым-политологом, академиком и моим другом, я как-то упомянул о «муравьиной» сущности этого «открытого» мною *да*-фатического, о том, что его использование нами в речи сходно с «ощупыванием» муравьями друг друга своими усиками-антеннами, мой собеседник сказал: «Фу, какое неприятное сравнение ты употребил!» Хотя политологу лучше, чем кому-либо другому, известно, что человек – «животное социальное», как муравей – «социальное насекомое», и в политике очень и очень многое определяется, во-первых, фундаментальной оппозицией «свой/чужой» и, во-вторых, таким вот, средствами политики осуществляемым, взаимным «ощупыванием»: *«Ты кто – “свой” или “чужой?”»*

Итак, автор делает такой вывод об основной функции *да*-фатического в нашей устной речи (т.е. в РЯ): выявление адресантом-«говорящим» среди адресатов-«слушающих» «своих», а затем – установление и поддержание с ними контакта. Причём контакт может осуществляться двумя способами:

1. Контакт, «взыскующий поддержки»: *«Ты свой, да ♣. Тогда – послушай!»*.

2. Контакт, «практикующий подхлестывание»: *«Ты свой, да ♠. Тогда – слушать!»*.

Ну, прямо как усики-антенны у муравьев это *да*-фатическое работает, да?

И ещё одно небольшое отступление.

Во-первых. О *да*-фатическом в речи В.В. Путина (пример 14). Посмотрите: ведь всё это – цитаты из его интервью. А в интервью одна из задач – установить контакт с интервьюером. И функция *да* в речи Президента – это функция такого дружеского жеста, как будто руку ему на колено положить. Фатическая, без сомнения, функция. Ну, а в установлении контактов, мы знаем, наш Президент – просто виртуоз. И «моё» *да*-фатическое ему в этом вполне успешно помогает. По-свойски так получается, интимно почти.

И вот ещё на что прошу обратить внимание. По рангу Президент – это всегда первый и «главный». И вроде бы, по рангу, ему более уместно употреблять командные формы речи. Например, если говорить о *да*-фатическом, его «подхлестывающий» вариант, т.е. *да* ♣. Как старшина в моей армейской жизни командовал: «Смирна-а-а! Слушать меня-а-а!» Но нет, у Президента всегда – *да* «поддержки»: *да* ♠. Как такая – дружеская просьба: «Послушайте, дорогой». М.А. Кронгауз предполагал, что в таком вот случае употребления *да* ♠ проявляется «потребность говорящего в постоянной коммуникативной поддержке». Но у В.В. Путина дело обстоит, по-моему, совсем не так. Он абсолютно уверенный в себе человек. И именно поэтому не нуждается в грубых командных окриках: «Стоять! Слушать!» У него нет потребности постоянно самоутверждаться. А вот по-дружески убеждать, иногда даже вроде как бы с детьми неразумными общаться со слушающими – да, есть у него такая необходимость: «Ну давай сидем, и ты слушаешь, да ♠». Назовём такое *да* в речи Президента: *да*-фатическое «дружеского (отеческого) увещевания».

Да-а-а. Всё же надо бы с этим «моим» *да*-фатическим психолингвистический эксперимент провести.

Ну, и во-вторых. Есть всё же вопрос, почему на «Эхе Москвы» все так обильно «дакают»? По-моему, *да* на «Эхе» – это именно «моё» *да*-фатическое. И «Эхо» выстраивает свои передачи таким, похоже, образом: в студии собирается компания «своих» и они ведут между собой разговоры, постоянно «ощупывая» и «оглаживая» (а может, и «подхлестывая») друг друга этим *да*-фатическим, «как бы» не замечая, что эта их студия (аналог «кухни» тех, давних времен, на которой собирались «свои» и оттачивали оружие стёба, направленное против тоталитарного «новояза») превратилась в публичную арену. И при этом те, не «свои», которые находятся не в студии, а на широких просторах страны (которая, правда, уже не «эта страна», как в давние 90-е), последовательно называются – «они». Например:

(23) На самом деле **они** могут сделать всё что угодно («Э.М». м. 13.10.2018).

Расскажи, чтобы понимать, что **они** там задумали («Э.М». ж. 17.08.2019).

А вот из совсем «свеженького»:

(24) Другое – могут ли **они** контролировать как-то эту ситуацию («Э.М». ж. 28.08.2019).

И ещё один пример, который я уже раньше использовал в другом контексте, но пример очень яркий. Приведу ещё раз:

(25) Долго ещё **они** будут играть в осаждённую крепость? («Э.М». 30.03.2018. Тогда я не зафиксировал, м. это или ж.).

(Местоимение *они* везде выделено мной. – Ю.В.)

Ну что же, выстраивается хорошо известная модель «свой/чужой». И «опознавательным знаком» «своих» становится *да*-фатическое. Назовём это *да*, не очень, конечно, симпатичное, так вот: *да*-фатическое «деления (разбиения)».

То, что в студии все «свои» – это ладно, это и хорошо даже. Иначе как же работать вместе? А вот что эту «студию» (уже – в широком понимании: как сообщество «своих» вообще) как бы (а точнее – как будто бы) «осаждают» «они – чужие», полчища, сонмища «чужаков», живущих в **той же самой** (но не «этой», уже не «этой») стране – это совсем и не так славно.

Может, не будем уже делиться по принципу «свой/чужой» (пусть даже используя **моё** *да*-фатическое «деления/разбиения») не в «этой», и не «в той же самой», а в «нашей» – в **нашей** стране? Давайте вспомним муравьев из эксперимента, мною выше описанного. Помните? Потеряли свои опознающие кто «свой», кто «чужой» усики-антенны – и, «как будто не было никогда войны, начали относиться друг к другу вполне миролюбиво, объединились в группы и **даже начали обмениваться кормом**». А вот министр финансов и вице-премьер правительства России Александр Яковлевич Лифшиц призывал когда-то: «*Делиться надо!*» Правда, говорят, сказал он несколько иначе: «*Не надо вредничать, надо делиться!*» Ну что же, так мне даже ещё больше нравится. Но тщетно призывал: все вредничали и никто не делился. Правда, это деньгами (ну, и кормом тоже) не делились. А вот на «своих» и «чужих» – да, делились, да ещё как! Прямо со скоростью амёб каких-нибудь.

А у этих, муравьёв, «подправленных» чутков – вот, делятся! Кормом делятся! А были бы у них какие-нибудь муравьиные деньги – и деньгами делились бы. Вот так и надо.

Вот это – славно!

Или делиться на «своих» и «чужих» – единственная наша цель?

«Обидно, да?»

P.S. Всем! Всем! Всем! (Кто в контакте)

Дорогие адресанты-«говорящие»!

Помните, что фатическая функция – это:

1. В онтогенезе человека – первая функция речи у ребёнка в раннем детстве.

2. В филогенезе живых организмов – единственная функция коммуникации у певчих птиц, а также «опознавательная» функция у муравьёв, «ощупывающих» своими усиками-антеннами «своих» и «чужаков».

Поэтому:

1. Хватит ребячиться!

2. Хватит уподобляться канарейкам и муравьям!

Не злоупотребляйте *да-фатическим*!

И тогда каждый адресат-«слушающий», по-шекспировски говоря, «предоставляющий вам свои уши», от всей души скажет вам: «Большое спасибо!»... Да?

Глава III. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ «ЗВУКОПАРАЗИТЫ»

Вступительные замечания

Итак, мы с вами поговорили о разных «паразитах». Шла у нас речь о полноточных словах, фразеологических сочетаниях слов, о разных словах-частицах много говорили. А теперь автор поведёт речь... Ну, не знаю даже, как выразиться поточнее. Николай Васильевич Гоголь сказал бы, наверное: «Черт знает о какой дряни пойдёт речь». И, может быть, даже плюнул бы...¹ Да.

Придётся, наверное, автору в оправдание... хм... «странности» выбора своих героев прибегнуть к известному (и, вообще-то, почти запрещённому в науке) приёму – привести цитату из какого-нибудь авторитетного учёного. Но выберу я не всем известного классика (Якобсона, например), а тоже «широко известного», но только «в узких кругах» американского лингвиста Дэниела Леонарда Эверетта. Ему принадлежит вызвавшее противоречивые отклики специалистов описание одного из языков Амазонии – языка пирахан, в котором, как утверждает автор, отсутствует рекурсия, которая, по мнению Авраама Ноама Хомского (вот уж классик так классик – в 1980–1992 гг. был самым цитируемым из живших тогда учёных и восьмым по частоте использования источником цитат вообще), является базовым свойством любого человеческого языка. Выводы Эверетта не всем представляются бесспорными. Мне тоже. Но сейчас я хочу процитировать одно его высказывание, совершенно, на мой взгляд, бесспорное. Д. Эверетт пишет о языке: «Эта система символов, их упорядочивания, жестов и интонаций работает **синергетически** (выделено мной. – Ю.В.) – то есть каждый компонент оказывает влияние на остальные, формируя нечто более сложное и более эффективное».²

И вот в формировании этого самого, чего-то «более сложного и более эффективного», наряду с солидными, благопристойными словами, интонационными конструкциями, «странными», но такими важными частицами, разными, как их ещё называют, «кинетическими» средствами – жестами, например (иногда сдержанными, а иногда, конечно, и просто «размахиванием руками»), или мимикой (тоже иногда – «ужимками» обезьянними какими-то) **синергетически** работает и... «чёрт знает какая дрянь» (ну, Гоголь бы так сказал...).

Так о какой такой, «чёрт знает какой дряни», речь пойдёт? Поясню, процитировав на этот раз бесспорного литературного классика – Михаила Афанасьевича Булгакова. В его почти всеми нами любимом (исключения – редки, и зачастую – патологичны) романе «Мастер и Маргарита» есть глава за номером 14 с названием «Слава петуху!» Про вампиров. И там читаем:

Если же к этому прибавить появившуюся у администратора за время его отсутствия отвратительную манеру присасывать и причмокивать, резкое изменение голоса, ставшего глухим и грубым, вороватость и трусливость в глазах, – можно было смело сказать, что Иван Сергеевич Варенуха стал неузнаваем.

И далее:

Варенуха, карауля дверь, подпрыгивал возле неё, подолгу застревая в воздухе и качаясь в нём. Скрюченными пальцами он махал в сторону Римского, шипел и чмокал, подмигивая девице в окне.

Вот такие... гадкие, отвратительные даже (как выразился Булгаков) звуки начал издавать превратившийся в вампира Варенуха: он и шипел, и чмокал (т.е. причмокивать начал), и присасывать даже стал. И может вполне сказать Читатель, плюнувши с отвращением, словами героя гоголевской повести «Нос» майора Ковалёва: «Чёрт знает что, какая дрянь!» И будет, без сомнения, совершенно прав.

Вот и мы, так сказать, «за время отсутствия цензуры» в «говорящих» СМИ (в первую очередь – на радио, это прошу отметить особо, почему – дальше объясню) повелись похожие и тоже отвратительные звуки издавать. Причмокивать, например. Будто все в вампиров превратились. Не верите, Читатель? А я докажу. С примерчиками. Только вот определиться надо, как **на письме** все эти звуки изображать. Можно было бы, конечно, как в печатных текстах драматических произведений делают, ремарки вводить. Например: **Варенуха** (причмокивая, присасывая и шипя): (ну, и далее – слова Варенухи какие-нибудь, вроде там: «Хватай его, хватай!» Или, ещё лучше: «Куси его, куси!»). Но это – длинновато будет. Примеров-то много. Давайте попробуем что-нибудь получше придумать.

Во-первых, давайте определимся, как охарактеризовать эти... э-э-э... отвратительные звуки в нашей речи? Вряд ли Читатель будет спорить, если я назову их – «паразиты». Но это – название, так сказать, вида. А внутри него есть роды. Об одном мы уже много говорили: это род «слова-паразиты». Тогда эти отвратительные звуки, «дрянь чёрт знает какая» эта – иного рода. Назовём их – **«звукопаразиты»** (в отличие от «словопаразитов»).

Вообще-то, «звукопаразиты» в разговорной речи совсем не такая уж и редкость. Выше я уже цитировал М.А. Кронгауза. Помните? Он честно признавался в том, что он и сам «носитель», так сказать, подобного «паразита»: раздумывая, частенько употребляет явный «звукопаразит» э-э. И можно сказать, что эти э-э-э, м-м-м и подобные (правда, подобных, вроде, и нет) не такие уж и «паразиты». Это уже вполне стандартные, «легитимизированные» заполнители пауз, необходимых говорящему для размышления, поиска и обдумывания подходящего слова, ну, и так далее. И вот э-э-э, например, стало, пожалуй, маркером respectable, «профессорской» речи (как у

М.А. Кронгауза, например). Но, конечно, не только «профессорской», и не всегда респектабельной. Вот, пожалуйста, радиоведущий говорит:

(1) *Я такой, хоть и московский, но такой... э-э-э... неинтеллигентное быдло* («Э.М». м. 05.04.2018).

Вот уж... нашёл с помощью этого самого э-э-э словечко для себя подходящее. Ну и Бог с ним, *быдло* так *быдло*. Но ведь э-э-э и здесь – вполне порядочное и совсем не паразитическое.

А что же наша «дрянь», наши отвратительные «звукопаразиты»?

Вот, например, дама говорит:

(2) *Эти вечные темы должен кто-то... э-э-э (причмокивает) пропихнуть, что ли* («Г.М». ж. 10.08.2019).

С э-э-э все понятно: думает, слово ищет подходящее (или более-менее подходящее). Нашла, вроде (именно более-менее): *пропихнуть, что ли*. А вот это – «причмокивает»? Что за звук? С э-э-э понятно: произнесена одна из русских гласных фонем, только растянутая, долгая. (Вообще-то долгих гласных именно как **фонем** нет в русском языке, но разные долгие гласные звуки, конечно, мы используем в разных случаях, эмоции, например, выражаем, или какие-нибудь субъективные оценки, или, как наша дама, паузы заполняем). А вот «звук причмокивания». Что за звук такой? Из каких фонем состоит этот... звукокомплекс. И есть ли вообще в нём именно фонемы? Иначе говоря, **членораздельно** ли «причмокивание»? Попробуйте, Читатель, почмокать, но не деланно, а естественно, на самом деле (т.е. «в действительности») почмокать. И убедитесь: нет, не членораздельна эта... «дрянь». И фонемы опознать в этой череде звуков трудновато. Всё, что у нас получается, когда мы «в самом деле», т.е. естественно чмокаем – это некий нечленораздельный физиологический звукокомплекс. Поэтому давайте будем называть эту нашу... ну ладно, последний раз – «дрянь» таким вот образом: **физиологические «звукопаразиты»**.

Варенуха у Булгакова *причмокивал, присасывал и шипел*. Ну, с шипением у меня нет примеров, а остальное – пожалуйста, сколько хочешь! Вот, из высказывания одного «говорящего»:

(3) *Только простому потребителю это совсем невыгодно (причмокивает)...*

Для того, чтобы разобраться в этом вопросе (присасывает), приходите.

Это говорит о том (присасывает), что для обычного человека пора начать заниматься изучением этого вопроса (пришмыгивает носом) («Э.М». м. 30.05.2018).

Ну, прямо как вампир Варенуха этот наш «говорящий», только что не шипит. Зато (чего не делал даже Иван Сергеевич!) – носом шмыгает! Да...

А как всё же на письме мы будем обозначать все эти *причмокивает, присасывает, пришмыгивает*, т.е. всех этих физиологических «звукопаразитов»? Можно, конечно, сократить: *причмок, пришмыг* (неплохо), *присос* (фу, чёрт знает какая дрянь получилась!). А можно и так: *чмок, шмыг* и... *сос* (ах ты, опять – фу!). Ладно, о физиологическом «звукопаразите» *присасывать*

мы больше говорить не будем, с ним всё ясно, да ничем он от своих сородичей не отличается. А *чмок*, *шмыг* – ну, симпатично же? Только...

Во-первых, давайте разберёмся, что у нас получилось с точки зрения частей речи? *Чмок*, *шмыг* – что это: глаголы, существительные или там... наречия какие-нибудь?

Подобные слова, надо сказать, давно (да просто – постоянно) привлекают внимание языковедов-русистов, и сколько «грамматических» копий вокруг них сломано!

Один из излюбленных, даже заезженных уже, пожалуй, примеров, приводимых в связи с такого рода... «речениями» – это пушкинские две строки (из «Евгения Онегина»):

...легче тени
Татьяна *прыг* в другие сени

Можно, впрочем, вспомнить и гораздо более насыщенный подобными словечками текст. Это – тоже очень известные и очень популярные «Куплеты администратора» из телефильма Марка Захарова по пьесе Евгения Шварца «Обыкновенное чудо» (1978). Музыка – Геннадия Гладкова, слова – Юлия Кима. Исполняет (как Вы, глубокоуважаемый Читатель, конечно, помните) неподражаемый и незабвенный Андрей Миронов. Итак:

А ба-боч-ка крылышками *бяк-бяк-бяк-бяк*,
А за ней воробышек *прыг-прыг-прыг-прыг*,
Он её голубушку *шмяк-шмяк-шмяк-шмяк*,
Ам *ням-ням-ням*, да и *шмыг-шмыг-шмыг-шмыг*.

Вот такой, как говорят языковеды, «прецедентный текст».

«Куплеты» эти, кстати, в те «застойно-застольные» годы чуть не запретили из-за якобы (вообще-то, конечно, совсем и не якобы) содержащихся в них «эротических» мотивов. Но не запретили. И Андрей Миронов (и мы вслед за ним) их спокойно распевал (распеваем).

А вот в наши дни на эту невинно-эротическую песенку появилась пародия, совсем не невинная, местами просто непристойная и с таким, даже «положительным» названием: «Пьянству бой» (или просто: «Цыпочка»). Пр процитирую кусочек (пунктуация и орфография оригинала):

Рано утром цыпочка:
Цып, цып, цып, цып,
Раскурила косячок:
Пых, пых, пых, пых,
Скушала пол-ста грибков:
Ням, ням, ням, ням,
Да и глюк, глюк, глюк, глюк,
Вхлам, вхлам, вхлам, вхлам.

Дальше – хуже. И весь этот (ну, всё же тоже «прецедентный») текст пестрит и почти «мироновско-кимовскими» *прыг, шмыг*, и тоже хорошо известными *кряк, бряк, шлёп, трах, паф, хват, тык, вжик*, и менее распространённым *чап-чап*, и «чисто» авторским *ком, ком, ком, ком* (от англ. *come* – ‘приходить’, надо полагать), и даже уже совсем «из другой оперы» взятым «*вах, вах, вах, вах*». А припев у этой песенки такой, «междометный»:

Ай, ай, ай, ай,
Ой, ой, ой, ой.

Автор этого произведения, если верить интернету, – один из первых российских рэперов Мистер Малой, он же – Андрей Евгеньевич Цыганов. Я совсем не знаком с его творчеством. Да и рэп люблю... Ну, совсем не как Гиви помидоры: ни слушать, ни кушать, ни так – НЭТ, совсем не люблю. И этот «шедевр» Мистера Малого я бы, пожалуй и запретить попытался бы, как когда-то хотели поступить с «Куплетами администратора» в исполнении Андрея Миронова. И был бы, наверное, неправ...

Все эти *прыг, шмыг, шмяк, ням, трах, бах, паф* и *бьяк* языковеды трактовали по-разному. Вот А.М. Пешковский, например, полагал: «Мы назвали бы эту категорию ультрамгновенным видом русского глагола».³ А академик В.В. Виноградов писал: «Их можно назвать глагольно-междометными формами внезапно-мгновенного действия»⁴ (выделено мной. – Ю.В.). Далее Виктор Владимирович их называет – «междометные глагольные формы»⁵ (кавычки В.В. Виноградова. – Ю.В.). «Русская грамматика» же называет их совсем лапидарно: глагольные междометия.⁶ Правда, составленная на её основе «Краткая русская грамматика» даёт и другие определения: «глагольные междометия (междометные глаголы, глагольно-междометные формы)».⁷

Так что наш воробышек из «мироновско-кимовских» «Куплетов администратора», получается, несчастную бабочку совершенно внезапно и ультрамгновенно – *Шмяк! Ням! Да и шмыг*, такой-сякой! *Ах!* А вот что герои Мистера Малого там – *трах, паф, тык* и *вжик* – даже и говорить не хочу. Повторю только, из припева: «*Ой ой ой ой!*»!

Итак, перед нами нечто, связанное, с одной стороны, с глаголом (действием т.е.), а с другой стороны – с междометием. А что же это такое – **междометие**? Давайте вспомним...

Отступление теоретическое № 5: О междометиях

Опираясь в наших «воспоминаниях» мы будем (конечно!) на «Русскую грамматику». Но не только. Итак:

«Междометия – это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на

окружающую действительность»⁸. (Далее в тексте будут указываться страницы по этому изданию.) Очень хорошее определение. Да, незабвенная Наталия Юльевна Шведова умела «определять» вещи самые сложные. А что ещё в языке так сложно, так неопределённо и так трудно определимо, чем эти «смутные» междометия?

Среди междометий нас, в связи с нашей темой, будут интересовать в первую очередь междометия первообразные, т.е. «в современном языке не имеющие связей ни с одной из знаменательных частей речи» (с. 732). Например: *ай, ах, брр, ой, тьфу, уф, фу* и т.д. По их поводу «Русская грамматика» делает вот такое, очень для нас важное (почему – дальше объясню) примечание:

«Такие междометия в большинстве случаев ведут своё происхождение от эмоциональных выкриков, восклицаний, а также возгласов и звучаний, сопровождающих рефлексы организма на внешние раздражители» (с. 733).

К первообразным отнесены также звукоподражания (разрядка моя. – Ю.В.) (правда, не сказано, рассматриваются ли они как междометия, но, судя по контексту – да) (там же). Среди звукоподражаний мы находим: *кхе-кхе, ха-ха-ха, кудах-тах-тах, гав-гав, мяу* и др. А также уже хорошо нам знакомые (см. выше) *бряк, бух, грох, шлёп, щёлк*.

Надо сказать, что звукоподражания, или звукоподражательные слова часто не только не причисляются к, но и даже противопоставляются междометиям. Например, в прекрасном (и ничуть не устаревшем) учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой (увы, уже ушедшей из жизни) мы читаем, что междометия (они же – мои со школьной скамьи любимые слова-предложения), «передающие, хотя и не называющие конкретно, различные чувства», очень сильно отличаются от звукоподражательных слов, которые, «не обозначая эмоций», выступают «как слова вне частей речи» (разрядка авторов. – Ю.В.).⁹

С такой трактовкой трудно как безапелляционно не соглашаться, так и безусловно соглашаться. Да, «собачье» *гав* или «кошачье» *мяу* эмоций и в самом деле не обозначают. А «человечье» *ха-ха-ха* – разве «безэмоционально» (хотя и явно звукоподражательно)? Одним словом: «*Ох уж эти междометия-звукоподражания!*»

В одном ряду с междометиями и звукоподражаниями (типа *бам, бац, звяк, щёлк*) «Русская грамматика» рассматривает также и глагольные междометия (типа *прыг, скок, толк, хват*). И в этом «Современный русский язык» спорит с «Русской грамматикой» (да и многие другие спорят). Автор главы «Морфология» этого учебника, мой учитель в МГУ, «вписавший» на первом курсе филфака, в первую мою сессию первую «пятёрку» в мою зачётку, а сейчас (и уже многие годы) мой хороший друг И.Г. Милославский называет их («словечки» типа: *прыг, толк*) «безафиксные глагольные образования» и отмечает, что их «отличает экспрессивная насыщенность». Но пишет: «В то же время, с точки зрения семантической, слова типа *ах* и *прыг* противопоставлены. Первые выражают чувства, никак не конкре-

тизируя их, вторые обозначают определенные действия».¹⁰ Да, так и есть. Но! Ведь «обозначают определённые действия», проявляя «экспрессивную насыщенность»? Так может, всё же, – глагольные междометия (или междометные глаголы)?

Ну, а теперь несколько моих личных соображений по поводу теоретических выкладок из «Русской грамматики».

Первое. Понятно, что глагольные междометия (или междометные глаголы, или глагольно-междометные формы) к первообразным не относятся: они образованы от глаголов: *прыг* – от *прыгать*, *скок* – от *скакать*, *хват* – от *хватать*. А звукоподражания (согласно «Русской грамматике») – первообразны. Это, напомним, всякие там *шлёп*, *щёлк* и иже с ними. Они, значит, «первообразно» подражают неким звукам, а уже от них, «непервообразно», образуются глаголы: *шлёпать*, *щёлкать* и т.д. А от глаголов этих – и существительные образуются: *шлепок*, *щелчок*. Или, как у А.С. Пушкина, – не *щелчок*, а просто *щёлк*. Помните, в «Сказке о попе и о работнике его Балде»:

Приздумался поп,
Стал себе почёсывать лоб.
Щёлк щёлку ведь рознь.
Да понадеялся он на русский авось!

И в финале той же сказки:

С первого **щелка**
Прыгнул поп до потолка;
Со второго **щелка**
Лишился поп языка,
А с третьего **щелка**
Вышибло ум у старика.

Вот такое славное, многократно повторенное Александром Сергеевичем отглагольное существительное. А какой же звук «изображает» сам *щелчок*? Вот как толкует это слово Н.Ю. Шведова: «Отрывистый удар чем-нибудь твердым (обычно об ударе разгибаемы пальцем); негромкий звук короткого и резкого удара». Вот сколько слов понадобилось Наталии Юльевне, чтобы истолковать это слово. И – всё равно непонятно, какому же звуку подражает, если это звукоподражание (или, по И.Г. Милославскому, звукоподражательное слово-предложение) коротенькое – *щёлк*?! Вот вы попробуйте *щёлкнуть* по лбу «разгибаемым пальцем» кого-нибудь (только остороженько – а то вам в ответ та-а-к щёлкнут: прыгнете до потолка!) и расслышать в раздавшемся при этом звуке «ц», «ё», «л» и «к». Уверяю вас, ни-че-го похожего вы не услышите. И точнейшее звукозаписывающее устройство не распознает этих звуков в произведенном вами «щелбане» (ударе «разгибаемым пальцем по лбу» т.е.). Потому что эти якобы «звукоподражания» – это вполне

«условные» обозначения неких реальных звуков. Причём обозначения членораздельные (в отличие от реальных звуков).

Очень часто отмечается, и «Русская грамматика» об этом пишет, что:

«Важной особенностью первообразных междометий является наличие среди них некоторого количества слов, содержащих редкие или даже необычные для русского языка звуки и звуко сочетания. Таковы, например, *бrr*, *gm*, *дзинь-дзинь*, *тпру*, *тьфу*, *ya-ya*» (с. 732).

Да, есть такое дело. Нет в русском языке согласной фонемы [дз'] (единого такого звука, да ещё и мягкого). И нет фонемы [w], как в английском языке (помните, путаница из-за этого возникла: как правильно – доктор Ватсон или Уатсон?). Но ведь единый, нерасчлененный звук звонка – всё равно не *дзинь*, а младенец всё равно не кричит: *Ya* (доктора Уатсона то есть зовёт). Всё равно эти якобы звукоподражания уже как бы просеяны через сито фонетической системы русского языка, а поэтому – условны и членораздельны.

Много смешного можно было бы порассказать про звукоподражательные слова, «якобы» изображающие крики животных. Но скажу только об одном. В детстве я как-то читал китайскую сказку и встретил там описание собаки, которая... ну, гавкала: «*Ван-ван!*» И был страшно удивлен, и думал: «Неужели в Китае и собаки гавкают по-китайски?! Другой у них, собаче-китайский язык?!» Вот вам и звукоподражания. Или, «высоким слогом» моего старинного друга И.Г. Милославского выражаясь, звукоподражательные слова-предложения.

Второе. Возьмем самое простое первообразное междометие *ай*, или *ай-ай-ай* [айяй]. Как первое его значение Н.Ю. Шведова указывает: «Выражает самые разные чувства: испуг, боль, упрёк, порицание, одобрение, насмешку. *Ай, укололся!*» Рассмотрим чувство *Ай, укололся!* Т.е. **боль**. И вспомним примечание из «Русской грамматики» (я просил обратить на него особое внимание): «Такие междометия в большинстве случаев ведут своё происхождение от эмоциональных выкриков, восклицаний, а также возгласов и звучаний, сопровождающих рефлексy организма на внешние раздражения» (выделено мной. – Ю.В.). Допустим, наш «организм» испытывает внешнее (или внутреннее) раздражение – сильную, нестерпимую, адскую боль. И какие возгласы и звучания сопровождают его рефлексy на это раздражение? Да я даже и пробовать не хочу описывать жуткие звуки **реальной** боли. А вот *ай* – это уже вполне невинное условно-звукоподражательное слово, «сотканное» из уже отфильтрованных языком звуков-фонем и с определённым значением, в нашем случае – ‘больно!’ И употребляем мы его для выражения реальной боли совсем не так уж часто, ну, разве если пальчик шипом розы дама чуть уколола. Вот тогда – *Ай!* (или *Ой!*). Так ведёт ли *ай* своё происхождение от «возгласов и звучаний, сопровождающих рефлексy организма на внешние раздражения»? Ну, если и ведёт, то ушло уже от них («возгласов и звучаний» т.е.) уже *о-о-ой* (но не [айяй]) как далеко!

В.В. Виноградов писал: «Междометия как эмоциональные сигналы противопоставлялись словам как знакам мысли». ¹¹ И те, кто такое противопоставление делал, были, конечно, не правы. Можно сказать так: **междометия – это уже обработанные мыслью знаки эмоций, условно-звукоподражательные и членораздельные.**

Писал Виктор Владимирович и так: «Из междометий нередко выводились первичные слова человеческого языка». ¹² Да, выводились, и по сей день «нередко» выводятся. И можно было бы много чего интересного порассказать Читателю про **теорию «гав-гав»** (the bow-wow theory), утверждавшую, что первая речь людей представляла собой имитацию звуков окружающего мира. И про **теории «уф-уф»**, настаивавшую на том, что первые слова напоминали эмоциональные возгласы современного человека. И много ещё о чём... Но – стоп! Это – уже тема новой книжки автора: «О происхождении языка». Ждите, Читатель!

«Им несть числа!»

Но вернёмся к нашим физиологическим «звукопаразитам». И окончательно условимся, что обозначать их мы будем (в основном) глагольными междометиями.

Так, характеризующее вампира Варенуху причмокивание мы будем обозначать глагольным междометием *чмок*. Но, прошу заметить, образованным не от глагола *чмокать* в значении, как у Наталии Юльевны в словаре: «То же, что целовать (шутливое)». От него, как известно, образовано даже молодёжное, в основном интернет- или СМС-словечко *чмоки*, и даже *чмоки-чмоки*. А наше *чмок* – от того же глагола, но в значении: «Производить короткий звук, смыкая и размыкая вытянутые вперёд губы. *Чмокать губами*». Иногда для обозначения этого же «звукопаразита» будет использоваться также отглагольное существительное *причмок*.

Глагол *шмыгать/шмыгнуть* тоже многозначный. «Мироновско-кимовское» глагольное междометие *шмыг* образовано от этого глагола в значении: «Проходить, удаляться быстро, незаметно. *Мышь шмыгает в щель*». Вот так же и наш воробышек: *Ам ням-ням-ням* бабочку, да и «быстро, незаметно удалился». То есть – *шмыг*! А наше *шмыг* – от *шмыгать* в значении: «**шмыгать носом** (разговорное) – делать носом втягивающие движения, хлюпать». Тот же «звукопаразит» будем кое-где обозначать и отглагольным существительным *пришмыг*.

И вот таких физиологических «звукопаразитических» *причмоков* и *пришмыгов* насобираю я в устной речи «говорящих» СМИ (т.е. в РЯ), как говорится – воз и маленькую тележку! Поделюсь малой их толикой чуть ниже. А пока «разделаюсь», так сказать, ещё с одним «звукоподражанием», чтобы оно нам не путало карты. И начну так.

Вообще-то наши «речевые акты» довольно часто сопрягаются с «актами физиологическими»: говорящий может быть простужен и покашливать во время говорения, страдать насморком и пошмыгивать носом. Он может говорить во время приёма пищи (что неприлично, конечно, помните? «Когда я ем, я глух и нем» – но бывает). Но тогда принято извиняться за вторжение в нашу речь «неязыковых» звуков. Вот, например, говорящие кашляют (обозначим кашель первообразным «звукоподражательным» междометием *кхе* – иногда удвоенным, а иногда и много раз повторенным):

(4) – *Зато придумав... кхе... простите, пожалуйста.*

– *Бывает.*

– *Зато придумав концепцию Евросоюза... (и т.д.)*

(«Г.М.» м. 18.04.2019).

(5) *Сейчас наладим, а пока... кхе-кхе... простите, кто в студии* («Э.М». ж. 20.10.2018).

А вот С.Л. Доренко говорит, который много «чего такого» в своей речи допускал, а здесь – тоже извиняется:

(6) *У нас сегодня... кхе-кхе... извините, офигенно важный вопрос* («Г.М». 26.04.2018).

А ведь за *офигенно* – нет, не извиняется Сергей Леонидович...

Могут говорящие в подобных ситуациях, за кашель то есть, и не извиняться. Вот говорит известный экономист, явно простуженный:

(7) *Кто-то говорит выборы влияют на нашу жизнь... кхе-кхе-кхе... кто-то говорит не влияют.*

Вот... кхе-кхе-кхе-кхе... Я это рассказываю вот почему.

(«Г.М». м. 24.09.2018).

Ну что же, как говорится: «На каждый чих не наздравствуешься». А в нашем случае, если человек сильно простужен, то: «На каждое *кхе* не извиняешься». К тому же этот говорящий чуть заикается:

Возникает такой эф-(заикается)-фект («Г.М». м. 20.09.2018).

Что же, и после каждого заикания ему извиняться? Тогда и сказать ничего не удастся: только *«извините»* да *«простите»*.

Да и вообще, *кхе* трудно назвать «звукопаразитом». Конечно, у простуженного человека – это звук физиологический, но его в этом случае «непредумышленно» используют, в прямом смысле этого слова – рефлекторно. А есть и, так сказать, вполне «легитимизированное» междометие *кхе*. Оно уже вполне оформлено с точки зрения звучания, вполне членораздельно, и все звуки в нём – полноправные фонемы русского языка. И значение у него определённое есть. Чаще всего это *кхе* – фатическое, устанавливающее контакт с адресатом: *«Обратите на меня внимание»*. Такое, своеобразное: *«Алло! Гараж!»* Только деликатное очень. Так что никакой это не физиологический «звукопаразит».

Ну вот, с «*кхеками*» разобрались. Перейдем к *причмокам* и *пришмыгам*.

Вот на «Эхе Москвы» говорит приглашённый специалист:

(8) *Они перейдут на... (чмок) нечто невразумительное* («Э.М». м. 09.04.2018).

А вот из высказывания того же человека в тот же день:

(9) *Вы едете, например, в район Тверской заставы... (чмок). Вот... Я заметил менее опасный... вот (чмок)... недостаток.*

Кроме самой навигации... (чмок) вот... есть много ещё чего.

Появилась возможность... (чмок) вот, загружать собственные карты («Э.М». м. 09.04.2019).

Говорящий такой вот составной «слово-звуко- (или «звуко-слово-) паразит», так сказать, «изобрёл»: (чмок) *вот*, реже – *вот (чмок)*. И как он его любит! Слова без (чмок) *вот – вот (чмок)* не скажет.

Чмокают, конечно, не только на «Эхе Москвы». Вот в передаче «Родина слонов» на радиостанции «Говорит Москва» учёный повествует о древней истории:

(10) *Потом море стало отступать (чмок).*

Складывается такая вот форма (чмок) общественного устройства («Г.М». м. 23.06.2019).

Так что «чмокают – вампирствуют» на разных «говорящих» СМИ много и охотно. Но и не только чмокают, но и шмыгают, т.е. «делают носом втягивающие движения, хлюпают». Вот:

(11) *Есть данные наиболее точные (шмыг) («Э.М». м. 09.04.2018).*

А вот совсем, что ли, сопливый говорящий на «Эхе»:

(12) *Если соглашение продлят (шмыг) или хотя бы будут его придерживаться (шмыг), то на сохранение цены можно рассчитывать (шмыг) («Э.М». м. 30.05.2018).*

И дама вот тоже, на радиостанции «Говорит Москва» (ведущая!) хлюпает носом:

(13) *Мы все молодцы... (шмыг) в этом плане («Г.М». ж. 10.08.2019).*

И вслед за ней – мужчины на той же радиостанции (один – ведущий, второй – приглашённый учёный), в научно-популярной передаче для детей(!) «Всё обо всём» и в передаче про историю «Родина слонов»:

(14) *Возьмём пчёл (шмыг). Опыление цветковых без пчёл невозможно («Г.М». м. 03.08.2019).*

Мы на этом остановиться здесь не сможем (шмыг) («Г.М». м. 23.06.2019).

Ну и, на этой же радиостанции, известный экономист так, комплексно, шмыгает-чмокает:

(15) *Фондовые рынки США упали на два с половиной процента, почти на три (шмыг, чмок) («Г.М». м. 12.08.2019).*

И вот что интересно. Помните, выше было? Когда говорящие кхекают, то многие из них за это извиняются, а вот когда шмыгают, носом то есть хлюпают, и по-вампирски причмокивают – нет, не извиняются, пардону не просят. Странно...

Но! Уникальный случай! Говорящий – да не какой-нибудь там... никакой, а сам Сергей Леонидович Доренко – извинился! Вот (жирным даже выделю):

(16) *(Чмок). Извините. Я спёр у Звягинцевой морковку. Я очень люблю морковку, но после неё трудно говорить. Крошки прилипают, в горле першит* («Г.М». 26.09.2018).

И ведь не только извинился. Извинялся Сергей Леонидович и когда кашлял (см. пример выше). А тут – ещё и объяснил, почему причмокнул, и как доверительно объяснил! Правда, не без просторечья (ну что-о-о это такое – *спёр!*), но – как своим, как близким людям. Удивительно! Но вот об этой «интимности», и об этой «искренности» нам ещё придётся поговорить – особо и подробно. И о Доренко ещё хотелось бы поговорить. Пока же просто отмечу: Сергей Леонидович был удивительным ведущим. А может – уникальным...

Ну вот, Читатель, убедились? Понаразвелось в эфире всяких там... сопливых вампиров: причмокивают и пришмыгивают наперебой. Но не только! И ещё всяких звуков множество издают.

Вот есть такой... звукокомплекс. Не сразу его назову. Попробую подойти к этому звукоподражательному слову не со стороны междометия, а со стороны глагола.

В русском языке, а точнее – в РЯ, может, даже в просторечье, появился (не знаю – насколько давно, и выяснить негде) глагол *мякать*. Имеет он (как минимум) три значения. Начну с того, которое к нашей теме имеет наименьшее отношение:

1. Мнякать – ‘мять, месить’. Примеры из интернета (орфография и пунктуация оригинала): 1) *А потом начинаем понемногу всыпать муку, поначалу вмешивая её ложкой, а потом – «мякая» руками.* 2) *...будем мнякать без семочек, соусик добавим из половиночки, хрящечки вырезаем аккуратненько, немного арахиса будет нам какбэ гарнир.*

2. Мнякать – ‘есть, кушать’. Примеры из интернета (орфография и пунктуация оригинала): 1) *Слегка охладить и мнякать.* 2) *...терпеть не могу вонищу эту рыбную... а мнякать люблююю.* 3) *Гулять, мняку мнякать, кушать бананку и яблочко (из мамского языка¹³).*

3. Мнякать – ‘говорить невразумительно, мямлить’. Примеры из интернета (орфография и пунктуация оригинала): 1) *После этого они начинают кхекать, мнякать и прятать глаза.* 2) *А если кто-то вдруг симпровизирует, то ПХ (??? – Ю.В.) надудонит в штаны, будет сидеть кхекать, мнякать, пукоть.* В том же значении: *мня-мнякать*. Пример из интернета: 1) *...бендеровские шестёрки рассчитывают, что Путин труслив и не осмелится защитить свою страну, а вместо этого будет по-прежнему мня-мнякать.*

Симпатичное словечко, не правда ли? А как же оно возникло? Обратимся к его второму значению. Здесь, в примере 3) из так называемого *мамского языка* (тоже очень симпатичного) мы встречаем существительное *мняка*. Значение его очевидно: вкусная еда, «*вкусняшка*», как сейчас многие (не только мамы и их детки) говорят. А вот отглагольное это существительное или нет? То есть: произошло ли оно от глагола *мякать* или... от чего? Мне кажется (да я просто уверен!), что нет, не от глагола, а от звукоподражания

мня, от междометия, то есть. А чему же оно «звукоподражает»? Для ответа на этот вопрос рассмотрим следующий пример.

Анализируя рекламные кампании крупных продавцов продуктов питания, ведущий радиостанции «Говорит Москвы» делает такой вывод:

(17) *Никогда не говорят: «Не смотрите на внешний вид. Зато у нас всё натуральное». Нужен вид. И всегда идёт борьба за вкус. Всегда идёт борьба за... м-м-ня, чтобы у вас слюнки текли* («Г.М». м. 17.08.2019).

Вот оно и обнаружилось, искомое звукоподражание: *м-м-ня*. А если не так уж интенсивно «звукоподражать», то просто: *мня*. И обозначает оно: «звук сглатывания слюны, выделяющейся при виде еды (особенно вкусной) или при мыслях о ней». А уже от этого звукоподражания происходит и «мамское» существительное *мняка* (вкусная еда, «вкусняшка»), и глагол *мнякать* в значении «есть, кушать». *Мня* – конечно, звук нечленораздельный, физиологичный и рефлекторный. Но попробуйте, Читатель, подумать о самом-самом любимом вашем кушанье, вызвать обильное слюноотделение и эту слюну «смачно» сглотнуть: да, получается нечто весьма похожее на *мня*. Да, это звукоподражание – даже очень «звукоподражательно»!

От такого *мня* происходит и первое значение глагола *мнякать*: «мять, месить». Ведь когда месят тесто, то могут производиться звуки, очень похожие на *мня*, «чавкающие» такие звуки.

От *мня* происходит и третье значение глагола *мнякать*: «мямлишь». Это очевидно из примера 1): *мнякать* стоит в одном ряду с *кхекать*. *Кхекать* – от *кхе*, *мнякать* – от *мня*. А ещё очевиднее такое происхождение у глагола *мня-мнякать*, что явно значит «все время повторять *мня*». Но вот почему такое «аппетитное» звукоподражание (аж слюнки текут!) породило такой «унылый» глагол: *мнякать* – *мямлишь*? Наверное, потому, что говорить с полным ртом слюны несподручно, невразумительно получается. Все время слюны глотать приходится. Ведь говорим же мы в том же значении: «*Ну что ты (извините) сопли жуёшь?*» Что ты мямлишь, то есть.

И вот это-то неаппетитное, «унылое» *мня* превратилось в ещё одного физиологического «звукопаразита».

Вот в передаче радиостанции «Говорит Москва» читает лекцию учёный (профессор, может быть), о древней истории:

(18) *Первые средиземноморские культуры (мня) это 20 тысяч лет назад... Изучать их (мня) довольно сложно* («Г.М.» м. 23.06.2019).

Не «э-э-экает», как профессор М.А. Кронгауз, а – *мнякает* в третьем значении, *мямлит*, то есть «сопли (извините) жуёт»...

А вот на «Эхе Москвы» блогер вещает:

(19) *Им разрешено... э-э-э (мня, чмок, шмыг) проводить свои корпоративы на Мальдивах* («Э.М». м. 14.06.2019).

Ну, он вообще всех «наших» собрал: *мня*, *чмок*, *шмыг*, да ещё и «профессорское» *э-э-э* добавил.

Так вот «говорящие» СМИ и *мня-мнякают*...

Есть её один физиологический «звукопаразит», тоже связанный явно с мамским языком (но не только, конечно). Приведу два примера из интернета: 1) *Потому что – ну что может быть лучше, чем пфукать Лёве в живот субботним утром?* 2) («Талантливый еврейский мальчик» ищет свой духовой инструмент) *На что практичная женщина предлагает любимому чаду «пфукать» в чайник – звуки такие же, а весит меньше...*

Значение этого глаголом, по-моему, очевидно (но всё же помечу его как первое):

1. Пфукать – ‘сильно дуть, издавая при этом звук *пффф* или *пфу*’.

Надо сказать, что это звукоподражание содержит как раз те, отмеченные «Русской грамматикой» (см. выше) «редкие или даже необычные для русского языка звуки и звукосочетания». Таково (на письме) сочетание звуков [п] и [ф]. Но в произнесении – это единый, нечленораздельный звук [пф] – глухой, твердый, смычно-щелевой (взрывно-фрикативный, или аффриката) согласный, для русского языка, действительно, необычный. А вот в немецком языке подобный согласный есть. Он – «чисто немецкий» и возник в результате исторического фонетического сдвига согласного [р]. «Звучит», например, в словах *Pferd* («лошадь») и *Kopf* («голова»). Отсюда, кстати, и немецкая фамилия *Шварцкопф* («Чёрная голова»), встречающаяся (нечасто, правда) и у россиян.

Есть в русском языке всем нам хорошо знакомый глагол *отдываться*. Первое его значение: «Тяжело и шумно выдыхать воздух (после усилий, напряжения) (разг.)». И это «тяжёлое и шумное выдыхание воздуха» тоже, конечно, можно обозначить звукоподражанием *пффф* или *пфу*. В таком случае глаголы *отдываться* и *пфукать* можно рассматривать как синонимы. И значит – у нашего *пфукать* есть второе значение, такое же, как у глагола *отдываться*.

А вот пример из «говорящего» СМИ:

(20) *Здесь как бы... (пффф) ничего личного.*

(Пфу)... *Я понимаю, что ты от меня ждёшь* («Г.М». м. 23.06.2019).

И вот что тут делает наш говорящий? *Пфукает* в первом значении, т.е. «сильно дует» кому-то в животик (или в чайник)? Или во втором значении: «тяжело и шумно выдыхает воздух после усилий, напряжения», *отдывает*, т.е.?

Конечно, иногда поиск ответа на сложный вопрос или точной, исчерпывающей формулировки мысли, действительно, требует значительных усилий или напряжения. Да и говорим мы иногда после (бывает – так и в процессе) оных усилий или напряжения. Например, «после сытного обеда» (*пфу-у-у*). Или на бегу (*пфф*, *пфф*). И всё же – в «говорящих» СМИ – я бы причислил и это *пфуканье*, все эти *пфф* и *пфу* к физиологическим «звукопаразитам».

Приведу совсем свеженький пример употребления этого «чисто немецкого» [пф] в речи одного и того же человека, но совершенно в разных функ-

циях. Вот, 02.09.2019 в утренней передаче радиостанции «Говорит Москва» А. Гудошников «рисует» (словом, конечно) такую картинку:

(21) *Ведь сами просили, чтоб самолё-о-ётом! Чтоб водо-о-ой! Вот так вот: «Пф-ф-ф! Быф-ф-ф!»*

Алексей пытается изображать звук извергающейся из недр самолета воды, «звукоподражает» то есть, но, увы, «маловысокохудожественно». Как, впрочем, и всегда – при попытках «звукоподражания». И всё же перед нами – использование этих звуков – [пф] и даже [бф] – в целях изображения некоего объекта «реальной действительности». Модальность их – объективная, а функция – референтивная.

А чуть позже, в диалоге со своей «соведущей», Гудошников использует тот же звук, но с совершенно иной целью:

(22) – *А ты видел?*

– *Пф! Видел.*

Некое такое, пренебрежение, что ли, Алексей выражает этим *пф*, то есть эмоцию свою. Модальность его – субъективная, а функция – эмотивная (эмоциональная).

Вот такой полимодальный и полифункциональный, хоть и «чисто немецкий», звук [пф] проник в наш с вами РЯ.

И ещё об одном звуке, которым иногда «балуются» говорящие в «говорящих» СМИ. От тоже, конечно, совсем физиологичен, но далеко не так отвлечен, как некоторые прочие «звукопаразиты».

Вот дама высказывается:

(23) *Молодец, молодец!..* (шумный вдох) *А имеет ли право журналист на личное мнение?* («Г.М». ж. 10.08.2019).

Говорим мы (все люди т.е.) на выдохе. Можем, конечно, попробовать сказать что-то и на вдохе. Но попробуйте-ка, Читатель: получится это очень нефизиологично. И с этой нашей (человеческой т.е.) особенностью связана одна проблема. Человеческая способность говорить обуславливается (в том числе) и его способностью сознательно контролировать дыхание (вдохи и выдохи т.е.). Приматы, наши ближайшие родственники шимпанзе и бонабо (карликовые шимпанзе), например, этого делать не могут. Поэтому и с «говорением» у них получается... Ну, не очень. Но вот такая штука: сознательно контролируя дыхание, мы можем забыть дышать, и даже умереть от этого! Такие случаи, увы, известны. А шимпанзе – нет, не могут забыть дышать, потому что контролировать своё дыхание не могут. Дышат себе и дышат, инстинктивно и рефлекторно. Вот как дорого (иногда) платят люди за способность «хорошо» (умело т.е.) говорить.

Но это – просто кстати. Вернёмся к «шумным вдохам». Наша дама, почти вскричав «*Молодец, молодец!*», выдохнула из легких весь воздух. И чтобы продолжить «говорение», должна была воздуху вдохнуть. Но почему она это сделала шумно? «Звучно», так сказать? Ведь это всё же говорит о её... ну, не очень хорошей дикторской выучке. Хороший (скорее – отличный) диктор должен уметь вдыхать беззвучно.

Но особенно такое умение – вдыхать бесшумно – важно, конечно, для певцов. И для певиц тоже. Я вот помню, что Кристина Орбакайте, когда только восходила на звездный небосклон эстрады, не могла этого – т.е. бесшумного вдоха – делать. А ведь её мама – могла! И я даже раздражался: «Ну вот, тащит знаменитая мама на сцену дочку-неумёху!» А теперь? Послушайте, Читатель. Ведь научилась умница Кристина вдыхать бесшумно! Любо-дорого послушать. Может, и нашим «говорящим» работникам СМИ у неё поучиться?

Но это, пожалуй, уже мои мелкие придирки пошли. И всё же причисляю и шумный (звучащий т.е.) вдох – к физиологическим «звукопаразитам». Тем более что и звучит от иногда... ну, совсем паразитично. Что-то вроде судорожного *ыф-ыф-ыф* или *фэ-фэ-фэ* получается. Будто тонет кто-то, выныривает – и жадно втягивает воздух. Фу!

А теперь о последнем – но по месту последнем, а не по «отвратительности» – «звукопаразите». Он связан с высотой тона голоса говорящего. Высота тона – это частота колебаний голосовых связок в единицу времени. Чем больше колебаний – тем выше звук. Зависит высота тона также от массы и длины голосовых связок: чем меньше эти показатели, тем тон (и голос) выше. Именно поэтому женские и детские (выделю эти слова. – Ю.В.) голоса выше, чем мужские.

По этому поводу Т.В. Матвеева пишет: «Повышение и понижение голоса (мелодика) помогают передавать различные оттенки смысла и являются необходимой чертой выразительной устной речи (согласимся с этим утверждением. – Ю.В.). Во время волнения, раздражения, гнева человек сильно напрягает голосовые связки, и его голос звучит выше, отсюда выражения: повышать голос, разговаривать на повышенных тонах» (и с этим спорить не будем. – Ю.В.).¹⁴

Таким образом, высота голоса: а) сигнализирует о гендерных (мужчина/женщина) и возрастных (взрослый/ребёнок) различиях; б) помогает передавать различные оттенки смысла; в) свидетельствует о различных эмоциональных состояниях говорящего: волнение, раздражение, гнев и пр.; г) говорит об уровне языковой культуры говорящего, о степени его владения выразительной устной речью. Вот сколько всего сразу.

И надо сказать, что наши «говорящие» СМИ овладели этим важным оружием культуры речи вполне. Только... Как-то уж слишком «вполне». Прямо какой-то порой получается у них пороссячий визг. Ну, будем называть его более «политкорректно» – *взвизг*. Такие эмфатические *взвизги*, у мужчин – просто переход в женский регистр. Приведу примеры (повышение голоса я обозначаю после слова, на которое оно падает, словечком *взвизг* в скобках, но, конечно, этот скачок приходится на ударный гласный этого слова, только трудно на письме это изобразить).

Вот дама *взвизгивает* (ну – дама же...):

(24) *Коронация Александра Второго (взвизг) имела несколько новшеств* («Э.М». ж. 09.04.2018).

А вот мужчины визжат (ну, прям как, эти... дамы):

(25) *Насчёт Генштаба я не знаю (взвизг)... Вот («Э.М». м. 09.04.2018).*

Ещё один вопрос (взвизг) тот же Михаил (взвизг), видно, он в теме («Э.М». м. 09.04.2018).

И какие тут смысловые оттенки выделены? Бог ведает.

А вот в тот же день (обратите внимание, Читатель, всё это – и ещё много чего – звучит на «Эхе Москвы» всего за несколько часов 09.04.2018-го) выступает солидный человек, известный учёный и мой хороший знакомый (умнейший человек и блестящий оратор, между прочим). И у него:

(26) *Я не утрирую (чуть взвизг)!*

Я бы взял что-нибудь драгоценное (чуть взвизг)!

Я же не Михаил Сергеевич Горбачёв, я не знаю, а рядовой научный сотрудник (чуть взвизг)!

Как видите, *чуть*, но всё же – *взвизг*. Да ещё тут и *причмоки* затесались:

(27) *У нас оправдательных приговоров (чмок) ноль одна сотая процента.*

Ну что тут (чмок) скажешь.

Увы, культура речи здесь, по-моему, пусть *чуть*, но прихрамывает, нет?

И что сие глагольное междометие (*взвизг* т.е.), или сия смена регистров означает – ума не приложу, видит Бог. Ну не смену же гендерной принадлежности, в конце концов. То говорили как мужчины – и вдруг женский высокий голос. Или некое «впадение в детство»? Вдруг как пацаны заверещали. Или просто такой вот всплеск эмоций? Типа: «детский визг на лужайке». Не знаю (пока). Но могу сказать точно, что очень многие мужчины взвизгивают на «Эхе Москвы». *Взвизг* на «Эхе» – это вроде какой-то товарный знак, что ли.

На «Говорит Москва» мужчины визжат гораздо реже. Вот Сергей Леонидович Доренко, например, никогда не взвизгивал. А сменивший (но не заменивший) его на утренней программе Алексей Гудошников – да, бывает. Про Гудошникова на «Эхе Москвы» одна радиослушательница – учительница пения как-то сказала, что есть такие лишённые слуха ученики, которые компенсируют неловкое действие Топтыгина, наступившего им на ухо, громким пением: чем громче, полагают они, тем правильнее. И называются такие ученики на учительском жаргоне – гудошники. Пожалуй, Гудошников – действительно, гудошник: он любит в эфире попеть (ну так, средне попеть), покричать, а иногда в своём «гудошниковском» запале взвизгивает. Он всегда называет себя учеником «шефа», т.е. С.Л. Доренко. Но вот Доренко, надо сказать, гудошником не был определён. И слух у него на настрой радиоаудитории был, можно сказать, абсолютный, и никакого визга в эфире он никогда себе не позволял. Ну что же, древние латиняне говорили: «Tempora mutantur, et nos mutamur in illos» (т.е. «Времена меняются, и мы меняемся с ними», а точнее если перевести – «в них»). Вот и Алексей Гудошников начал, вопреки примеру «шефа», повизгивать и покрикивать. А иногда сменяет крик шёпотом:

(28) Шепчет: *Я не знаю, стоит ли покупать в Москве недвижимость.*

Нормальным голосом: *Я забыл. Когда я шепчу, некоторые меня не слышат* («Г.М». 01.08.2019).

Очевидно, Алексей полагает, что чем шире диапазон громкости и высоты голоса, тем сильнее его воздействие на слушателя. Увы, увы...

Наслушался я этих «звукопаразитов», что называется, под завязку. И казалось, ничто уже не могло меня особо удивить. Но нет. Апогей наступил 14.06.2019-го. Я был, так сказать, на дежурстве: слушал («подслушивал») «Эхо Москвы». Говорил... Ну, не буду называть имен. Скажу только – «*ви*п (или *ви-ай-пи*?) *персона*» и на радио, и на телевидении, и в этой... *блогосфере*, говорила. А я только и успевал фиксировать: *э-э-э (сильный шмыг), мня, сильный чмок, пришмыг, явное мня, явный причмок, э-э-э (причмок), чмок, шмыг, пришмыг* и – *венец!* – *э-э-э, кхэ-э-э!* (А я ведь ещё *взвизги* не фиксировал, а их была – тьма!) И я взвился, и возопил (внутренне, конечно): «Да что же вы, уважаемый – нет, малоуважаемый имярек! Да зачем же такая языковая неопрятность?! Неужели вы и в самом деле полагаете, что все эти *мня, чмок, шмыг, взвизгивания* эти придают тому, что вы говорите, какую-то дополнительную убедительность, правдивость какую-то?! Да нет же, нет!!! Э-э-эх, радиожурналист вы эдакий... Тьфу! (Прости меня, Господи!)». И долго ещё я не мог уговориться. И бегал, и всё цитировал гоголевского майора Ковалёва: «Чёрт знает что, какая дрянь!» И плевался «с отвращением». Потом успокоился, конечно.

Но только мучения мои на этом не закончились. Ровно через неделю, 21.06.2019-го я опять «подслушивал» «Эхо Москвы». (Вот повадился-то! Прямо «Эхо»-маном каким-то стал!) Шла беседа с очень известным адвокатом, да и просто крупным общественным деятелем. Очень уважаемым (и мной тоже) человеком. И «наковырял» я в его речи множество всяческих причмоков, пришмыгов и даже мянков. Очень огорчился – адвокат ведь! Да ещё прекрасный адвокат! По определению, кажется, должен прекрасно владеть главным (ну, одним из главных) своим «инструментом» – речью. И вдруг – такое... Да-а-а.

И я решил: «Всё! Использую этот... ну, почти компромат в своей книге. Выведу знаменитость на чистую воду!» Но – ведь очень уважаемый человек. Захотел я подстраховаться, перепроверить свои наблюдения и пересмотрел на Ютьюбе видеозапись этой беседы. И – обомлел! Ничего шокирующего в видеозаписи я не обнаружил. Я пересматривал видеозапись раз за разом – и нет! Не шокировал меня уважаемый человек неряшливостью речи! Я подумал: «А не ослышался ли я в тот, первый, радио-, так сказать, раз?» И даже заподозрил редакцию «Эха» в «подчистке» видеозаписей для Ютьюба. Но потом убедился: нет, есть в речи адвоката и причмоки, и пришмыги, и мянки. Но! В совокупности с **видимыми** жестами, мимикой, движениями губ и глаз и всей остальной паралингвистикой эти физиологические «звукопа-

разиты» не звучат так уж... ну, отвратительно почти. Помните, я цитировал Дэниела Эверетта? В совокупности все составляющие языка (звучащего, конечно) производят синергетический эффект. То есть каждая из них в отдельности – это не то же самое, что эта же составляющая в совокупности с другими. Ну что же. Снижаю градус своего негодования, ладно уж. «Но ведь всё равно, – думал я, – ведь по радио-то я не вижу ничего, слышу только – и **режут мой слух** (допустим, пусть и излишне изощрённый) все эти... ну, небрежности».

А сами эти говорящие – они-то что? Не переслушивают записи своей речи? Я вот, например, когда-то, в далекие 80-е, участвовал в подготовке радиопередач для наших студентов-иностранцев (был и такой период в моей трудовой деятельности). И обязательно переслушивал потом себя – говорящего. И в ужас приходил, обнаруживая в своей речи такие, тягуче-певучие «хохляцкие» интонации. (А жил я тогда на Украине, и, конечно, украинский акцент у меня был. Есть, наверное, и теперь). И знаете, пытался я потом что-то менять, следить за собой. И что-то даже получалось. А этот наш уважаемый адвокат – он что, никогда не слушал записи своих выступлений? Уверен, что слушал. И что, не хотелось ему ничего поменять? Или уже просто рукой махнул: «А-а-а, и так сойдет!» Человек-то он уже... не очень молодой.

Я сокрушался по этому поводу. И своими «сокрушениями» поделился с давним своим другом, и тоже очень уважаемым, солидным человеком, крупным учёным, членом-корреспондентом РАН и даже одним из её руководителей. Вот, – говорю, – что говорящие в «говорящих» СМИ, а особенно на «Эхе», вытворяют! Вот как... «звучат»! А он только рукой махнул: «Э-э-э! Да у меня самая такая проблема. Ты послушай, вчера на ОТР я говорил... Да... А почему так и как с этим справляться – не знаю».

И я послушал, вернее – посмотрел: да, на «ОТР», в авторской программе Сергея Бордунова «Дом “Э”» от 08.09.2019. И мой друг, действительно, в ней участвовал. И сразу скажу – говорил такие вещи о нашей экономике и ситуации в науке, с которыми я полностью согласен. Совершенно правильно, по-моему, говорил. Но... Да, было в его речи кое-что. Но это было, как я уже отметил, «видеоговорение». А в этом случае все «звучания» не так... «выпукло» звучат (см. объяснение выше). И были эти «звучания», конечно, не так обильны, как у блогера на «Эхе». Ну, отметил я э-э-э (немало, да ведь это – и не «звукопаразит», а даже такое, профессорское «звучание»). Есть его «авторский», очевидно, вариант, близкий к *мнэ-э-э*. Но есть и (*шмыг*) *э-э-э*, и *чмок*, и *мня* (эти – совсем единичны). Есть и глубокий вдох, и тоже, очевидно, «авторское» *эф-ф-ф* (такое, «втягивание» воздуха). Ну – и всё. Ничего, повторю, «страшно ужасного» (или «ужасно страшного»). Но ведь слушает же себя человек! И думает: «А почему у меня так получается?» И задумывается: «А как это исправить?» И ведь я уверен – исправит. Вот так и надо – нам, «адресантам-говорящим»! Поэтому – браво, (чуть не проговорился, чуть «имя-отчество» не назвал)... ну, «имярек»!

В связи с этими моими размышлениями возникало у меня ещё одно сомнение: а если эти физиологические «звукопаразиты» – просто такие... «фефекты фикции» (помните?), неконтролируемый, совсем не предумышленный шум в речи того или иного человека? И заниматься этим надо не мне, языковеду-русисту (даже семиотику), а врачу «ухо-горло-носу», например, или стоматологу, что ли, ну, или уж логопеду-дефектологу, в конце концов. А вот **знаковости** (то есть осмысленности в данном случае) никакой в звуках этих нет. Ну причмокнул кто-то, пришмыгнул, мякнул или ещё какой звук издал – но неконтролируемо и без всякого, так сказать, злого умысла. А что? Ведь может быть, может быть. (Да часто именно так и есть.)

Но! Всё же не зря я и радиостанцию «Говорит Москва» ежедневно «подслушиваю». И вот – 06.08.2019 – услышал. Радиослушатель спросил у А. Гудошникова, почему Сергей Доренко произносил слова «Говорит Москва» таким ненатуральным, рычащим, что ли, голосом. И Алексей отвечает: «Это его фишка». И поясняет: «У каждого из нас есть свои фишки. И главное – они работают: **вы их замечаете!**» (Выделено мной – Ю.В.). И дальше – честно признается: «**У меня фишка – дышать носом**». То есть по-нашему, по-русски говоря, «фишка» Гудошникова – **шмыгать носом в эфире!** Узнаёте? Это же наш дорогой **шмыг!**

Во-о-от оно как! Алексей Гудошников, значит, себя-говорящего придирчиво прослушивает, речь свою публичную анализирует и специально, умышленно, **преднамеренно** – а значит, и «знаково» – её (речь свою, т.е.) этими якобы физиологическими звуками уснащает! И тут же, в тот же день Алексей, как бы иллюстрируя это своё (тоже якобы непреднамеренное?) признание подтвердил, что называется, на практике, то есть в речи своей. Вот:

(29) *Я абсолютно незмоциональный, расчётливый человек... (шмыг).*
Вот (06.08.2019).

Верю, Алексей, верю... А на следующий день «**фишка**» повторяется, так сказать, в «усиленном» режиме:

(30) *Нормально, нормально... (мощный шмыг). Да что я всё время пропускаю?! Настя, развлеки пока народ (07.08.2019).*

И дальше в том же духе:

(31) *Сколько человек погибло во время Первой мировой войны (шмыг), и сколько погибло от «испанки» (07.08.2019).*

Не буду издеваться над москвичами... (шмыг). Вот (12.08.2019).

Но А. Гудошников не только *шмыгает*, он ещё *чмокает* и *мякает*:

(32) *Со времен Карибского кризиса прошло 60 лет... (чмок). Вот (07.08.2019).*

Это такое... (мя). Ой, интересное занятие (07.08.2019).

Есть такой фильм «Троя» (чмок) (12.08.2019).

Как видим у Алексея, как у одного из говоривших на «Эхе Москвы» (см. выше), есть составные «звуко-словопаразиты». У того в любимчиках ходили (*чмок*) *вот* и *вот* (*чмок*). У Гудошникова ассортимент самих звуков

шире, но комбинаторики расположения звуков и слов нет: (*шмыг*). *Вот и (чмок). Вот.*

О том, что *чмоки* и *мняки* – тоже его «фишки», А. Гудошников не говорил. И что, мы поверим, что они-то непреднамеренны в его речи? «Это вряд ли» – как говорил товарищ Сухов во всеми нами любимом фильме «Белое солнце пустыни». «Звукопаразиты» *чмок* и *мня* у Гудошникова могут быть не любимыми, но что он их у себя не замечает – «Не верю!» (Ну, как Станиславский говорил).

Итак, мы делаем вывод, что у *шмыга* А. Гудошникова **есть** знаковая природа. Изобразим это так:

ЗНАК («фишка») означающее: *шмыг*
означаемое: «заставить себя слушать»

(Думаю, что с *чмок* и *мня* у Алексея дело обстоит так же, ну, или почти так же).

А что, все другие «говорящие» журналисты, ведущие, блогеры и т.д. – другие?! Они – «глупее» Гудошникова? Ну, это, опять же, вряд ли. Конечно, и они (или, пусть, многие из них) тоже – «злоумышленники»! То есть **умышленно** все эти «**знаки**» используют.

Только вот «**знаки**» эти (физиологические «звукопаразиты») особые какие-то. То есть и означающие, и означаемые у них не совсем типичные (поэтому и беру я их – может, только пока – в кавычки). Ну что же, давайте поговорим о том, какие бывают знаки вообще, а потом – о знаковой (или, возможно, незнаковой) природе физиологических «звукопаразитов».

Отступление теоретическое № 6: О знаках

Автором классической типологии знаков является американский философ, логик и математик Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914). Его же называют основоположником **семиотики** (т.е. науки о знаках и знаковых системах). Надо сказать, что семиотические идеи Пирса не были сведены им в цельный обобщающий труд и, более того, долгое время были мало известны за пределами США. Адаптировал концепцию Пирса для широкого читателя, извлекая основные её положения из изданий, далёких от круга чтения лингвистов, к тому же написанных очень тяжёлым языком, уже в 30-е годы XX века другой американец и тоже философ Чарльз Уильям Моррис.¹⁵ Он же дал этой концепции дальнейшее развитие. Собственно говоря, именно благодаря Моррису идеи Пирса получили всемирную известность, а сам он приобрел титул основоположника семиотики. На филологическом факультете МГУ мы учили семиотику по Моррису и Пирсу (и ещё, конечно, по Ю.С. Степанову). Поэтому буду придерживаться в дальнейшем именно их концепции, но в чём-то её модифицируя (точнее – модернизируя) с учётом позже написанных работ.

Прежде всего давайте уточним, что я имею в виду, когда пишу: «**знак**». А для этого обратимся к авторитетному источнику – к «Лингвистическому энциклопедическому словарю». Там находим:

ЗНАК ЯЗЫКОВОЙ – материально-идеальное образование (двусторонняя *единица языка*), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности.¹⁶

Поясню. Знак что-то означает идеальное (т.е. то, что нельзя увидеть, понюхать, пощупать, «на зуб попробовать», так сказать). Это – план содержания знака, который мы называем – **означаемое**. Вот одна сторона знака.

Знак означает что-то идеальное при помощи чего-то материального (звуков, чернилами или как-то ещё написанных, нарисованных, «вырубленных топором», так сказать, зрительно воспринимаемых объектов – или каких-либо ещё материальных «штук»). Это – план выражения знака, его форма, которую мы называем – **означающее**. Вот вторая сторона знака.

Надо сразу отметить, что означающее – это тоже не просто, так сказать, булыжник, который нам на голову свалился, материальный такой объект – и больше ничего. Фердинанд де Соссюр (который, собственно, и предложил в 1911 г. термин «означающее» вместе с термином «означаемое») писал, что означающее «является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим впечатком звучания, представлением, получаемым нами о нём посредством наших органов чувств».¹⁷ А уж потом, получив такой впечаток (при помощи осязания, например, – как слепые, использующие азбуку Брайля), мы соотносим этот «психический булыжник» с неким идеальным означаемым и используем его при общении (в «атаке») с другими (на «плохих» других, например). Так что «психический булыжник» – оружие говорящего, па-а-анимаешь!

А теперь вернёмся к типологии знаков, восходящей к Ч. Пирсу. В ней различаются три типа знаков (в зависимости от типа связи в них означаемого и означающего).

1. **Иконические знаки (иконы, образы, копии)**. Связь означаемого и означающего очевидна: означающее фактически подобно означаемому. Ч. Моррис предположил, что такой знак несёт в себе некоторые свойства представляемого объекта. Иногда говорится, что иконический знак изоморфен представляемому объекту (до определенной степени, конечно). Часто приводимые примеры этого типа знаков – фотопортрет, а в языке – звукоподражательные слова (это – NB!).

К знаковым системам, в которых иконический знак является базисным знаком (таксоном – термин А.Б. Соломоника¹⁸) относится, например, изобразительное искусство (кроме его так называемых «нефигуративных» направлений: в абстракционизме, например, используются иные типы знаков).

Иконический знак может быть как создан («сотворён») человеком (на скальный рисунок или Венера Милосская, например), так и «опознан» («распознан») им в «окружающей действительности». Как в детской песен-

ке В.Я. Шаинского, помните: «Облака – белогривые лошадки!» Или ещё один, не совсем детский (16+ или, может, 18+?) пример. Таким вот «опознанным» иконическим знаком считают некую забавную штуку, именуемую эрфудский манупорт. Сначала – что такое манупорт? Это предмет, не несущий признаков искусственной обработки, но явно перемещённый – «принесённый в руку» (отсюда и название: от лат. *manus* «рука» и *portare* «носить») на стоянку человеком. А про эрфудский манупорт возрастом 300 000 лет, найденный на территории Марокко, Д. Эверетт пишет: «Это кость каракатицы, формой напоминающая фаллос». ¹⁹ Вот такой вот, в буквальном смысле слова «нерукотворный», но «в руке принесённый» иконический знак.

Илл. 7. Эрфудский манупорт. Рисунок взят из книги Д. Эверетта
«Как начинался язык: История величайшего изобретения»

2. Индексные знаки (индексы, признаки, симптомы). Означающее и означаемое связаны отношениями смежности, причинно-следственными отношениями, отношениями части – целого, контейнера – содержимого, действия – реакции на действие, отношениями указания. Означающее не является случайным, но и не повторяет форму представляемого объекта. Часто (но не всегда) оно – часть этого объекта. И всегда – некий самостоятельно существующий объект. Часто приводимые примеры: стон – это следствие ранения; высокая температура – симптом заболевания; дым указывает, что там что-то горит. Как говорится: «Нет дымы без огня». С точки зрения химика, наверное, это несколько наивное утверждение. А с точки зрения семиотика – нет. Дым – это индексный знак огня.

Индексные знаки часто называются естественными знаками (в терминологии А.Б. Соломоника, например).

Знаковые системы, базисными знаками которых (в терминологии А.Б. Соломоники – таксонами) служат естественные знаки-индексы, намного старше людей. Индексы – обязательная (и необходимая) принадлежность систем коммуникации животных (сокращенно – СКЖ). Д. Эверетт вот как, сочно, об этом написал: «Если бы животные не могли интерпретировать индексы, то львы никогда бы не нашли добычу, гиены напрасно рыскали в поисках падали, а обезьянам крайне сложно было бы избегать змей и ястребов».²⁰ Способностью распознавать естественные знаки-индексы обладали наши давние предки (иначе они просто не выжили бы). Есть она и у американских индейцев Амазонии, и опытные следопыты и охотники её в себе развивают.

Но знаковые системы, базирующиеся на индексах, – это не только архаика или экзотика. Физикам-химикам давно известно, что каждый химический элемент имеет свой неповторимый линейчатый спектр. А ведь это – такой же знак-индекс элемента (его признак, его симптом, если хотите), как запах антилопы, как след буйвола. Так что, дорогие «естественники-технари», не очень-то задавайтесь. Ведь проводя спектральный анализ небесных тел и определяя, из каких химических элементов они состоят, вы пользуетесь тем же «семиотическим оружием», что и лев во время охоты, наш дальний предок-«троглодит» или «дикий» индеец из племени мура-пираха в джунглях Амазонии. Или (в лучшем случае) отважный охотник Натаниэль Бампо – герой всеми нами любимого романа Джеймса Фенимора Купера «Следопыт». Так-то вот.

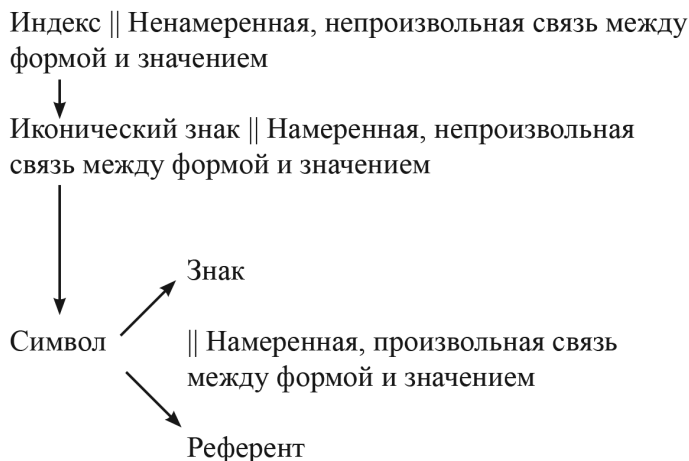
3. Символические знаки (символы). Означающее и означаемое связаны не естественными отношениями сходства или смежности (следования, включенности, реакции и т.д.), а условными отношениями, выстраиваемыми по договоренности, силой конвенции. Означающее такого знака ничем не напоминает представляемый объект. Символические знаки ещё называют – конвенциональные знаки.

Конвенциональные знаки являются базовыми (таксонами) для той знаковой системы, которую мы гордо называем: **человеческий язык!**

Такая последовательность типов знаков (икона – индекс – символ) для Ч. Пирса не была случайной: она проистекала из его философских воззрений. По Пирсу, самый простой знак – иконический. Он принадлежит прошлому опыту и не способен передавать информацию. Индекс существует в настоящем («сегодняшнем») опыте и способен передавать информацию. Но ни иконические знаки, ни индексы не утверждают что-либо. Символы способны составить суждение, воздействовать на мысль и поведение партнера и предсказать будущее состояние. Не совсем бесспорно, конечно (или совсем не бесспорно). Но спорить с отцом-основателем семиотики мы не будем.

В соответствии с понятием «знаковости», большей или меньшей отдалённости знака от представляемого объекта выстраивается такая последовательность: индекс (как бы часть объекта); икона (похожа на объект); символ (не имеет с объектом ничего общего).

Такая же последовательность выстраивается, если смотреть на знак с точки зрения филогенеза, т.е. истории возникновения и развития человеческого языка. Д. Эверетт полагает: «Эволюция языка шла по пути “семиотической прогрессии”».²¹ Что и изображено на рисунке из его книги:

Илл. 8. Семиотическая прогрессия. Часть рисунка из книги Д. Эверетта «Как начинался язык: История величайшего изобретения»

Обратите внимание: символ на рисунке Эверетта изображен с такими, рожками, и на рожки эти нанизаны повыше – знак, пониже – **референт**. Новый термин, ранее нами не употреблявшийся. Поясню, что же имеется в виду.

Рассмотрим два предложения: 1) *Смотри, какой удобный стол.* 2) *Стол – это предмет мебели в виде широкой горизонтальной пластины на опорах, ножках.* В обоих случаях нами использован один и тот же знак – слово *стол*. Но во втором предложении мы использовали этот знак в метаязыковой функции, т.е. в функции толкования (и это, действительно, толкование значения слова *стол*, взятое из словаря). А в первом мы использовали его для обозначения конкретного, данного объекта внешнего мира (*Не видишь? Да вон, за тем шкафом, справа*). Вот этот конкретный объект внешнего мира, на который указывает знак, и называется у лингвистов – **референт**. И, как мы видим, один и тот же знак (в данном случае – слово *стол*) может или иметь референт, или не иметь. Смотря в какой функции мы его используем. Если в референтивной – да, имеет (потому функция эта так и названа), а вот если в метаязыковой – нет, не имеет.

Многие ученые предполагают, что наличие референциальных знаков (т.е. знаков, способных иметь референт) радикально отличается человеческого языка от систем коммуникации животных (СКЖ). Они считают, что все знаки в СКЖ приматов (но не только приматов, а и калифорнийских сусликов,

например) – это эмоциональные сигналы, не указывающие на референт, а просто свидетельствующие о внутреннем состоянии животного. Они – признаки, симптомы, т.е. индексы неких его (животного т.е.) «переживаний» – страха, голода, или похоти, например. И эти «переживания» благодаря «материальному» индексу (крику, например) становятся известны окружающей «публике». Светлана Бурлак очень удачно выразилась по этому поводу: «Сородичи, слышащие этот звук, “заражаются” соответствующей эмоцией (подобно тому, как людей “заражает” зевота или смех), и у многих из них возникает соответствующая вокализация».²²

Другие учёные (и тоже многие) возражают: «Нет, и в СКЖ мы находим референциальные знаки». И приводят в качестве примеры СКЖ маленьких обезьянок с симпатичным названием верветки (другое их название, более научное, но совсем не симпатичное – карликовые зелёные мартышки). Так вот, эти кокетки-верветки уже давно стали любимыми персонажами специалистов по глоттогенезу (происхождению языка т.е.). В их «языке» (СКЖ, конечно) есть целых четыре разных «слова» (сигнала, конечно), обозначающих разные виды опасности. Опять цитирую Светлану Бурлак: «Один крик обозначает орла, другой леопарда (или гепарда), третий – змею (мамбу или питона), четвертый – опасного примата (павиана или человека)».²³

И вот вокруг этих четырёх верветочьих «слов»-сигналов сколько уже глоттогенетических копий сломано! Одни считают их вполне референциальными знаками-символами, другие – просто эмоциональными сигналами-индексами. Кто-то из участников этого спора (не помню точно, кто) как-то удачно выразил свою точку зрения: «Один инстинктивно кричит от страха при виде орла, другой инстинктивно бежит от страха, услышав этот крик». (Это – не цитата, передаю, как запомнил). И я близок именно к такой точке зрения. Мне тоже кажется, что никаких референциальных знаков-символов в СКЖ вообще и в «языке» симпатичных верветок в частности нет. И совсем не «потому что не может быть никогда». Но объяснить, почему «мне так кажется», не буду. Не место, да и не время. Ждите новой моей книжки («О происхождении языка»), уважаемый Читатель!

Вот такое длинное отступление получилось. Но не только потому, что сама проблема «знаковости» очень сложна. Главное – потому что все эти чисто теоретические «вещи» имеют прямое отношение к нашим героям – физиологическим «звукопаразитам». К ним и вернемся.

О знаковой природе физиологических «звукопаразитов»

Ну что же, давайте уже, наконец, разберёмся в знаковой/незнаковой природе всех этих *кхе*, *шмыг*, *чмок*, *мня* и им подобных.

Начнём с *кхе* и *шмыг*. Что обозначают образованные от них глаголы (полнозначные слова, то есть знаки-символы, по Пирсу) *кхекать* и *шмы-*

гать (носом)? Они обозначают определённые действия, сопровождающиеся издаванием определённых звуков. И природа этих полноценных знаков соответствует семиотической классике: есть означаемое, есть означающее, причём означающее – конвенционально и до определённой степени произвольно: хоть и до определённой степени звукоподражательно (слегка «иконично», так сказать), но уже членораздельно, уже прошло сквозь «звуковое сито» фонетической системы конкретного (в данном случае – русского) языка. А в том языке, где есть щёлкающие согласные (они же *клики* или *кликсы* – от англ *clicks*), получившие статус фонем, в написании глагола, соответствующего по значению русскому *кхека́ть*, мы бы встретили букву, обозначающую звук [кх]. Таков, например, корейский язык, и в нём есть буква (читается [кхчк]), обозначающая этот звук. И знак этот – референциален, то есть может означать определённый фрагмент «действительности»: *Смотри-ка, он опять кхекает*.

А как же с нашими *кхе*, *шмыг*? Не с написанными мною сочетаниями букв – они-то, как Читатель помнит, конвенциональны и до определённой степени произвольны: чуть раньше мы договорились (конвенцию, так сказать, заключили), что будем именно их использовать для обозначения соответствующих звуков. А сами эти (напомню ещё раз – нечленораздельные) звуки? Они, конечно, тоже знаки, но совсем иного рода. Например, *кхе*: кто-то *кхекает* (*кашляет*), потому что простыл. Или так: простыл – и *кхекает*. И будет это делать, хочет он того или не хочет. *Кхе* – симптом простуды, как высокая температура – симптом какого-нибудь заболевания. Или (любимый семиотиками пример) как дым – симптом огня. О чём народ мудро (хоть, как мы отмечали, не всегда верно) говорит: «*Нет дыма без огня*». И нет простуды без *кхека* (кашля, т.е.). Ну, почти всегда, или, по крайней мере, очень часто. То же и с *шмыгом* (шмыганьем носом): нет насморка без *шмыгов*. Такие знаки, как мы помним, Ч. Пирс называл **индексами** (они же – признаки, они же – симптомы). И нет в них ни конвенциональности, ни произвольности. Хочешь не хочешь, а если простыл и схватил насморк, будешь издавать звуки *кхе* да *шмыг*. И референциальности никакой в них нет: не означают они, не указывают ни на какой отдельный фрагмент действительности, а частью этого фрагмента являются. Я *кхекаю* (кашляю) и *шмыгаю* (носом) не для того, чтобы сообщить: «*Вот, смотрите, простыл я*», а **из-за** того, что я простыл.

С другими нашими «звукопаразитами» ситуация иная, но схожая. *Чмок* и *мня* – индексами чего они являются? Что является, так сказать, «огнём» для этих звуков-«дымов»? Во-первых, они напрямую связаны с едой, как у собаки Павлова: хочешь есть – выделяются слюни; выделяются слюни – ты их слглатываешь, то есть *чмокаешь* и *мнякаешь*. И есть здесь определённая и вполне выраженная эмоция – удовольствие от вкусной еды: «*Так вкусно, аж слюнки текут! Чмок-чмок, мня-мня*». И эти *чмок* и *мня* – тоже и неконвенциональны и произвольны, как у собаки: собака ведь не договаривалась с Павловым, что у неё при виде еды (или когда придёт время еды) слюни потекут, а не слезы, или, например, не посикает она.

Чмок и *мня* – это **не** конвенциональные и **не** произвольные (и тоже **не** референциальные) знаки-индексы, связанные с едой и удовольствием от еды. Они – симптомы выделения и проглатывания слюны.

Непроизвольные и неконвенциональные (неусловные), «недоговорные», так сказать, *кхе* и *шмыг* говорящий вполне может в своей речи употребить, если у него кашель или насморк. Знаю из своего личного опыта. Мне самому часто приходилось когда-то выступать публично. И не понаслышке известно мне, что иногда приходится появляться перед публикой не в лучшей форме: то кашель одолевает, то насморк. И поневоле иногда то кхекнешь, то шмыгнешь. Но последнее – особенно нетерпимо, по-моему. Уж если сопли потекли – совсем лучше не выступать публично. Смотреть на «путающегося в соплях» докладчика – противно. Да и слушать, как он втягивает в себя эти сопли – ещё противнее. Нет, сиди-ка ты уж лучше дома, «уединённо», так сказать, из своих соплей выпутывайся.

Но если уж нечто подобное произошло и если говорящий вежлив, конечно, он будет извиняться перед слушающим (или слушающими) за все эти *кхе* и *шмыг*. Как С.Л. Доренко в примере с кашлем его в эфире (см. выше). А может, конечно, и не извиняться, а даже и наоборот. По принципу, запечатлённому в просторечном и грубом: «*Чихал я на тебя/вас!*» Но вот интересно: говорим мы «*чихал я на вас*», но в своей речи преимущественно «на вас» *кхекаем* и *шмыгаем* (носом). Почему так? Наверное, *чих* – уж больно такой... мощный звук, и посещает он нас намного реже, чем *кхе* или *шмыг*.

С непреднамеренными, «недоговорными» *чмок* и *мня* дело обстоит сложнее. Ситуации неожиданного обильного выделения слюны прямо в процессе нашей речи достаточно редки. Но случается и подобное, конечно. Например. Я-голодный говорю тост на юбилей шефа и истекаю слюной при виде изысканных яств, уже украшающих стол. Осетринки, например (ну, такой, янтарной, какую мой друг-подчинённый цопал у меня из-под носа, помните?). И, конечно, есть икра чёрная (хм, эта – вряд ли, ведь мы не за столом у Верещагина из «Белого солнца пустыни»), икра красная (эта – непременно), икра заморская – «баклажановая!» (ну, эту и не надо вовсе, хотя, помните, Крамаров в нашем любимом фильме про Ивана Васильевича, глядя на неё – «баклажановую!», именно-таки *чмокнул*). И вот я тоже, глядя на всю эту «лепоту», говорю пылко-поздравительные слова, а сам не могу удержаться – *чмокаю* и *мнякаю*, *мнякаю* и *чмокаю*... Да, неудобно.

Как я уже отметил выше, знаки-индексы широко используются в СКЖ. Так, различные звуки, издаваемые различными видами приматов (симпатичными верветками-кокетками, например), могут свидетельствовать об испытываемых «говорящим» голоде, похоти, страхе или даже ужасе перед лицом смертельной опасности. И издаются они произвольно. И референциальны они, говорят только о внутреннем состоянии животного и, в общем-то, не предназначены для общения с сородичем. Но, тем не менее, сородич эти звуки (или жесты)-индексы тоже воспринимает (помните, у С. Бурлак: «заражается» ими, как люди «заражаются» зевотой или смехом) и

ведёт себя соответствующим образом: убегает со своим бананом (если он слабее голодного) или даже иногда делится с голодным едой, удовлетворяет или отвергает сексуальные домогательства озабоченного партнера, прячется или улепётывает во все лопатки, услышав крики испуганной или – ужас! – гибнущей в когтях хищника особи. И все эти знаки – **врождённые** и **рефлекторные**. (Конечно, не все коллеги согласятся с моей трактовкой сути знаков в СКЖ, но – «Я так думаю!»).

Знаки-индексы человека, все эти *кхе*, *шмыг*, *чмок*, *мня*, так же, как знаки-индексы в СКЖ, свидетельствуют о внутреннем состоянии человека и тоже не в первую очередь для коммуникации предназначены. Но мы на эти произвольные сигналы (как верветки – на свои аналоги им) реагируем, как будто они нам что-то рассказали: слышим *кхе*, *шмыг* – лучше отойти подальше, чтобы заразу какую не подцепить; слышим *чмок*, *мня* – можно и поближе подойти, посмотреть, что там такого вкусенького есть? Может, и нам достанется. И все эти звуки (как сигналы в СКЖ) – тоже **врождённые** и **рефлекторные**. И – что важно – они **нечленораздельные**. Написав *шмыг* – мы только очень и очень приблизительно отобрали те звуки, которые издаёт человек, с шумом втягивающий в себя (пардон) соплю.

Но в любом случае все эти «недоговорные» и непреднамеренные звуки в нашей речи – это «шум в канале связи», его говорящий старается избегать, а если уж допустил – то приносит по этому поводу извинения. Если же не приносит, то мы делаем вывод, что он невежа (да, редко сейчас так говорят), а проще – хам невоспитанный.

И тут мы слышим в наших «говорящих» СМИ:

(33) *Соответственно (шмыг) он правильно это заметил* («Э.М». м. 09.04.2018).

Вам не нужен интернет... (чмок). Карта достаточно простая («Э.М». м. 09.04.2018).

Это был процесс длительный (мня) («Г.М». м. 23.06.2019).

И понимаем: нет, «говорящий» *шмыг* не страдает насморком, а у «говорящих» *чмок* и *мня* слюнки не текут при виде еды (или при мыслях о вкусной еде). Так зачем же они все эти по сути физиологические звуки, эти знаки-индексы, эти симптомы «чисто конкретных» внутренних состояний воспроизводят? Что, обмануть нас хотят? Мол: *Я болен. Пожалей и полей. Или: Я голоден. Дай поест*.

А вот визжит кто-то:

(34) *Ведь мы этого не хотим (взвизг)* («Э.М». м. 04.09.2018).

Что, изображает, что ему «на любимую мозоль наступили» (или в прямом смысле, или, может, в переносном: «обидели, задев самый больной вопрос, уязвимую тему»)?

А вот кто-то *пфукает*, или глубоко (тяжело) *вдыхает*. Они-то что изображают?

Нет, не похожи все эти, очень многочисленные сегодня в «говорящих» СМИ употребления «физиологических» звуков на какие-то имитации соответствующих физиологических (или пусть эмоциональных) состояний. Так к чему же они?

Впрочем, зачем нам гадать, как говорится, «на кофейной гуще». Ведь один из очень известных «воспроизводителей» (или «злоупотребителей») таких звуков Алексей Гудошников сам нам признался, что по меньшей мере один из его «звукопаразитов» – а именно *шмыг* (вдыхание воздуха носом, как он эвфемистично выразился) – это его «фишка», умышленная («злоумышленная» – я бы сказал) и преднамеренная. И шмыгает он, в самом деле, постоянно, хоть никакого насморка у него нет.

Я же предположу (и пусть кто-нибудь попробует предположить что-нибудь более вразумительное!), что и все другие звуки и тональные выкрутасы (не буду опять их перечислять), о которых мы говорили, тоже преднамеренны. И это – уже не знаки-индексы, как в СКЖ. А что же?

Может (по классификации Ч. Пирса), знаки-образы, знаки-иконы, то есть их означающее похоже на означаемое, но не является его симптомом? Ну вот образ, «иконка» пешеходного перехода – нарисован шагающий человек. Всё понятно: можно шагать.

Вот китайский иероглиф, изображающий (первоначально – очень натуралистически, с течением времени – все более и более условно) маленького человечка, ребёнка то есть. Значит, значение слова-иероглифа – ‘ребёнок’.

А вот на мой айфон кто-то мне смайлик, вернее, эмотикон прислал – колобок такой улыбающийся. Тоже понятно: радуется кто-то и меня приглашает порадоваться. Или более близкий к нашей теме пример, тоже связанный с языком – звукоподражательные по происхождению междометия, используемые для выражения эмоций – *ай*, *ой* и т.п.

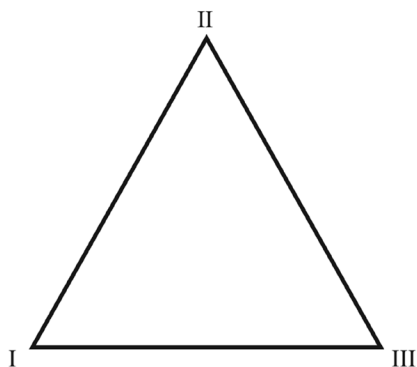
Правда, я уже писал о том, что зачастую сложно говорить об иконичности таких междометий: *ай*, *ой*, *ах*, *ух*, *эх* – насколько точно они передают «физиологические» звуки боли, удивления, радости и т.д.? Насколько точно их можно назвать, как написано в «Русской грамматике», «звучаниями» этих эмоций? О том, что междометие *ай* очень условно передаёт «звучание» настоящей боли, мы тоже уже говорили. Когда нестерпимо больно, мы совсем другие звуки издаём (бр-р-р, и описывать их – «больно»). А когда, извините, «стерпимо» больно, то мы и вообще никаких «физиологических» звуков не издаём. А вот если девушка говорит: «*Ай! Зачем ты меня ущипнул?*», то здесь *ай* не «физиологично», а знаково. Это знак некой эмоции, даже кокетства: ей совсем не так больно, чтобы, в прямом смысле слова, «кричать от боли».

Так что можно, пожалуй, сказать, что знаков-икон среди «как бы» звукоподражательных междометий не так-то уж и много. Большинство – это уже совсем условные, конвенциональные знаки-символы, вполне полноценные слова.

Но наши-то «звукопаразиты», наш *шмыг-пришмыг* – похож ведь на физиологический звук, издаваемый носом при насморке, очень похож, просто его копирует! Это, действительно, «звучание» насморка. Но в **данном**-то случае, т.е. в случае с А. Гудошниковым, мы знаем, что как раз насморка-то у него и **нет**! Вот так: «копия» есть – а «оригинала» нет. Странно... Нет, не «икона» этот наш *шмыг-пришмыг*.

Если верить Ч. Пирсу (а не верить ему у нас нет никаких оснований), то остался у нас только один тип знаков: символы. Их означающее не является «симптомом» означаемого и не похоже на означаемое: выбрано, что называется, «с потолка» и прикреплено к означаемому в соответствии с договором между носителями языка. И эти знаки (в классическом, так сказать, варианте) имеют структуру, которую изображает треугольник Фреге, названный по имени своего «создателя» – немецкого логика, математика, философа Фридриха Людвига Готтлоба Фреге (1848-1925). Структура знака в этом треугольнике представлена следующим образом:

Строение знака – треугольник Фреге

I. Предмет, вещь, явление действительности, в математике – число и т.д. Иное название – денотат.

II. Знак: в лингвистике, например, фонетическое слово или написанное слово, в математике – математический символ; иное название, принятое особенно в философии и математической логике, – имя.

III. Понятие о предмете, вещи. Иные названия: в лингвистике – сигнификат, в математике – смысл имени, или концепт денотата.

Илл. 9. Треугольник Фреге

Рисунок взят из книги: Ю.С. Степанов. «Семиотика». М., «Наука», 1971.

Кратко опишу этот, без всяких сомнений, «магический» для семиотиков треугольник.

I Предмет, вещь, денотат. Не путать с референтом! Денотат входит в структуру знака, референт – нет. Денотат – это «предмет», который знак может означать. Референт – это «фрагмент действительности», который знак реально означает в данном акте коммуникации. Помните наш пример со словом *стол*? У этого знака (в его структуре) есть денотат – некий конкретный предмет, который он может означать. Но когда мы используем это

слово в функции толкования (метаязыковой), референта у него нет. А когда в референтивной функции – да, есть у него референт.

II **Знак.** В нашем случае – это «физиологический» звук, изображаемый на письме «звукоподражательными» местоимениями *шмыг*, *чмок*, *мня*, *пфф* (*пфу*), а также нечто, изображаемое отглагольными существительными *взвизг* (тональный «выкрутас») и *вдох* (вдох и есть). Всё это – «материя» знака.

III **Понятие** о предмете, вещи, сигнификат (иногда – концепт). Сейчас для нас этот элемент структуры знака – «архиважный» (как сказал бы В.И. Ленин).

Во-первых, наличие или отсутствие у знаков СКЖ сигнификатов – важнейший вопрос, заботящий всех специалистов по глоттогенезу. Если несколько повернуть этот вопрос, то получится: «Есть у животных понятия или нет?!» Иначе говоря: «Есть ли в СКЖ символы?» Многие учёные отвечают на него: «Есть». Многие утверждают: «Нет». Сразу определю свою позицию по этому вопросу. Путать человеческий язык (всё же, как ни крути, «Божий дар») с СКЖ (пусть и не «яичницей», но всё же до «Божьего дара» не дотягивающей), как сказал классик, «есть тьма охотников, я не из их числа».

И поэтому полагаю... (Нет, мягче надо, мягче)... Ну, предполагаю, что символов в СКЖ нет, и нет их именно потому, что нет у животных концептов, понятий т.е. «Не по понятиям» живут «твари бессловесные». «Беспредельничают», то есть. Всё у них – рефлекторно, все – врождёнno. Не умеют конвенции заключать. Поэтому и нет в СКЖ конвенциональных знаков-символов, аналогичных нашим, человеческим, «по понятиям» образованным словам. За это, конечно, «братьев наших меньших» совсем не надо «бить по голове». Но и приписывать луговым собачкам (грызунам таким из семейства беличьих), или пчёлам, или муравьям СКЖ, обладающие такими же свойствами, что и человеческий язык, всё же тоже не следует.

А во-вторых – вернёмся к нашим физиологическим «звукопаразитам». Соответствуют ли они по структуре треугольнику Фреге? Знак («материя» знака) – есть: это нечленораздельный, «физиологический» звук (глотаения слюны, например – *мня*). А денотат? То есть некоторое физиологическое состояние – слюны текут от голода или от повышенного аппетита? Нет, нету его. А сигнификат, понятие то есть? Например: «Голод», или «Аппетит»? Нет, тоже нету... Вот те на! Вот уж самое время булгаковского Воланда процитировать. Помните? «Ну, уж это положительно интересно, – трясясь от хохота проговорил профессор, – что же это у вас, чего нехватишься, ничего нет!» *М-да.* (А может, даже: *мня-мня-мня*, *чмок-чмок-чмок*, *шмыг-шмыг-шмыг*, *пфффу-у-у*)...

Ну, уж вы, профессор, того... Ну уж так уж – не того... И у нас есть-таки кое-что. А вот что именно – скажем Вам, когда с такой вот проблемой разберемся:

Физиологические «звукопаразиты» и публичная интимность

В книге М.А. Кронгауза «Самоучитель олбанского» есть заключительная часть, озаглавленная автором так... ну очень славно: «ЗЫ». И есть в этой «ЗЫ» главка «Публичная интимность», которая, как сам автор пишет, представляет собой главу из его будущей книги – про коммуникацию. Книга такая, насколько мне известно, ещё Максимом Анисимовичем не написана, а тема, им поднятая, крайне интересна и «архиважна». Поэтому давайте к этой главке из части книги М.А. с названием «ЗЫ» (!) и обратимся (далее в тексте страницы даны по указанному в «Примечаниях» изданию).²⁴ И да простит меня Максим Анисимович (или, наоборот, похвалит) за то, что мне придётся много его цитировать. (Даже и просто потому, что на эту тему мало кто – или просто «никто» – писал).

Сначала два примера: один из русского интернета (рунета т.е.), второй – из интернета США («юэснета», что ли?).

Пример из рунета. Одна студентка в своём блоге отозвалась недружелюбно и (как мягко формулирует М.А.) «даже отчасти нецензурно» о декане своего факультета. Декан (как-то прочитав это или узнавав как-то об этом) решил, что его «публично оскорбили». И студентку отчислили из института (с. 379-380).

Пример из «юэснета». В Бруклине две банды гангстеров враждовали и даже убивали друг друга. И писали об этой войне (в том числе и об убийствах) в социальной сети. Полицейские «тоже с удовольствием читали Фейсбук и в дальнейшем использовали эти записи в качестве доказательств». В результате гангстерам «предъявили обвинения в убийствах, попытках убийства и соучастии в преступлениях» (с. 382-383).

Эти (и многие другие) примеры М.А. интерпретирует так: «Блогосфера, первоначально задуманная как интимное пространство, стала пространством социальным...» (с. 385).

И следствия из этого факта выводит: «Этот зазор между публичностью и интимностью позволяет, в частности, использовать разные коммуникативные стратегии. Например, **имея огромное количество читателей, говорить так, как будто ты их не замечаешь**» (там же; выделено мной, и это – NB! – Ю.В.).

И отмечает: «надо сказать, что многие авторы к этому зазору прекрасно приспособились и умело используют его как своего рода художественный приём» (там же).

И нашу реакцию на такое вот «явление» описывает: «Столкнувшись с публичной интимностью, то есть с интимным по сути высказыванием, существующем в публичном (то есть общедоступном) пространстве, мы ещё не знаем, как на неё реагировать: как на интимное или как на публичное (**полиция знает!**)» (с. 386; выделено мной. – Ю.В.).

И общий вывод таков: «В общем, подводя итог, скажу, что в истории человечества появились действительно новые коммуникативные условия и, как следствие, новые коммуникативные жанры. На одном из них следует повесить табличку: “Осторожно, публичная интимность!”» (там же).

Ну что же, во-первых: «Браво, Максим Анисимович!»

А во-вторых. Эти размышления М.А. Кронгауза о новом жанре коммуникации в блогосфере очень точно легли на мои наблюдения («подслушивание» и «подсматривание») за нашими «говорящими» и «видеоговорящими» СМИ. И главное – «слово найдено»! **Публичная интимность!**

И несколько моих комментариев. Конечно, публичная интимность давно вышла за пределы блогосферы, охватив разные (если не все) жанры коммуникации. Выскажу даже такое (и небезосновательное, как Читатель поймет из дальнейшего изложения) предположение: и попала-то она в блогосферу из других сфер коммуникации, связанных с нашей современной «интимно-публичной» (или «публично-интимной») жизнью.

И потом. Конечно, уже очень и очень давно не только «полиция знает», что с публичной интимностью делать. Действительно, очень и очень многие «авторы» (и писатели, и кинорежиссёры, и актёры, и работники всех видов СМИ, и специалисты по рекламе, и, само собой разумеется, блогеры, и компании тинэйджеров в метро – да и чёрт знает кто ещё) «прекрасно приспособились» к этому «зазору между публичностью и интимностью» и, действительно, используют его «как приём» (я бы не сказал – «художественный приём», потому что часто – очень даже, как говорится, «маловысокохудожественный»). И сплошь и рядом, «имея огромное количество читателей» (читай: слушателей, зрителей, «наблюдателей», да просто случайно здесь присутствующих), «говорят» (читай: ведут себя) так, «как будто они их не замечают». Ну прям такая – инвазия публичной интимности!

А теперь, вооружившись знанием о публичной интимности, опять обратимся к нашим физиологическим «звукопаразитам». Мы выяснили, что у них (как у знаков) нет ни денотата, ни референта, ни сигнификата в ожидаемом нами смысле. Но всё же что-то (как мы обещали профессору Воланду), кроме «материи» знака, у них есть. Так что же всё же есть-то?

Алексей Гудошников в утренней передаче радиостанции «Говорит Москва» признался слушателям, что у него есть «фишка» – «дышать носом». (Да ладно, «дышать носом»! Мы же слышим: *шмыгает* носом Алексей, и всё тут!). И это «*дышание*» (*шмыг* по-нашему) имеет цель: «чтобы слушатель заметил» (У Алексея: «*Вы их замечаете!*»).

Какова же **модальность** такого *шмыга* (и прочих «звукопаразитов»)? Конечно, это не объективная модальность: реальность чего-то (типа: *У меня шмыг*, насморк т.е.) или ирреальность (типа: *Если бы шмыг – а то и кхе, и чмок, и ещё Бог знает что*). Модальность здесь – субъективная (отношение

говорящего к сообщаемому: *мня какой пирожок*, или к слушающему – *ты (пфу) не прав*).

А что о языковых функциях? Какие **функции** *шмыг* и его славные соплеменники выполняют? У А. Гудошникова *шмыг* явно задействован в выполнении фатической функции. Вот один из примеров его высказываний:

(29) *Сколько человек погибло во время Первой мировой войны (шмыг), и сколько погибло от «испанки»* (см. выше).

Здесь *шмыг* – явный аналог нашего *да-фатического*, скорее его «подхлёстывающего» варианта: *да* ♣. Алексей как бы говорит этим *шмыгом*: *Эй, слушать!* Или даже: *Не спи! Замерзнешь!* И задремавший было радиослушатель подпрыгивает на диване, и ведь слушает! И Алексей потирает руки: *«Ага! Вы их (шмыги мои т.е.) замечаете!»* И если поискать, то найдем мы и разные другие функции «звукопаразитов»: эмотивную (эмоциональную) – для *чмок*; аппеллятивную – для *кхе* (которое уже, как мы писали, и не «звукопаразит» в таком, междометном словоупотреблении, а «застенчивый» аналог грубого окрика: *Эй!*). Вот только референтивной функции мы у них не найдем: не в ней «фишка» у этих... «фишек».

И о **денотатах** (в широком понимании этого термина) у «звукопаразитов» можно говорить. Это и «привлечение внимания», и «обращение», и «выражение эмоций». И много ещё чего. Вообще у них, как и у междометий, большая полисемия, многозначность то есть.

А вот об их **сигнифактах** (или, может быть, общем **сигнификате**?) давайте поговорим особо.

Интимная публичность

И опять – про «Эхо Москвы». Ну что же, как помнит Читатель, люблю я «Эхо». Правда, как Гиви помидоры. Но ведь все равно люблю...

Так вот. Речь говорящих на радиостанции «Эхо Москвы», причём как приглашённых «говорящих», так и на самой радиостанции «говорящих» работающих, начинает перенасыщаться всякими «звукопаразитами», всеми этими *шмыг*, *чмок*, *мня* (вот *кхе* – почти нет). И никаких извинений мы от обеих категорий «говорящих» при этом не слышим. Что ж, на «Эхе» сплошь невежи подобрались, хамы невоспитанные? Конечно, нет. Дело в другом. На «Эхе» культивируется (да уже и сформировалась) особая атмосфера общения, особый стиль общения выработался. И это – стиль непринужденного, раскованного, даже несколько (а получается порой очень-очень) небрежного общения, общения близких людей («своих») в неформальной обстановке, например, в обстановке застольного разговора, во время которого и причмокнуть, и мякнуть можно (*«Ах, как вкусно, слюнки текут!»*), и пришмыгнуть носом, и даже им прихрюкнуть (*«Вот, соплывлю, не обращай внимания!»*)

А фирменный «эховский» *взвизг*? Есть ли в нём какая-то небрежность, «для своих» предназначенная? Да есть, пожалуй. А некое невежливое пренебрежение к «чужим»? Дескать: *«Тебя тут вообще не стояло»*? Да тоже, пожалуй, есть. Про *да-фатическое* на «Эхе» я уже писал выше: в студии собирается компания «своих», и они ведут между собой разговоры, постоянно «ощупывая» и «оглаживая» (а может, и «подхлёстывая») друг друга этим *да-фатическим*.

И таким вот образом получается – **интимность**. Но по законам «говорящего» СМИ (в нашем случае – радиостанции) интимность-то получается – **публичная**.

И только ли на «Эхе» так происходит? Нет, конечно. Вот – радиостанция «Говорит Москва». Помните? Покойный ныне С.Л. Доренко (мир праху его) чмокнул, извинился и интимно объяснил: *Я спёр у Вягинцевой морковку. Я очень люблю морковку, но после неё трудно говорить. Крошки прилипают. В горле першит*. А Алексей Гудошников признаётся радиослушателям, зачем он *шмыгает* в эфире, и интимно разъясняет: *Для вас же! Чтобы замечали*. Чтобы, так сказать, не замерзли, заснув (ну это уж мой, конечно, но тоже интимный – для «своих» – комментарий).

И «зazor между публичностью и интимностью» все работники (ну, почти все, конечно – есть среди них и «паршивые овцы», нич-ч-чего в этом не смыслящие) «говорящих» СМИ используют как приём: иногда – «художественный», иногда – «маловысокохудожественный», иногда – топорно, иногда – виртуозно (как Сергей Леонидович, например). Но в целом, конечно, вполне сознательно, ориентируясь именно на «публичность» своих умышленных (часто – и «злоумышленных») «как бы интимных» деяний. И вот такое, преднамеренное, «как бы интимное», но заведомо публичное деяние я бы предложил именовать – **интимная публичность** (в отличие от непреднамеренной публичной интимности М.А. Кронгауза).

И вот эта-то интимная публичность и является, так сказать, коллективным сигнификатом и физиологических «звукопаразитов» (очень часто), и (зачастую) *да-фатического*, и целого комплекса других языковых средств, о которых бы стоило поговорить особо (но не здесь, конечно, да и, скорее всего, не мне...).

Вот такие **странные знаки**, получается, эти **физиологические «звукопаразиты»**: нечленораздельная, звукоподражательная, имитирующая физиологический звук «материя» знака (означающее т.е.), размытые, многочисленные денотаты, отсутствие референтов и – «один на всех» сигнификат (означаемое понятие т.е.) – интимная публичность. Прямо какие-то **символы интимной публичности**.

А теперь – моё личное мнение (в какой-то степени даже прескриптивное, т.е. предписывающее) – об интимной публичности.

Ладно, между «своими» за столом, за едой то есть, общаться можно как хочется. Не запрещается (в смысле: строго-настрого не запрещается, т.е. вплоть до уголовного преследования) традициями чмокать, мнякать, шмыгать носом и даже хрюкать – Бог с тобой, чмокай, мнякай, шмыгай, даже хрюкай. Не запрещается с набитым ртом говорить, даже чавкать, и руками есть, и руки об скатерть вытирать – да и ладно. Личное твоё/ваше дело. Но здесь-то, у телевизора, у компьютера – и слушатель-зритель, однако, есть. Ему-то зачем эту свою «полифонию» демонстрировать?! Ведь что получается? Как-то вроде так: *«Ну, “свои” всё поймут, а “чужие” – так и чхать на них!»* Нехорошо как-то, братцы, нехорошо. **Интимная публичность** – пусть. Но всё же меру-то надо знать.

P.S. Дорогие «говорящие»!

Помните:

Физиологические «звукопаразиты» – это даже и не совсем междометия, нечленораздельные, почти рефлекторные реакции организма, почти не обработанные мыслью «недознаки» с очень размытыми денотатами. Если согласиться с «теорией уф-уф», подобные «звучания» могли быть в числе «первослов» наших далёких предков.

Поэтому:

1. Не уподобляйтесь пещерным людям!

2. Не злоупотребляйте физиологическими «звукопаразитами»!

SOS! Глубокоуважаемые (и «малоглубокоуважаемые») работники «говорящих» СМИ!

Прошу вас, повесьте в своих студиях (или над своими компьютерами) табличку:

«ОСТОРОЖНО!

ИНТИМНАЯ ПУБЛИЧНОСТЬ!»

Глава IV. ЯЗЫКОВОЙ СТИЛЬ ЭПОХИ

Паразиты – кто (или что) это?

Для начала давайте определимся, кто же такие (или что же такое) эти паразиты?

В древнегреческом языке слово *parasitos* (<para – возле, рядом; sitos – хлеб, еда) называло нечто, дополнительно подаваемое на стол. Так же стали называть и помощников при исполнении религиозных культов, имевших право участвовать в общей трапезе. Парасит стал традиционным персонажем, традиционной «маской» древнегреческой комедии, особенно в период «новой» аттической комедии (IV–III вв. до н.э.). Например, в комедии Менандра (343–291 до н.э.) «Сиконец» один из героев – Ферон, обжорливый парасит с собачьими повадками, лстивый сотрапезник.¹

Из древнегреческой литературы парасит перешёл и в литературу римскую, а в латинском языке слово *parasitus* приобрело два значения: нейтральное *сотрапезник, гость* (а в словосочетании «парасит Феба» – даже *поклонник поэзии*) и осуждающее *прихлебатель, угодливый приживальщик*.²

Парасит был одним из персонажей так называемой комедии «паллиата», или «комедии греческого плаща» (от «паллий» – греческий плащ). Один из мастеров «паллиаты» Тит Макций Плавт (251–184 до н.э.) в комедии «Проделки парасита» вывел на сцену парасита Куркулиона, одного из любимых своих героев.³

Из латыни слово *parasitus* попало в европейские языки. В русский язык оно пришло из французского или немецкого в написании *паразит* со значением ‘человек, который живёт чужим трудом, тунеядец’⁴. Владимир Даль даёт этому слову ещё и такие яркие толкования: *тунеяд, чужеяд*⁵.

В биологии слово *паразит* стало термином. Им обозначают «животный или растительный организм, живущий на поверхности (*эктопаразит*) или внутри (*эндопаразит*) другого организма (хозяина) и питающийся за счет него».⁶

Кто ввёл в «обиход» языковедов выражение (вряд ли термин) «слова-паразиты», выяснить мне не удалось. А что же, все-таки оно означает? Всё ясно с параситами – героями древнегреческой новоаттической комедии и римской «комедии греческого плаща» – это «обжорливые, с собачьими повадками лстивые сотрапезники, прихлебатели, угодливые приживальщики». Малоприятные личности, одним словом. И с биологическими паразитами всё понятно: живут в нас, потребляют наши питательные вещества, грубо говоря, «хлеб наш пожирают». Чужеяды. А есть и летучие и ползучие, которые кровь нашу пьют. «Кровопийцы», одним словом. Ещё и болезнями всякими нас награждают. Малярией, например, или энцефалитом. Кошмар!

Ну, а что же слова-паразиты, они-то что творят? Ну, конечно, питаются «живыми соками» нашей речи, иссушают и даже совсем убивают её. И бо-

лезнями всякими нашу речь награждают (корявость, невразумительность, «нелепость», в конце концов). И что – всё? И ничего-то они больше нам не дают, кроме гадостей всяких? Ведь написал М.А. Кронгауз: «На смом деле (в “действительности” то есть – Ю.В.) не всё так просто, в языке ведь вообще нет ничего лишнего».⁷ Ну, кое-что лишнее и в языке можно, конечно, сыскать при желании, но в целом – верно! Язык и лишнее найдет к чему приспособить. И паразиты, как мы убедились, много каких полезных функций в языке выполняют. И что-то они нам нашёптывают, всё же. Давайте прислушаемся...

Во-первых, говорят они что-то о том человеке, который их использует? Приведу один пример. Это – фрагменты интервью со специалистом (и, похоже, хорошим специалистом), объясняющим, как мы будем оплачивать потреблённую нами электроэнергию. И вот что он говорит:

(1) *А остальное будет по социальной норме. Ну, как бы, значит, ну, понятно...*

Значит, по поводу Калининграда...

Смотрите, как бы есть такая тема...

Слушайте, ну... как бы всё зависит от площади этих батарей...

Нет, смотрите, на самом деле всё зависит от цели...

Вот, как бы если у тебя уходит на свет не семьсот рублей, а семь тысяч... («Г.М». м. 04.10.2018).

Помните, я уже цитировал И.Б. Левонтину? «Кажется, что не важно, пересыпает ли человек свою речь бесконечными *так сказать* или предпочитает *это, типа* или *как бы*. В действительности это совсем разные люди». А здесь у нас – какая палитра паразитов! Ну, как бы, значит, вот, на самом деле. Да и *смотрите, слушайте, нет* в данном случае – тоже паразиты. И сколько же перед нами разных людей?! «Нет, слушайте, ну, как бы, вот, на самом деле», не получается так просто – разные паразиты, значит, разные люди.

А помните, в интернете мы нашли: «паразиты – зеркало души». Заглянем в «зеркало души» нашего «любителя паразитов»? Попробуем. Помните? Если использует паразит *как бы* – значит, «несознательный, неопределившийся подхалим, но творческая натура», а если *на самом деле* – то «высокомерный зануда». А тут ещё *значит* (я этого «паразита» особенно не люблю: какой-то он... зудящий, что ли, как чесоточный клещ, особенно в форме *значить*) – его, как утверждает интернет, используют «агрессивные консерваторы». А если *вот* использует, то ему «разговор наскучил». И так тоже не получается. Какое-то уж слишком «кривое зеркало души» эти паразиты.

Нет, конечно, нельзя делать никаких прямых заключений о «психотипе» человека только на основании того, какое слово-паразит он предпочитает. Все, конечно, намного сложнее. Путь от «души» к слову долог и совсем не прям, как, впрочем, и путь от мысли к слову. Очень хороший специа-

лист-психолог, или психоаналитик, или, может быть, психиатр, конечно, важные выводы о человеке из его любимых слов сделать может, но так вот, сказал что-то – и сразу всю свою душу раскрыл? Нет, конечно. Не так уж много наши любимцы-паразиты о нас говорят, а иногда, смею уверить, и вообще ничего.

О «словорее–словорите–словорезни»

В моём окружении, в «ближнем круге», так сказать, два человека злоупотребляют «паразитическим» *как бы* (назову их, они, конечно, не обидятся) – это жена и брат. При этом жена честно говорит: «Да, я люблю это словечко, а что?» А брат на мой вопрос, почему в его речи всё «как бы», удивлённо ответил: «Да?! А я и не замечаю...»

И оба ответа симптоматичны. Первый свидетельствует о том, что «паразитическое» *как бы* всё же «новинка» (ну, для поколения автора уж точно, а для русского языка – тем более). Это – «веянье нашего времени». И кое-кто такое *как бы* вполне осознанно «производит», «как бы» (в хорошем смысле) отдавая дань **языковой моде**. Что такое мода в языке – не вполне понятно, но интуитивно мы все, конечно, это понимаем. А можно в этом случае говорить и о «языковом вкусе эпохи». О языковом вкусе мой старинный друг В.Г. Костомаров хорошую книгу написал как о факторе, влияющем на норму, объясняющем направление языковой эволюции. И даже слова Майи Плисецкой привел: «Красиво то, что модно».⁸ Ну, отсюда и простой вывод сделать несложно: «Если у тебя есть вкус, ты красиво будешь одеваться, а одеваться красиво – значит моде следовать». Но великая балерина в этом своём утверждении была, увы, права не совсем. Было время, когда «вкусу эпохи» соответствовали, то есть модными были малиновые пиджаки. И хоть появились они впервые в 1992 г. на «Неделе высокой моды в Париже» и «отцами» их были дизайнеры великого Версаче, красивыми на наших «новых русских» назвать их как-то язык не поворачивается. И «вкус эпохи», вообще-то говоря, может на поверку оказаться эдаким... «привкусом», что ли, и модное не всегда так уж красиво. Иногда в моде оказывается именно безобразное.

И второй ответ на мой вопрос о злоупотреблении «паразитическим» *как бы* (то есть ответ моего брата: «А я и не замечаю») тоже симптоматичен. Причем *симптоматичен* в самом прямом смысле этого слова: *как бы* в речи в этом случае – это именно **симптом** некоего заболевания, которым речь страдает, речь «как бы» более этим самым словечком *как бы*.

«Заболевание словом» – и странное выражение, и странная болезнь, не описанная ещё как следует, пожалуй, ни одним лингвистом. И как её назвать? **Словорея** (сравн.: *логорея*, она же *полифазия*, она же *речевое неддержание* – симптом патологии речи, речевое возбуждение, многословие, безудержность речевой продукции и ускорение её темпа; наблюдается при

прогрессивном параличе, сенсорной афазии, маниакальных состояниях, шизофрении⁹)? Или **словорит** (сравн.: у К.И. Чуковского *канцелярит* – по образцу колита, дифтерита, менингита – затяжной, изнурительный и трудноизлечимый недуг, который может привести речь к худосочию, склерозу и хилости¹⁰)? Или **словорезнь** (ни с чем не сравн.: автор сам «изобрел» этот неологизм по самой тривиальной модели: *слово* + *болезнь* = *словорезнь*, а *р* сюда попало – ну, для благозвучия, что ли)?

И почему вдруг некоторые слова становятся переносчиками этой болезни, «паразитами», поражая за короткое время целые возрастные группы, целые регионы, а то и почти всех носителей языка. Вроде бы самые невинные слова и почти «невинные» звуки, такие обычные, простенькие клеточки нашего языка – и вдруг, откуда ни возмись, такая ужасная раковая опухоль: «*Это (чмок) и мне (меня) как бы на самом деле (шмыг) очень (взвизг) интересно, да ♣*». Кошмар!

А потом «паразитичность» этих «паразитов» так же внезапно проходит, и они либо вообще исчезают где-то на задворках языка, в отвалах так называемой устарелой лексики, либо из энцефалитных клещей превращаются в невинных божьих коровок, занятых вполне благопристойным делом поедания тли на просторных лугах зеленой листвы. (Правда, и «невинные» божьи коровки оказываются иногда очень «кусачими», но это – другая тема.)

Вспышки, иногда эпидемии, а иногда и настоящие пандемии «словореи-словорита-словорезни» можно сравнить с разнообразными так называемыми психопатическими эпидемиями. Например, в 1266 г. из Италии по всей Европе распространилась эпидемия самобичевания, во время которой люди лупцевали себя плетью из кожаных ремней так, что кровь хлестала из их ран. В 1370 г. Италию, затем Германию, Нидерланды и другие страны охватила мания плясок, в Италии принявшая форму тарантизма: массы людей до изнеможения отплясывали зажигательную тарантеллу. Сюда же относятся пляски св. Иоанна и св. Витта. Известны и подробно описаны эпидемии конвульсионеров, во время которых женщины могли часами биться в страшных конвульсиях. Последняя судорожная эпидемия случилась в Париже уже в XVIII в., поразив большое число его жителей и как бы возвращая времена танца св. Витта. К печальным результатам приводили эпидемии колдовства и бесоодержимости, широко распространённые в Европе, особенно в XVI в., во время которых представительницы слабого пола, и преимущественно монашки, начинали повально признаваться в различного рода сношениях с дьяволом, в том числе и сексуальных. Бесоодержимые, увы, часто кончали свои дни на костре. На Руси с XVI по XIX век были распространены эпидемии кликушества, аналогичные конвульсивным эпидемиям и эпидемиям бесоодержимости. Выдающийся русский психиатр и психолог В.М. Бехтерев, посвятивший изучению психопатических эпидемий специальные работы, считал ближайшими точками для их развития **внушение, взаимовнушение и самовнушение**.¹¹

А каковы причины эпидемий «словореи-словорита-словорезни»? Я вряд ли смогу дать точный ответ на этот вопрос, но давайте всё же попытаемся этот ответ, так сказать, «нащупать».

Причины «словореи-словорита-словорезни» вряд ли мы найдём в сфере психопатологии и вообще — психиатрии (хотя истоки логореи, например, находятся именно в их ведении: она — симптом, в том числе, и шизофрении). И нейролингвисты, наверное, своего предмета тут не найдут. Понятно, что есть здесь кое-что интересное, и даже очень интересное, для психолингвистов и социолингвистов (хотя исследований этого явления у своих коллег названных специальностей я что-то не могу припомнить). Конечно, болезнь эта в форме *словорита* (наряду с *канцеляритом* К.И. Чуковского) — это вполне подходящее поле для культивирования, «вспахивания» его специальными инструментами, находящимися в арсенале специалистов в области культуры речи и вообще — «нормализаторов» языка. Будем надеяться, что языковеды, занимающиеся всеми перечисленными областями языкознания, обратят на эту самую «словорезнь» более пристальное внимание. Она ведь вполне, по моему мнению, того заслуживает. А пока просто несколько замечаний.

Во-первых. Можно ли считать причинами «словорезни», как причинами психопатических эпидемий, внушение, взаимовнушение и самовнушение? По моему мнению, можно и нужно. Ведь не секрет (многие по себе это знают, и автор тоже), что использующие обильно слова-паразиты иногда «как бы» спохватываются: «Господи, что я такое несу?!» «Внушённый», «наведённый» характер «паразитов» очень часто очевиден. Кто же (или что же) их нам внушает? Кто (или что) их на нас «наводит»?

Ответ на этот вопрос очень не прост и очень легко «скатиться» или в сферу демонологии, или в область метафизики. Проще всего сказать: «Бес путает». А все мы, таким образом, «бесноватые», одержимы неким «языковым бесом».

«И что сие значит? — может воскликнуть в недоумении Читатель. — И что, эти слова-паразиты молитвой, что ли, изгонять?!»

Автор безмолвствует...

Можно сослаться на гумбольдтианский «дух народа», выражаемый языком. Вспомним: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык». Ну, понятно. И «дух народа» — это уже не какой-то там «языковой бес». Посолиднее будет.

«Но как и зачем “дух народа” внушает нам, “наводит” на нас это самое “паразитическое” как бы? — может опять же воскликнуть в недоумении Читатель. — Что в нём “духовного”?!»

Автор опять безмолвствует...

Можно говорить, что внушают нам, «наводят» на нас «паразитов» некие масс-медийные авторитеты: блогеры там, телеведущие, журналисты, актёры и прочая, и прочая, и прочая. Человек — социальная обезьяна, и ужимки вожakov-авторитетов перенимает с готовностью и даже с удовольствием.

«Но они-то, авторитеты эти самые... хм... такие-разэдакие, они-то где этих “паразитов” берут?! – может опять же воскликнуть Читатель, и опять же в недоумении. – В шевелюрах своих запущенных разводят, что ли? (А где они у них – “запущенные” шевелюры? У всех почти – стильные причёски от модных куафёров, цирюльников то есть). Или изобретают как-то злокозненно?»

Автор, опять же, безмолвствует...

Гораздо точнее в этом случае говорить о взаимовнушении и самовнушении. Например: «Я **так** говорю». «А я **эдак** говорю». Отсюда следует (часто, но, увы, не всегда, далеко не всегда): «Ура! Давай вместе **так** и **эдак** говорить!» (Это – взаимовнушение, чаще всего, конечно, неосознанное, но иногда и сознательное.) Или: «Все **так** говорят. И я буду **так** говорить. **Так** говорить – модно». (Это – самовнушение, очень часто осознанное.)

«Хм», – удовлетворённо, как кажется, хмыкает Читатель.

И автор доволен...

Во-вторых. Есть ли у «словорезни», как и у психопатических эпидемий, причины историко-культурные (или культурно-исторические)? По моему мнению, есть, конечно. Определённые психопатические эпидемии разражались в определённое время в определённом месте в результате экзальтации определённых (культурно и исторически обусловленных!) религиозных представлений. Так же «вспыхивают» и эпидемии «словорезни»: тогда и там (в частном случае – сейчас и здесь) в условиях конкретной, культурно-специфической и исторически обусловленной ситуации.

Постмодернизм?

А как же, в каких условиях возникали и развивались все эти наши «словорезни-словореи»?

Первый этап развития «*да*»-*реи*, по-моему, связан со сферой интимного общения «своих» на той самой «кухне» былых времён, где вырабатывалось и «оттачивалось» направленное против тоталитарного «новояза» оружие стёба. И это был период «латентной», так сказать, но вполне осознающей «поражёнными» ею «*да*»-*реи*. А второй этап – этап публичного, почти «громогласного» *да*-фатического – стал временем его уже совсем практически неосознанного разгула.

Со «*звукопаразиторезню*» (фу, как плохо звучит!) дело обстоит похожим образом, но не совсем. Возникла она, конечно, тоже между «своими», в «интимном» общении (фу, тоже плохо: аллюзии всякие нехорошие лезут). Но была она, надо полагать, неосознающей «поражёнными». Ну так просто: «А, все “свои”, чего тут политес разводить, этикетки соблюдать!» А вот потом, на публичной арене, «звукопаразиты» осознаются как «художественный (маловысокохудожественный!) приём» и используются уже как такая – «фишка» интимной публичности.

И обе они – и «да»-рея, и «звукопаразиторезнь» (уф!) – связаны, с захлестнувшей (и в плохом, и в хорошем – в основном! – смысле) нашу языковую жизнь «разговорностью», конечно, и культурно, и исторически обусловленной, и – в определённом смысле – неизбежной. Поначалу – преимущественно интимной, «для своих», а потом – всеохватно публичной: «urbi et orbi» («городу и миру»)!

А теперь давайте попробуем разобраться, в какой же ситуации «вспыхнула» эпидемия «как бы»-реи (так получше звучит, а то «как бы»-резни: какой-такой резни?). Как бы сейчас будет нас интересовать в первую очередь.

Ну, во-первых, возникает, конечно, вопрос, когда эта самая «как-бы»-рея начала одолевать?

И.Б. Левонтина, например, полагает, что *как бы* «приобрело популярность, по-моему, в позднесоветский период как интеллигентское слово». ¹² М.А. Кронгауз относит его к «нашему времени», хронологические рамки не уточняя. ¹³ Н.Д. Арутюнова в 1998 г. пишет, что частица *как бы* очень популярна, отмечая при этом: «Между тем ещё несколько лет назад популярность частицы *как бы* не была столь очевидной» (с. 837). То есть Нина Давидовна относит начало «как бы»-реи, пожалуй, к началу 90-х.

Я же помню, что приблизительно в середине 90-х в одной из наших нередких бесед мой коллега и хороший старший друг (увы, из жизни уже ушедший) академик Н.И. Балашов вскользь упомянул об экспансии в литературе XX в. сослагательного наклонения. А я подхватил: «Да, да, Николай Иванович! А вот кстати – *как бы* в современном русском. Ведь это тоже сослагательность!»

К сожалению, в дальнейшем эта тема развития в наших беседах не получила. Но уже из этого мимолетного «обмена словами» можно сделать по крайней мере два вывода:

1. Уже тогда (в середине 90-х) «паразитическое» *как бы* в русском языке было очень распространено.

2. Уже тогда автор подозревал у этого *как бы* наличие «умысла» на его особую роль в языке.

А вот своеобразным апофеозом *как бы* можно, пожалуй, считать «фарс-мажорную» (по определению авторов) кинокомедию «День выборов» (2007). «Действо» её происходит в некоем «зазеркалье», где дорогуший сплав палладия (30%) и иридия (20%) с медью («в десятки раз дороже золота!») может прикинуться простецким чапельником (он же чаплинник, по В.И. Далю – «сковородник, цапальник»), портвейн – невинным «тархуном» («винодел красное от зелёного отличить не может!»), а дыммашина для создания сценических эффектов оказаться огромной общей «самокруткой» для коллективного «выкуривания» пятнадцати кг анаши («50 тонн баксов, и всё – в народ!»). Это – мир классической признаковой неопределённости, где чёрт, как мы помним, может прикинуться стулом. Это вывернутый наизнанку «как бы» мир, и неважно, что в речи персонажей комедии «паразит» *как бы* отсутствует. Ведь выстраивают, «созидают» его работники радиостан-

ции «Как бы радио», а потому он – изначально, **принципиально** «как бы мир», и если в него вводить дополнительные *как бы*, то получится у нас *как бы как бы*, то есть *на самом деле* (помните, как в одном примере выше: *как бы относительные выборы* = настоящие, «всамделишные» выборы).

Илл. 10. Кадр из кинокомедии «День выборов»
 – Э-э-э. С вами ведущие «Как бы радио» ди-джей Макс...
 – И красотка Нонна.
 (В роли ди-джея Макса – Максим Виторган.
 В роли красотки Нонны – Нонна Гришаева)

Вот так «прозвучал» наш «паразит» в этом, ну очень смешном фильме. Но «замах» у него пошире, конечно, – на **всю** нашу сегодняшнюю жизнь.

И.Б. Левонтина пишет об этом *как бы*: «Первоначально в нём была даже некоторая фронда, поскольку постоянное *как бы* означало демонстративный отказ от категоричности суждений, присущей официальным текстам. Не исключено, что мода на *как бы* тогда была связана с интересом интеллигенции к Достоевскому: известно, что *как бы* – одно из особенно любимых им слов. Потом, как это происходит со многими культурными явлениями, *как бы* опустилось в более низкие социальные слои, растеряв при этом большую часть своего содержания».¹⁴

Я бы, конечно, не связывал так уж напрямую моду на *как бы* с интересом интеллигенции к Достоевскому. И потом. Я бы и не преувеличивал роль интеллигенции в формировании этой моды вообще. И не стал бы утверждать, что теперь *как бы* «опустилось в более низкие социальные слои». Наоборот, оно охватило **все** социальные слои: «как бы-кают» все – и интеллигенция, и хозяйки ресторанов, и специалисты по электросчетчикам, и певицы, и бывшие министры. А вот что в *как бы* была (да и есть – добавлю) «некоторая фронда» – это очень тонкое замечание. И что с творчеством Достоевского оно связано (нет, не напрямую – «взяли у Достоевского модное слово») – это, по-моему, тоже верно.

М.А. Кронгауз, как мы помним, в своей книге от ответа на вопрос, что говорит «паразит» *как бы* о нашем времени, уклонился. Но проговорился в интернете: «Можно сказать, что пара слов-паразитов отражает наше осмысление реальности: “как бы” размывает реальность, “на самом деле”, наоборот, её фиксирует».¹⁵

Е.Ф. Нечаева в аннотации на свою статью, посвящённую словам-паразитам, пишет, что они «отражают коллективное бессознательное и позволяют определить сущностные особенности языкового сознания, функционирующего в соответствии с данным историческим периодом».¹⁶

Н.Д. Арутюнова в своей работе о частице *как бы* приводит целый ряд объяснений её популярности в наши дни. Так, автор заметки «Как бы на самом деле» из «Независимой газеты» объяснял частое употребление этой частицы «склонностью, возможно бессознательной, к обману или самообману» (с. 837), а критик Вл. Новиков писал на страницах журнала «Новый мир» (1998, № 1) в статье, посвящённой «нашему речевому поведению»: «КАК БЫ и НЕКИЙ – это как бы некие символы нашей культурной эпохи <...> Наше время не любит решительных глаголов и оценочно-выразительных эпитетов. Мы как бы живём некоей жизнью» (с. 837). Сама Нина Давидовна связывает употребление частицы *как бы* с неклассическими ситуациями: «Так, курицу можно назвать *как бы птицей*, а кита – *как бы рыбой*» (Там же). И печально замечает: «Жизнь, особенно в социально неупорядоченных обществах, полна неклассических ситуаций». И частицу *как бы* называет *деклассирующей* (с. 839). (Курсив Н.Д.). – Ю.В.). И, наконец, Нина Давидовна пишет: «“Как бы” становится символом не только “некоей жизни”, но и “некоего искусства”». И цитирует одного из крупнейших специалистов в области постмодернизма М.И. Шапира: «Искусство постмодернизма повсюду и нигде: это *как бы* искусство, неотличимое от *как бы* науки, возникающее в *как бы* сотворчестве всех пишущих и читающих (и говорящих – добавил бы я – Ю.В.) – это, одним словом, искусство ма г и ч е с к о г о к а к б ы» (с. 837). (Курсив и разрядка М.И. Шапира – Ю.В.).

«Ужели слово найдено»?! «Магическое», «деклассирующее» *как бы* описывает «неклассические ситуации», отражает «коллективное бессознательное», свидетельствует о «склонности к обману или самообману», «находится во фронде с действительностью», «размывает реальность» и выстраивает целый мир, в котором «мы как бы живём некоей жизнью», и имя этому миру – **ПОСТМОДЕРНИЗМ**.

А что такое постмодернизм? Это смерть Бога (Ницше), смерть субъекта (Фрейд), смерть автора. Это мир «кажимостей», мир «блужданий» и «заблуждений», «недоделанный» мир Достоевского с изъятым из него главным ориентиром, главным путеводным маяком – Христом. Мир – просто текст. Знак лишается референциальной функции отражения действительности. Текст отражает другой текст, знак отражает другой знак. Остаётся конвенциональность всего и вечная игра, как у Германа Гессе в его знаменитой «Игре в бисер» – игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей

культуры. И в языке процветает игра и «карнавализация» (ещё один термин В.Г. Костомарова), и связанный с ней гротеск, но такой гротеск, о котором Вольфганг Кайзер в своей книге «Гротескное в живописи и в литературе» писал: «Гротескное – это мир, ставший чужим»; «в гротескном речь идёт не о страхе смерти, а о страхе жизни».¹⁷

И если мы говорим о «языковом вкусе эпохи», то, по-моему, с не меньшими основаниями можем мы говорить и о **языковом стиле эпохи**. И наше дознание подтвердило, что у частицы *как бы* был «умысел» (злой, конечно). Этот «злоумышленный паразит» сыграл (и продолжает играть) не последнюю роль в формировании языкового стиля нашей эпохи, и имя этому стилю – **ПОСТМОДЕРНИЗМ**.

Эпидемия «*как бы*»-реи «вспыхнула» именно в атмосфере этого стиля, в ситуации исторически обусловленного обостренного восприятия его доминант в нашей стране. Причём и осознанное «производство» *как бы* в речи, и его неосознанное «воспроизводство» довольно легко в сознании говорящего могут контаминироваться, соединяться в совершенно для него (да и для автора тоже) бесспорное утверждение: «Стильным быть модно! Вау!» (Прости меня, Господи).

Постмодернизм, конечно, «мегастиль» нашего времени. Но только ли он «правит бал»? Разберёмся...

«Новая искренность»?

В книге М.А. Кронгауза «Самоучитель олбанского» в каждой из трех её частей есть разделчики, в которых автор «предается легкому философствованию». Жанр этих вставок Максим Анисимович назвал словами Бориса Пастернака (точнее, предполагаемыми им – Пастернаком т.е. – словами мамы Бориса Леонидовича): «Ай, философия...»¹⁸. А вот мой незабвенный учитель Наталия Юльевна Шведова в ситуациях, когда кого-то «вело» в сторону таких вот, пусть и легких, «философствований», осуждающе говорила «Ну-у-у, это уже философия». Не очень любила подобный «жанр» (как и мама Б. Пастернака, похоже).

Но нам тут, с этими «звукопаразитами», дорогая Наталия Юльевна, похоже, без «философии» не разобраться. (Конечно, можно было бы «философию» кой-чем и заменить. Ну, как народ говорит. Но! «Низ-з-зя! Ай-ай-ай»). Поэтому у нас:

Отступление философское: Про «новую искренность»

Что же такое – «новая искренность»? Чтобы долго не объяснять, приведу определение из Википедии:

Новая искренность (англ. *New Sincerity*) – термин, определяющий движение в искусстве, культуре и философии. Обычно используется для опи-

сания произведений искусства, которые отходят от принципов постмодернистской иронии и цинизма, выдвигая искренность в качестве основного мотива. Они возвращаются к темам гуманистической и экзистенциальной проблематики, сохраняя при этом некоторые черты постмодернистских произведений. Термин схож по значению с метамодернизмом и часто используется как его синоним. Термин появился в середине 80-х годов, но большое распространение получил только в 90-х благодаря американскому писателю Дэвиду Фостеру Уоллесу.

Д.Ф. Уоллес (1962–2008) не очень известен широкому российскому читателю, поэтому скажу о нём несколько слов. Жизнь писателя была не очень длинна, непроста и закончилась трагически: 12 сентября 2008 г. он повесился. Родился в профессорской семье, блестяще окончил колледж. Получил степень магистра изящных искусств. Сам преподавал в колледже. Солидно. Но! Был алкоголиком и долго от алкоголизма лечился. Страдал депрессиями – и тоже от них лечился, в том числе, как и Хемингуэй, электрошоком. Был агрессивен с женщинами, но очень любил собак. Приставал к студенткам и имел сексуальные отношения с несовершеннолетними. Влюбился в женщину на 7 лет старше него, долго её домогался, и даже хотел застрелить её мужа. А когда, наконец, она ответила ему взаимностью, был с ней крайне жесток и часто применял насилие. И в конце концов добился, что она (писательница и поэтесса Мэри Карр) посвятила ему (уже после его смерти) стихотворение «Записка о самоубийстве», в котором называет Уоллеса «одним из тех ублюдков, которые не в силах вынести маску собственных лиц». Неприглядно. Вот таким человеком был один из главных приверженцев стиля «новой искренности».

Но тысячестраничный роман Уоллеса «Бесконечная шутка» (1996) журнал «Тайм» включил в число ста лучших англоязычных романов XX в. Критики видели в нём одного из самых интересных и перспективных американских писателей конца XX – начала XXI в. Он был лауреатом многочисленных премий. Его произведения переводились на многие языки мира... Да... Вечная проблема: «гений и злодейство»...

В своих эссе Уоллес писал о том, что ирония раскрывает разницу между тем, чем вещи хотят казаться, и тем, чем они действительно являются. Но когда обман раскрыт, когда нужно найти что-то на смену ему, – тут ирония бесполезна. Тут нужна искренность. И в своём шедевре «Бесконечная шутка» писатель пытается при помощи искренности свергнуть ироническое отчуждение, создать противоядие от цинизма.

Но Уоллес совсем не призывал возвращаться к классической искренности. В одном из своих интервью он говорил (воспроизвожу по ссылкам из интернета), что такие понятия, как «моральный» и «этичный», подходили для использования во времена Достоевского или европейского романтизма, однако для тех, кто живёт в эпоху телевидения (а уж тем более – в эпоху интернета. – Ю.В.), они слишком тяжелы и неудобны. Поэтому и нужна – «новая искренность».

В Советском Союзе, а затем в России термином «новая искренность» пользовались в середине 80-х – начале 90-х годов XX в. поэт и художник Д.А. Пригов и философ М.Н. Эпштейн, который называл её также постконцептуализмом. «Новая искренность» – это антитеза нарастающей абсурдности позднесоветской и постсоветской культуры. В российском понимании «новая искренность», как правило, подчеркнуто аполитична. Д.А. Пригов писал в «Словаре терминов московской концептуальной школы» (1999), что «новая искренность» – это возвращение к лирико-исповедальному дискурсу, к проблеме человека неисклнучительного в неисклнучительном состоянии.

Единственный раз лично мне удалось поговорить с Д.А. Приговым на различные искусствоведческие и философские темы в середине первого десятилетия нашего века. Встреча наша была почти случайной, когда судьба занесла меня куда-то на окраину Москвы, в полуподвальную студию довольно известного в те годы «перформанциониста», бывшего тогда очередным мужем одной моей соученицы по МГУ. Конечно, мы, как и положено на такого рода тусовках, выпивали, и «перформанционист» грозился показать нам видео одного своего «перформанса», во время которого они реально зарезали свинью. А я, раскачиваясь на укреплённых в центре студии качелях (служивших, возможно, в иных ситуациях инструментом эротических забав, как в скандальном романе Э. Лимонова), запрещал ему это делать, провозглашая: «Как ты не понимаешь! Искусство творит реальность! Зарезав свинью, вы спровоцировали пролитие крови в нашем мире! Вспомни Чечню!» (Тогда эта аллюзия была совсем свежей.) И заявлял: «У искусства есть вечная тема и вечная цель: суть мира и помощь человеку найти в этом мире своё место!»

«Перформанционист» свой «шедевр» нам, после этих вот моих «звучаний», всё же не показал. А Пригов мне возражал: «Искусство самоценно. И художник имеет право на экспериментальное испытание реальности. И не отвечает за результаты своего эксперимента». Тогда ещё не была опубликована книга американского журналиста Джонотана Д. Фицджеральда «Not Your Mother's Morals» («Не мораль твоей мамы») (2012), в которой он написал, что творцы «новой искренности» «преподают нам уроки о самых важных аспектах жизни, об отношении к Богу, семье и родине». Увы, Дмитрий Александрович до её выхода в свет не дожил: он скончался в 2007 г.

А в нашей тогдашней полупьяной беседе ни о каких подобных вещах Д.А. Пригов не говорил. Заговорил бы сегодня? Был он хорошим поэтом и глубоким человеком. А ведь сказал кто-то (не помню – кто) о «новой искренности», к приверженцам которой Д.А. Пригов и себя причислял: «На рубеже столетий художник вновь сталкивается с проблемами человека и его места в мире (ну, прям почти как я говорил «перформанционисту»,

нет? – Ю.В.): *игра ушла, игроки остались*» (выделено мной. – Ю.В.). Может, и Дмитрий Александрович об этом заговорил бы...

К современным российским представителям «новой искренности» причисляют и Виктора Пелевина. Ну, не знаю. «Жизнь насекомых» – это «новая искренность»? Или постмодернистский стёб? Впрочем, в интернете я нашёл такое определение российской «новой искренности»: «Быть искренним по-новому – это с закрытым лицом, анонимно, снимать трусы перед незнакомыми людьми». Убийственно, не правда ли?

Надо сказать, что анонимность при таком публичном «заголении» далеко не всегда соблюдают. Ещё один пример из интернета. Некто Максим Кац, кандидат в депутаты муниципального совета Щукино, распространял среди избирателей свою предвыборную листовку, в которой искренне писал: «Это совершенно бессмысленный орган, не имеющий никаких полномочий». Но признавался, что «я никак не могу попасть во власть, кроме как через выборы», а попасть «во власть» он очень хочет, в первую очередь из карьерных соображений. Вот и просил его избрать.

Одна дама в интернете откликнулась на эту листовку так: «Пусть не даёт пустых надежд, и будет как все нормальные депутаты/кандидаты в нормальном костюме и с нормальной, привычной нам лапшой, когда и депутат и народ понимают, что это такая формальность, игра. **Депутат как бы обещает, народ как бы верит.** Так нет же, у нас тут новая искренность» (выделено мной. – Ю.В.). Вот так. Циничная постмодернистская игра для нас – более нормальна и приемлема, чем такая вот, метамодернистская «новая искренность». Ну как тут не вспомнить один из афоризмов Виктора Степановича Черномырдина (в одном из его вариантов): «Какую партию ни возьмёмся строить – всё у нас КПСС получается». Какой бы стиль мы ни проповедовали, а всё получается «безбрежный» цинизм. Дух времени, видно, такой. Стиль эпохи. То есть «метамодернизм», то есть «постконцептуализм», а проще – «**новая искренность**», па-а-анимаешь!

«Ну и что же даёт нам эта “*ай-философия*” (по маме Б. Пастернака) или “*ну-у-у-философия*” (по Н.Ю. Шведовой)?» – может раздражённо спросить Читатель (и даже может «плюнуть с отвращением» и в адрес этой «*ай-ну-философии*», да и философии вообще – «Достала!»).

Но не торопитесь, не торопитесь, дорогой Читатель. Давайте приглядимся...

Но чтобы продолжить (и завершить) наши разыскания в области «новой искренности», я не могу не обратиться к наследию С.Л. Доренко. А потому не могу не сделать ещё одно отступление (впрочем, как и обещал выше). И будет оно –

Отступление мемориальное: Про С.Л. Доренко

Илл. 11. Сергей Леонидович Доренко (1959–2019)

Я прилетел в Москву с Мальты 8-го мая 2019-го. Перелёт был утомительный, с пересадкой в Стамбуле. Я устал, принял таблетку снотворного и долго спал, проспал даже полдня 9-го мая. А когда всё же смог вытянуть себя почти что за волосы из постели и позавтракал (собственно – пообедал), то включил радио и покрутил настройку (не помню, какую станцию поймал, но не «Говорит Москва».) И услышал: «Сегодня в 18–48 в ДТП погиб (тогда так говорили. – Ю.В.) Сергей Леонидович Доренко». И почему-то этому сообщению не поверил. И долго почему-то в это не верил. Но факт есть факт: Сергей Леонидович ушёл из жизни. И из моей жизни – тоже ушёл...

Я, как и вся страна, запомнил Доренко по его знаменитым, вошедшим уже в классику тележурналистики авторским программам 1999-го года. В программах этих он «вгонял в гроб» перед выборами в Думу «блок Лужкова – Примакова». «Пятнадцать серебряных пуль» – так их называли. Чёрный костюм. Белая рубашка. Строгий галстук. Бесстрастное, совсем без мимики лица. Маска. Очки. За ними – неподвижные, почти немигающие глаза. В упор глядящие на тебя. И низкий, монотонный голос. Да... Это было сильнее Кашиповского.

А отталкивающие кадры хирургической операции на тазобедренном суставе – как их можно было забыть? Кровь. Мясо. Дрели. Молотки. Мурашки по коже. Про операцию – это был обман. Но президентские амбиции Евгения Максимовича Примакова были убиты.

Киллер? Да, киллер. И, как и положено киллеру: «Ничего личного».

А потом была передача про «Курск». Доренко говорил, что его пронзила трагедия матерей и жён погибших подводников. Что его, сына офицера, взорвало наплевательское, по его мнению, отношение власти к судьбам офицеров. Верить ли ему? Я – верю. После этой передачи наступил конец. «Телекиллер» Сергей Доренко сам был убит.

И для этого не понадобилось ни серебряных, ни свинцовых, ни пятнадцати, ни одной пули. «Телекиллера» «убрали» тихо...

Доренко называли: «дубинка Березовского». Но вот что он как-то сказал о журналистах: «Журналист в принципе – цзян ху в древнем Китае, внесловный элемент. Журналисты, актёры, бандиты – люди рек и озёр. Они не приписаны ни к чему, ни к какому месту. Они не платят налогов, они не несут повинностей, но зато любой может их убить, потому что они никто. Как может политик, визирь связаться с цзян ху? Не может никогда, это глупость!» И ещё, о себе: «Я китайщиной уже начал заниматься и уже выбрал себе: я – Сюань-у, тёмный воин. Он приходит всегда один, всегда ночью, всегда с севера, всегда убивает, всегда уходит на север до рассвета. Я один!» Да... И я ему опять верю. И какая уж тот «дубинка Березовского»...

Да, Доренко был циником. Он сам говорил: *«Я пытался быть циничным. И, по-моему, мне это удавалось»*. И ведь когда это сказано? **05.04.2019**. Чуть больше, чем за месяц до смерти! Почти предсмертное признание. Но говорил он и вот что: *«Я пр-р-ишёл вам дать счастье стр-р-радания»* (31.05.2018). Ёрничал? Он был и печальным человеком, и страдающим. Может быть, страдающим циником. Поэтому Сергей Леонидович и заканчивал часто свои передачи, посвящённые каким-нибудь совсем мрачным, даже нелепо мрачным сюжетам, своим злым, издевательским, но таким грустным, просто тоскливым: *«Россия. Век XXI-ый»*. Он мог быть киллером – мог не быть киллером. Он мог быть циничным – мог не быть циничным. Он мог быть даже трогательным. Как он говорил это своё коронное: *«Ну пра-а-а-а-а»*. Хотелось броситься его утешать...

Умер он, как хотел бы, наверное, умереть. На своём любимом мотоцикле... На скорости... В День Победы... От разрыва аорты... «Так пой же на разрыв аорты...» Мне не хватает его...

Но нет. Оказалось: «весь он не умер». Вот 06.08.2019-го А. Гудошников рассказал в своей программе:

Ещё 18-го декабря 2018-го Доренко в «Подъёме» говорил о методах дрессировщика Запашного. И называл этого «выдающегося дрессировщика» (слова Доренко) «звероубийцей». А про тигра, которого Запашный дал потрогать Сергею Леонидовичу, он сказал (в передаче А. Гудошникова): «Тигр пластилиновый. Он обдолбанный совершенно! У меня было в руке обдолбанное животное!» И был массовый возврат в цирк Запашного купленных билетов после этой программы. И доходы цирка упали в первом квартале 2019-го. Ущерб составил 17 906 тыс. руб. («Смешная цифра для цирка», – ёрничал Гудошников). И цирк Запашного подал иск в суд на

Доренко (покойного!), требуя возместить 10 млн руб. И Гудошников сказал: *«Шеф силён. С каким человеком нам пришлось работать. Страшный человек!»*

Но один радиослушатель позвонил в эфир и заявил, что там ведь был какой-то скандал у Усманова с Запашным, и получалось, что Доренко опять выступил киллером, теперь не теле-, а радиокиллером. И опять по чьему-то заказу. Уже не Березовского (давно ушедшего – и страшно ушедшего – из жизни), а – Усманова. Да знаете, я даже и разбираться не хочу, был заказ Усманова или нет. Если и был – что ж, Сергею Леонидовичу тоже есть-пить надо было, и жену, и детей кормить, и бензин покупать, и майки свои любимые. Но Запашного-то он... ну, «замочил в сортире» (интересно, должен я извиниться за эти слова?), уверен, – от всей души. И правильно сделал.

Я не люблю Невзорова. Нет, не совсем так. Я люблю Невзорова, как и «Эхо Москвы» в целом, то есть как Гиви помидоры: «Кушать (читай: слушать) – да, а так – НЭТ!» И языку его – вернее, его устной речи на русском языке – отдаю должное. Она и яркая, и образная, и не без юмора. Правда, зачастую такого... скатологического юмора¹⁹. Да... Ну что ж, надо признать, что и Сергей Леонидович этого «регистра языка» не чурался. Зато Александр Глебович не «дакает», не причмокивает, не пришмыгивает, не мнякает, не взвизгивает. Вообще говорит «как по писанному». (А может, и правда по писанному? Ну нет, вряд ли...). Но вот 07.08.2019-го что он сказал в передаче «Невзоровские среды» про Сергея Леонидовича: «На надгробной доске Доренко можно было бы начертать иск цирка Запашного к нему. И это была бы высшая оценка труда журналиста». И тут я с Невзоровым согласен полностью (чего обычно не бывает). Я согласен.

Сергей Леонидович не один раз говорил о своем... ну, жизненном кредо, что ли, в критических ситуациях. Звучит это так: **«Сделать нельзя. Не сделать нельзя. Обсуждать невозможно»**. И его вывод: **«Значит – делай!»** Вот так, он полагал, надо вести себя в тех случаях, когда, может быть, решается твоя судьба. В точках бифуркации: потом – **«Или пан, или пропал!»** И он, похоже, так в жизни и поступал. По-моему, это очень трудно. Но, наверное, так и надо...

И вот ещё какой хочу я отметить вклад Сергея Леонидовича в русский язык (по крайней мере – в **мой** русский язык). Я много писал в своё время об использовании в русском языке редуцированных (удвоенных т.е.) форм прилагательных типа *умный-умный, холодный-холодный* и т.п. И даже спорил по этому поводу с очень известным польским и австралийским лингвистом, иностранным членом нашей Академии, Анной Вежицкой. Я считал, что редуцированные прилагательные в русском языке обозначают очень высокую или предельную степень признака, вызывающую у говорящего какие-либо эмоции (*чёрный-чёрный* = 'о-о-очень чёрный'). Анна Вежицкая же полагала, что они (как и в итальянском языке) свидетельствуют об отсутствии преувеличения, достоверности утверждения (*чёрный-чёрный* = 'именно, действительно, в буквальном смысле, без преувеличения чёрный').

Но Доренко поколебал мои взгляды на этот предмет (и, похоже, подтвердил выводы А. Вежбицкой). Вот что я зафиксировал в его речи:

(2) *Почему вы решили, что это американцы-американцы?* («Г.М». 26.02.2019).

Вот и ещё ярче вариант:

(3) *Они балбесы-прибалбесы* («Г.М». 10.04.2019).

А уже после ухода из жизни Сергея Леонидовича встретил и в речи его ученика А. Гудошникова то же самое почти:

(4) *Мы прям Россия-Россия. Совсем Россия!* («Г.М». 21.06.2019).

И в тот же день услышал похожее из уст дамы «бальзаковского возраста», разговаривавшей с кем-то по мобильнику у входа в метро, и торопливо записал её слова на каком-то клочке бумаги («Не забыть бы!»):

(5) *Прям пожар-пожар, что ли?* (ж. 21.06.2019).

А совсем недавно в речи А. Гудошникова опять зафиксировал:

(6) *Они так, белорусы-белорусы* («Г.М». 09.09.2019).

У Доренко – *американцы-американцы*, у Гудошникова – *белорусы-белорусы*. Похоже, да?

Вот так. И, конечно, во всех этих примерах редупликация имеет значение «именно, буквально, действительно». А. Гудошников, может быть, взял такую вот форму выражения у своего учителя. А где взял её Доренко? Может, из испанского или португальского, в которых, как и в итальянском, подобные формы с подобными значениями имеют место? Или сам «изобрёл» (что вряд ли)? А у дамы – я не случайно подчеркнул её возраст (что, конечно, не очень прилично): не у юной девы, склонной «обезьянничать» с иностранных языков, да и вообще (с «внешней стороны», по крайней мере), ни итальянского, ни испанского, ни, тем более, португальского не знающей? У неё этот *пожар-пожар* откуда? Думаю, не от Доренко или Гудошникова.

Предполагаю: в русском языке уже есть (возникла естественно или была заимствована – не берусь утверждать) редупликация существительных, выражающая (как и в итальянском) значение отсутствия преувеличения, буквальности утверждения.

И в подтверждение этого своего предположения приведу такой пример:

(7) *Болтон был Ястреб Ястреб с большой буквы. Ну, можно два раза поставить это слово* (ТВЦ. Ведущий передачи «Право знать!» Д. Куликов. 14.09.2019).

Дмитрий Куликов своим хрипловатым голосом объяснил, что он осознанно «два раза поставил это слово» (удвоил его, т. е.), чувствуя, что этот «языковой приём» – всё же ещё не полностью «легитимизированное» грамматикой построение. Ну, а значение этого «два раза поставленного слова», конечно, – самый настоящий ястреб. И уж тем более – этого слова «с большой буквы». Ведь так пишутся имена или клички – Большой Змей, например. И если Болтон – Ястреб, значит, он «прямо как ястреб», т. е. самый настоящий ястреб.

Есть, наверное, и такое же употребление удвоенных прилагательных. Просто мне они пока не попались «в уши», так сказать. Но, уверен, попадутся рано или поздно (скорее – рано).

Таким вот образом С.Л. Доренко «навёл» меня на некоторую (может быть, совсем и не незначительную) новацию в синтаксисе современного русского языка. И я ему за это очень благодарен.

Завершаю своё затянувшееся мемориальное отступление (но ведь его виновник того заслуживает, заслужил то есть) таким мысленным обращением:

«Сергей Леонидович! Не знаю, слышите ли Вы нас там, где Вы сейчас, “может быть, летите, в звёзды врезываясь”. Но всё равно хочу Вам сказать, что на Вашей родной радиостанции и сегодня звучит Ваш рыкающий голос: “Говор-р-р-рит Москва!” И потом: “Слушать, думать, знать – пр-р-р-равильные глаголы!” Но, но, но... Кого же слушать?»...

С.Л. Доренко выражался иногда... ну очень «неполиткорректно». Но вот однажды я от него услышал... Вот такое услышал:

(8) (Издаёт звук отрывки) *Простите меня, пожалуйста. Я ел творог. Я съел две ложки творога. Почему такая отрывка?* (25.10.2018).

Помните? За *кхе-кхе* в эфире Сергей Леонидович извинился (а за *оффигенно* – нет) – пример (6) из главы III. За *чмок* в эфире тоже извинился и даже так, интимно и искренне (не без просторечья, правда) объяснил, откуда этот *чмок* – пример (16) из главы III. А здесь? Издал звук, для которого мы с вами «звукоподражательного» глагольного междометия не придумали. Да и как это физиологическое «звучание» изобразить на письме? Ведь здесь сплошь (как пишет «Русская грамматика») – «редкие или даже необычные для русского языка звуки и звукосочетания». Но зато не просто извинился, а прощения попросил. И опять объяснил, так, по-свойски, *интимно* и совершенно *искренне* объяснил, почему этот «непередаваемый» (не передаваемый буквами т.е.) звук, это физиологическое «звучание» возникло. И получилась в результате – интимная публичность. И она же в нашем случае – «новая искренность».

На радиостанции «Говорит Москва» этот «интимно-искренний» опыт С.Л. Доренко не остался невостребованным. Им воспользовался, как и следовало ожидать, прилежный ученик «шефа» А. Гудошников. И вот как:

(9) *Я тут яблоко ем шикарное... М-м-м-а! А-а-а! Как хорошо без польских яблочек!* (02.09.2019).

Алексей издаёт звук не такой, «чисто» физиологический, даже отчасти непристойный звук отрывки, ещё даже не имеющий буквенного обозначения, какой вырвался у «шефа». У Алексея – вполне благопристойные, сублимированные, но тоже пока не общепринятые «звучания», имитирующие физиологические звуки. Это не наши *чмок* и *мня*, уже узуальные (обычные т.е.) знаки «глотания слюны», а некие окказиональные («разовые» т.е.): *М-м-ма! А-а-а!* – «Вкусно!» Знаки эти – иконичны (ну, до определённой степени) и – «интимно публичны», и – «новоискренни».

А вот, развивая, так сказать, заданную тему, но уже несколько в ином ключе, внося некий элемент импровизации, вещает на всю страну ещё один ведущий программ на «Говорит Москва»:

(10) *Вот что со мной произошло. Я выпил таблетку. «Нурофен». И она прилипла в гортани. Тяжело говорить* (м. 27.08.2019).

Ну как не вспомнить морковку, которую Доренко «спёр у Звягинцевой»: *«после неё трудно говорить. Крошки прилипают. В горле першит»*. А ведь после этих слов Сергея Леонидовича прошёл почти год (11 месяцев, точнее).

И потом в эфире идёт долгое обсуждение (целых несколько минут – это для радио, для прямого эфира очень немало) «беды» ведущего. *«Видно, зашла плохо, а если бы не зашла – задохнулись бы»*, – комментирует один радиослушатель. *«Проглотить кусочек хлеба»*, – советует другой. *«Большим объёмом воды запивать»*, – рекомендует третий. *«Линейкой пропихнуть»*, – ёрничает четвертый. А последний (знаток, видать) ставит категоричный диагноз: *«Это спазм»*. И ведущий делает малоутешительный для себя вывод:

(11) *Таким образом, у меня спазмировало глотку.*

Вот такая, повторяя словцо А. Гудошникова, «фишка» на радиостанции «Говорит Москва» сформировалась: рассказывать, что ты сейчас ешь, в эфире прямо, или делиться своими ощущениями после того, как ты что-то съел (проглотил). И всё это – конечно, с подачи Сергея Леонидовича. Его школа, ничего не скажешь. И это – школа **интимной публичности** и **новой искренности**.

Я уже цитировал выше, в связи с «паразитом» *как бы*, такие слова Н.Д. Арутюновой: «Не случайно показатели неопределённости иногда классифицируются как речевой мусор. С ними борются блюстители культуры речи. Их избегают хорошие стилисты». То же Нина Давидовна могла бы сказать и вообще обо всех «паразитах», а уж о наших физиологических «звукopазитах» – тем более. Да, конечно, это – «речевой мусор». Да – помехи, шум в «канале связи», в языке то есть нашем. Но вот А. Гудошников объяснил нам, что этот «мусор» в речи радиожурналиста пусть избыточен, но не случаен, пусть «паразитичен», но «преднамерен». У этих, как он сказал, «фишек» есть цель – привлечь внимание радиослушателя. А я добавлю: и сформировать атмосферу «интимной искренности». Но почему на роль «фишек» избираются такие – неряшливые, почти физиологичные звуки? Такая «дрянь», сказал бы гоголевский майор Ковалёв? А не некие изысканные... ну, назовём их тоже «фишки»? Например, интонации «старомхатовские»? Пусть даже *м-м-м* глубокомысленное (а не *причмоки, пришмыги, мянки* нехорошие)? Или там разные *милочка, голубчик, уважаемый, милейший*?

И в ответе на этот вопрос последнее слово для меня сказал, последнюю жирную точку поставил тоже С.Л. Доренко. И точка эта была... малосимпатична. Комментируя разные деланные *кхе-кхе*, Сергей Леонидович, обращаясь к даме – своей соведущей, выразился так:

(12) *Ты знаешь, когда пугаешь случайно, то покашиваешь, чтобы скрыть это. Я, когда пугаю дома, то покашливаю, чтобы скрыть это от нянечки* (23.03.2019).

Да-а-а... Только этого звука нам и не хватало, чтобы довершить гамму «звукопаразитов». И не предел ли это «интимной искренности»?

Нет, конечно, не предел. На той же радиостанции «Говорит Москва» один «говорящий» так вот «прозвучал»:

(13) *Вот я сейчас посмотрю, что они сделали. Пф-ф-ф-ф* (имитирует практически, извините, звук «пука») («Г.М.» м. 22.06.2019).

М-да... Вот такая вот «новая искренность». Прямо почти как в той цитате из интернета, которую я выше приводил: «снять трусы публично». И совсем не анонимно. Ну, прямо как тот, уже тоже мною упоминавшийся, «кандидат в депутаты» Максим Кац. И прямо лозунг такой можно было бы приписать этому «говорящему»: «Заголяйся, как Кац!»

А вот «звукоподражает» А. Гудошников, и очень так... «мощно»:

(14) *Мы им своей земли не дадим! Пф-ф-ф-ф-ф! Всё* («Г.М.». 23.09.2019).

Ох, Алексей, Алексей, ну неужели же вы не понимаете, чему так звучно «звукоподражаете»?..

Я уже писал о своем опыте публичных выступлений и отмечал, что когда-то публично кхекать, чмокать, шмыгать носом, а уж тем более хрюкать, путаясь в соплях, а **уж тем более** – имитировать эти... хм... было неприлично. Неужели всё так поменялось и сейчас это совсем иначе воспринимается слушающими? Кхекнул – молодец! Пришмыгнул – отлично! А уж если сопли в себя втянул с шумом или, **тем более**, симитировал этот... хм... – красавчик просто (или даже крОсавЧЕГ). Господи, неужели дожили-таки до такой аж искренности?! И я даже и предполагать не хочу, какие звуки (и уже совсем не «имитированные», а «чисто искренние») заполнят нашу публичную речь (на радио, телевидении, в интернете, с парламентской трибуны, в конце концов!), если возобладает вот такая циничная, «стебушная» по сути «новая искренность».

И ещё одну «малоаппетитную» тему вынужден затронуть. На той же радиостанции «Говорит Москва» дама (бывшая, кстати, соведущей Доренко) сказала:

(15) *Оказывается, вот что надо делать, когда идёшь «на дальняк»* («Г.М.». 03.09.2019).

(Если кто не понял, «на дальняк» – это «по большому»).

А потом дама (!) пару минут рассказывает, что кто-то ей поведал, что для того, чтобы **это** «не пахло» («не пахло» – это слова дамы, точный глагол всё же не употребила), надо пить воду после, а не во время еды. У-ф-ф-ф. Такая вот «темочка» показалась интересной даме (!).

Есть культуры (в том числе и очень высокоразвитые), носителям которых не запрещено за столом... издавать звуки отрывки (так выразимся). И более того, вот в Южной Корее, например, насколько мне известно (в том числе и из моего личного, небольшого, правда, опыта жизни в этой стране),

издать такой звук после «сытного обеда» – это что-то вроде комплимента хозяину (нет, не хозяйке всё же – в Южной Корее, особенно среди старших поколений, феминизм ещё далеко не в чести). Мол: «Уф, наелся, и вку-у-усно всё! Спасибо!»

А есть культуры (ну, может, и не так высоко развитые), носителям которых, исходя из сложившихся традиций, даже публично и шумно «пускать газы» не запрещается. Есть и в рамках нашей, родной культуры такие страты. И в них – «интимность» всегда «публичная» (в пределах страты, конечно), а «искренность» – совсем не «новая» (в тех же пределах). Одна из них – определённо контркультурная. Это тюремная «зона». Там не бывал, не могу ничего рассказать. Вторая страта, может быть, и не контр-, но уж определённо субкультурная. Это – армия, точнее – армейская казарма, где в тесном, замкнутом мирке обитают сотни молодых парней, где процветают, само собой, мат, скабрёзные шутки на сексуальные темы и – естественно – публичное «пускание ветров». И даже соответствующий «казарменный», скатологический по сути фольклор вокруг этого «действия» сложился – то ли в виде лексических фразеологизмов, то ли даже в виде небольших театрализованных, совсем «карнавальных» (в понимании М.М. Бахтина) сценок. Знаком этот фольклор мне не понаслышке. Тоже «тянул срочную», знаете ли (пусть и в погранвойсках – там, под мощной дланью КГБ, всё же поостроже было, попристойнее). Приведу несколько примеров такого казарменного юмора.

Зубок дёрнуть (издать соответствующий звук).

Палец вывихнул, дёрни-ка! (и если «салага» дёрнет – издать соответствующий звук).

Полетел, лови! (следует за соответствующим звуком).

Вот такой юмор (*ха-ха-ха*). Было так, правда, почти полвека назад, но почему-то я не думаю, что атмосфера (даже и в прямом смысле) в армейской казарме радикально изменилась. Вряд ли.

И вот такой, субкультурный или даже контркультурный стиль сегодня процветает в наших «говорящих» СМИ. Такая вот «новая искренность» расцвела пышным цветом. Если вспомнить скандальный роман Э. Лимонова «Это я – Эдичка», то такую искренность можно было бы назвать – «**эдичкина искренность**». И что, разве это хорошо для нашей культуры?..

Как я уже писал выше, размышления М.А. Кронгауза по поводу публичной интимности точно легли на мои наблюдения над разной... «дрянью» в «говорящих» СМИ. Эксплицирую («делаю видимым» т.е.), каким именно образом. Я ко времени прочтения соответствующего места в книге М.А. уже сделал определённый вывод о связи происходящих в языке СМИ процессов с феноменом «новой искренности». И термин М.А. очень хорошо «ложился» в уже сформированную мною концепцию, и в результате выстроилась такая последовательность («триада»): «**публичная интимность** (у М.А. Кронгауза) → «**интимная публичность**» (у автора) → «**новая искрен-**

ность» (у Д.Ф. Уоллеса и Д.Д. Фицджеральда, М.Н. Эпштейна и Д.А. Пригова, и у автора, а скорее – в нашей «метамодернистской» жизни).

Причем выстраивал я эту последовательность-«триаду» методом дедукции. «Ну Шерлок Холмс прям!» – иронично отметит Читатель. Правда, незабвенный Шерлок (а особенно в исполнении неподражаемого В.Б. Ливанова) пользовался обоими методами логики: и индукцией (т.е. «от частного – к общему»), и дедукцией (т.е. «от общего – к частному»). Как кто-то удачно выразился: «Индукция давала ему пищу для размышлений, в то время как дедукция давала ответ». И у автора, пожалуй, было так же. (Пardon, pardon за сравнение себя, многогрешного, с гениальным Шерлоком Холмсом, но ведь всё же так и было у автора).

Я вёл свои «подслушивания» и «подглядывания», «пищу для размышлений» накапливал, но всё никак не мог уловить чего-то общего во всей этой... «пище». И тут, знаете ли, **вдруг** – «**в музыке послышалось!**»! (Ну как у Холмса с его «пиликаньем» на скрипке). Я вспомнил по какому-то поводу разговор с Д.А. Приговым в полуподвальной студии «перформанциониста»-свинореза, перешёл незаметно к размышлениям о «новой искренности» – и меня... ну, пусть уж... осенило. И уже из неё, из этой нашей отечественной, не по Уоллесу и Фицджеральду, а по Максиму Кацу «искренности», которой я присвоил титул «эдичкиной искренности», легко «проистекли» и все эти «звукопаразиты». И много чего ещё «проистекло». И я сделал такой вывод (небесспорный, конечно).

Некий «стиль эпохи» – а именно «новая (эдичкина) искренность» – породил «публичную интимность», естественным образом перетекающую и в блогосферу, и, конечно, в «говорящие» СМИ, породив при этом «интимную публичность». Так вот (по-моему). И мою «триаду» следовало бы (если придерживаться генетического принципа) так выстроить (то же велит и дедукция):

«Новая (эдичкина) искренность» (стиль эпохи) → «публичная интимность» (стиль общения его «носителей») → «интимная публичность» (стиль «говорящих» СМИ)

«Ну-у-у, индукция-дедукция, “триады” какие-то. Занесло автора, – может сказать скептически настроенный Читатель. – А сами-то работники “говорящих” СМИ знают что-то про эту “новую искренность”?!» Да знают, Читатель, знают. Вот такой кусочек диалога приведу:

(16) А. Плющев: *А что хорошего в стеснении?!*

Т. Фельгенгауэр: *А, ты за новую искренность.* («Э.М». 05.11.2019).

А. Плющев, конечно, ёрничает. Но Т. Фельгенгауэр сразу (и совершенно точно!) определяет, что речь идёт о **новой искренности без стеснения**. То есть о том, что я и назвал «**эдичкиной искренностью**». И, как видите, совсем её не осуждает...

Как-то так получается. А вот как сама «новая (в том числе и наша «родная» – «эдичкина») искренность» возникла, что её-то «породило» – это уже вопрос философский (или *ай-ну-философский*). И ответ на него Читателю придётся ждать до «Философского» эпилога.

Языковой стиль эпохи и «Дом бытия» (На правах теоретического отступления)

Языковой стиль эпохи – ну, вроде, слова все понятны. И всё же давайте попытаемся уяснить, уважаемый Читатель, что мы будем иметь в виду, их произнося. Поконкретнее. И для этого, конечно, обратимся к незаменимому в подобных случаях справочному изданию – «Лингвистическому энциклопедическому словарю». ²⁰ А в нашем случае это получается и очень удачно: статья, толкующая интересующий нас «объект», написана академиком Ю.С. Степановым, и где найдем мы «толкователя» лучше?

Юрий Сергеевич приводит целых пять значений термина **СТИЛЬ** в языкознании. Но нас (в связи с нашей темой) будет интересовать одно – пятое. Вот оно (принятые в словаре сокращения раскрыты):

«**СТИЛЬ** (от лат. *stilus, stylus* – остроконечная палочка для письма, манера письма) 5) то же, что языковая парадигма эпохи, состояние языка в стилевом отношении в данную эпоху (с. 494).

Юрий Сергеевич отмечает:

«Несмотря на различия приведённых пяти пониманий стиля, в каждом из них присутствует основной общий инвариантный признак: стиль всегда характеризуется принципом отбора и комбинации наличных языковых средств, их трансформаций; различия стилей определяются различиями этих принципов» (там же) (разрядка Ю.С. – Ю.В.).

И, наконец, последняя, некороткая, но очень важная для нас цитата:

«В 50–70 гг. 20 в., в связи с развитием истории науки, истории человеческого познания, было сформулировано общее для науки, искусства и языка понятие стиля как “стиля мышления, миропонимания”. В этом значении используются разные термины: “эпохэ” (М.П. Фуко), “письмо” (применительно к художественной литературе, Р. Барт), “парадигма” (применительно к науке и научному стилю, Т. Кун). Но наиболее общим и удачным термином и здесь остаётся “стиль”, в соответствии с определением М. Борна (1953): “... существуют... общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определённые философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в этом числе и в науке... Стили мышления – стили не только в искусстве, но и в науке”» (с. 495).

Так вот, уважаемый читатель. Помните, если Вы представитель не гуманитарных (т.е., как шутят не гуманитарии – противоестественных) наук, а именно естественных (т.е., как шутим мы, обществоведы-гуманитарии – антиобщественных), что и в Вашей науке тоже есть стиль, он же – парадиг-

ма (ну, к понятию «научная парадигма» все уже попривыкли, не ощущая, правда, зачастую его родства с теми, почти «лженаучными вещами», которыми занимаются «презренные противоестественники»).

Итак, языковой стиль эпохи (он же – языковая парадигма эпохи) характеризуется:

Во-первых, тем, что стиль отбирает из «наличных» языковых средств. Например, отобрал из наличных показателей неопределённости семантический оператор *как бы*, даже в «паразита» его превратил – стиль эпохи!

Во-вторых, тем, как стиль комбинирует отобранные (из «наличных») языковые средства. Например, отобрал модальную частицу *да* и стал необычно комбинировать её с другими языковыми средствами: не в начало высказывания её ставить, как при ответе положено (– *Ты в кино идёшь?* – *Да* ♣, *в кино*), или, наоборот, в конец, как надо при вопросе (*Ты в кино идёшь, да* ♠?), а суёт её, окаянную, куда ни попадя (*Я, да* ♠, *в кино, да* ♣, *иду, да* ♠?) – стиль эпохи!

В-третьих, тем, как стиль отобранные (из «наличных») языковые средства трансформирует. И вот тут мы со своими физиологическими «звукopазитами» попадаем в крайне любопытную ситуацию. Ведь мы с Вами, уважаемый Читатель, много говорили выше, что симптомы простуды (кашель), или насморка (шмыгание носом), или выделения и глотания слюны (мняканье) – это как раз хоть и «наличные», конечно, но совсем **не** языковые средства! И вот их-то, эти индексы-симптомы наших «чисто» физиологических состояний, стиль берёт – и магическим неким образом трансформирует в стопроцентно «средства языковые» – в знаки-символы интимной публичности! (Ну помните, как А. Гудошников «трансформировал» вдыхание воздуха носом – а по-нашему, так *шмыг* – в свою – уже языковую! – «фишку» с вполне конкретным значением: «чтоб вы внимание на неё обращали»). Да, воистину – «эпохально»!

У древнеримского философа-стоика и писателя Люция Аннея Сенеки (нач. I в. – 65 г. н.э.), учителя Нерона (им же принужденного к самоубийству) есть дошедшее до нас в отрывках произведение «Отыквление». Это – сатира на «обожествление» императора Клавдия, глупого, по мнению Сенеки, человека, не в бога превращающегося, а в тыкву – символ глупости. У нас же, наоборот, языковой стиль эпохи возводит всякие физиологические «звучания» в высокий ранг «языковых средств». Происходит их «**оязыковление**»! И это – удивительно.

А вот что совсем не удивительно, так это то, что я вывожу некие «признаки» языкового стиля эпохи из всякой «паразитической» чепухи. Вспомним Д. Эверетта: в языке и эта чепуха, наравне и с более «солидными» языковыми средствами, работает **синергетически**. И я даже предположу, что если бы в наше время «переехал» на некой машине времени россиянин конца, например, века XIX-го, то он всенепременно заметил бы, как мы много «какбыкаем», «дакаем», чмокаем, шмыгаем и мнякаем (слава Богу – пока хоть не... хм... того). И сказал бы, наверное, как гоголевский майор Ковалёв: «Чёрт знает что, какая дрянь!» И плюнул бы «с отвращением». А мы,

вроде, и не замечаем (ну, почти) этой «дряни». И то, что мы её «как бы» и не замечаем – верный признак того, что именно она – «симптом-индекс» языкового стиля эпохи.

И вот ещё какой вопрос естественно должен возникнуть (а у меня так уже давно возник, и я на него долго искал ответ, но, конечно, Вам решать – нашёл ли): какие уровни языка (его глубины, высоты, «широты» и «долготы») охватывает языковой стиль эпохи? Или, иначе, на каких уровнях языка он проявляется?

Я поступлю, как гоголевская «птица-тройка». Помните? «Не даёт ответа». Вот и я, в ответ на мной же поставленный вопрос, ничего не скажу. А задам ещё один вопрос, ну совсем уж «метафизический»: «В чём суть языка?» И даже попытаюсь на него ответить, в двух пунктах, тезисно. (А более подробно Читатель может об этом прочесть в моей книге «Слова и время». М.: Наука. 2019; там даже раздел такой есть: «О сущности языка»; ниже я указываю страницы по этому изданию). Итак:

1. В.И. Ленин (а вслед за ним и И.В. Сталин) полагал: «Язык есть важнейшее средство (у Сталина – “орудие”) человеческого (у Сталина – “общества как целого”) общения» (с. 17–18). Осовременивая ленинскую (и сталинскую) терминологию, скажем так: «суть языка в обеспечении коммуникации между людьми». И такой взгляд на его суть сегодня преобладает.

Из подобной трактовки «предназначенности» человеческого языка проистекает одно важное следствие. Обращусь опять к Д. Эверетту:

«Однако, если коммуникация – базовая функция языка, тогда человеческий язык не так сильно отличается от коммуникации других существ, как предполагают многие философы и нейроучёные. Всё-таки коммуникация распространена во всём животном царстве. Просто люди – лучшие коммуникаторы, но никак не единственные (разрядка моя – Ю.В.). Именно в этом качестве и заключается отличительная особенность человеческих языков».²¹

Исходя из подобной трактовки (а она очень распространена в современной науке), человеческий язык (в этом случае его можно назвать СКЧ – система коммуникации человека) – просто высший этап эволюции СКЖ (систем коммуникации животных). Поборники таких взглядов именуются эволюционистами (или селекционистами).

2. Начну сразу с обширной цитаты. Но из кого?! Из самого Ноама Хомского! Так вот, бесспорный классик утверждает, что:

«...язык не считается системой коммуникации в собственном смысле слова. Это система для выражения мыслей, т.е. нечто совсем другое. Её, конечно же, можно использовать для коммуникации, как всё, что делают

люди, – манеру ходьбы либо стиль одежды или причёски, например. Но коммуникация ни в каком подходящем смысле этого термина не является главной функцией языка и, возможно, даже не несёт в себе какой-то уникальной значимости для понимания его функций и природы».²²

И ещё одна цитата из классика (правда, уже в соавторстве с Робертом Бервиком и включающая цитату из Франсуа Жакоба):

«...“роль языка как системы коммуникации между индивидами может быть исторически вторичной... Тем качеством языка, которое делает его уникальным, кажется не столько его роль в передаче призывов к действию” или любое другое свойство, роднящее его с коммуникацией животных, сколько “его роль в символизации, в пробуждении когнитивных образов”, в оформлении нашего понятия о реальности, в обеспечении нашей способности мыслить и планировать благодаря тому, что язык допускает “бесчисленные комбинации символов” и тем самым позволяет “создавать возможные миры в уме”»²³ (разрядка моя. – Ю.В.).

Вот такая «многомерная» цитата: я цитирую Хомского, который (в соавторстве с Бервиком) цитирует Жакоба, который утверждает, что... (Уф! Прямо: “В доме, который построил Джек”). Так что же утверждает Ф. Жакоб (и Н. Хомский, и Р. Бервик, и многочисленные их сторонники)? Вывод таков: коммуникация – не главное предназначение человеческого языка. И он – не высший этап эволюции СКЖ (а потому и не – СКЧ). Человеческий язык уникален. Он – продукт «перемаршрутизации» нейронных связей, вызванной незначительной мутацией в мозгу наших давних предков *homo sapiens*, произошедшей, может быть, 80, а может – 100–150 тыс. лет назад где-то на территории Северной Африки (со временем мутации всё неясно, но должна она была произойти до выхода *homo sapiens* из Африки). Последователей таких взглядов называют н а т и в и с т а м и (или с а л ь т а ц и о - н и с т а м и – от лат. *saltus* – скачок, прыжок).

И, наконец, «философское» **NB!**

Один из крупнейших философов XX в. Мартин Хайдеггер написал когда-то (цитирую по своей книжке): «**Язык есть дом бытия**, ибо в качестве сказа он способ события, его мелодия» (с. 28; выделено мной. – Ю.В.).

А наш соотечественник, мой учитель и старший друг академик Ю.С. Степанов (увы, увы, из жизни уже ушедший), отмечая предельную «онтологизированность» концепта языка у Хайдеггера, дал своё определение языка как «дома бытия духа» и как «пространства мысли» (с. 32; разрядка моя. – Ю.В.).

Как Вы, конечно же (а как же иначе-то может быть?!), уже уловили, уважаемый Читатель, и «предельно онтологизированный» «Дом бытия» (напишем так – с большой буквы, как и сам философ делал) Хайдеггера, и менее онтологизированный «дом бытия духа» Степанова вполне, так сказать,

«стыкуются» с «возможными мирами в уме» Жакоба, Хомского, Бервика и их последователей.

«А что же автор? – может строго спросить Читатель. – Он-то с кем согласен: с эволюционистами или нативистами, с Дэниэлем Эвереттом или с Ноамом Хомским?» А я отвечу (ну прям как булгаковский Шариков из «Собачьего сердца»): «Да не согласен я. С обоими». И добавлю: «Взять всё, да и поделить...» И Читатель, негодуя на автора, воскликнет (вслед за Филиппом Филипповичем): «Так я и думал, именно так и полагал». И может, даже «шлёпнув ладонью по скатерти» (ну, как Филипп Филиппович сделал). Но не торопитесь негодовать... Я-то как раз полагаю, что правы и Эверетт, и Хомский, «оба правы». И вот почему. Мне представляется, что у homo sapiens, как и у всех его предшественников из рода homo, да и как у приматов до homo, шло постоянное развитие системы коммуникации. И в результате возникла СКЧ как продукт эволюции СКЖ.

А вот язык как способность «создавать возможные миры в уме» – это продукт «перемаршрутизации» нейронных связей в мозгу homo sapiens в результате мутации. И уже отсюда – и язык как «Дом бытия», и язык как «дом бытия духа».

Так что по отношению к СКЧ я – последовательный эволюционист-лекционист, а по отношению к «Дому бытия» – убеждённый нативист-сальтационист. Двурешник то есть.

Конечно, СКЧ и «Дом бытия» никакими непреодолимыми преградами не разделены. Но называются они всё же по-разному (и по-разному у разных исследователей). Несколько упрощённо можно это разделение охарактеризовать как «внешний язык» и «внутренний язык». И я согласен с теми, кто полагает, что СКЧ – это «конкретное использование внешних языков». Но согласен я и с теми, кто полагает, что «внутренний язык» дан нам только в виде «экстернализации» («перевода» в виде материальных знаков) его во «внешний язык». С Д. Эвереттом согласен, который афористично заявил: **«Внешние языки – врата внутренних языков»**²⁴ (выделено мной. – Ю.В.).

И давайте теперь вернёмся к **языковому стилю эпохи**: принадлежностью чего он является – «внешнего языка» (СКЧ т.е.) или «внутреннего языка» («Дома бытия» т.е.)? Ответ будет предельно краток.

Языковой стиль эпохи **двухмерен**.

На уровне (в измерении) «внешнего языка» (СКЧ) он проявляется через отбор, комбинацию и трансформацию языковых средств (например, разных *как бы*, да-фатических и даже такой «дряни», как физиологические «звуко-паразиты»).

На уровне (в измерении) «внутреннего языка» («Дома бытия») он проявляется, вернее, **через него, сквозь него, им** проявляется общий «стиль мышления, миропонимания» эпохи (например, постмодернистская неопределённость, «кажимость», «новая искренность» и т.д.). «Я так думаю!» Нет?..

«ФИЛОСОФСКИЙ» ЭПИЛОГ

Эпилог у автора получился, и в самом деле, не философский, а «философский» (*ах*-философский или *ну*-философский). Что же тут поделаешь. Что вышло, то вышло...

На протяжении всей книги автор критикует современные российские «говорящие» СМИ (а кто-то скажет: «злопыхательствует в их адрес»). Но, может быть, пришла пора (хотя бы в «Эпилоге») и что-то положительное о них сказать? Есть ли в тех процессах, которые произошли (и продолжают происходить) в современном русском языке, а точнее, в разговорном русском языке в последнее время, некие плюсы? Конечно, есть.

Все эти «звукопаразиты» и прочая «дрянь» (извините) – следствие экспансии в публичную речь «разговорности». «Говорящие головы» советских времён сменились на экранах и на трибунах (Думы, например) живыми людьми с «лица необщим выраженьем» (один Жириновский чего стоит!). И это, конечно, свидетельство «демократизации» современного способа «оперирования» с языком или, как говорят специалисты, коммуникативных стратегий. И это – безоговорочный (и огромный, жирный такой) **ПЛЮС**.

Но! Использование новых коммуникативных стратегий в целях, например, деления «слушающих» на «своих» и «чужих» (вспомним *да*-фатическое) – плюс ли это?

Но! Формирование общей атмосферы небрежности, даже неряшливости публичной речи (все «звукопаразиты», включая даже «невинные» глубокие вдохи, не говоря уже о «противных» взвизгах) – это плюс ли?

Но! «Интимная публичность», переходящая в «эдиктиную новую искренность» по принципу «Заголяйся, как Кац!» – что, плюс это?

Но! Пусть ставший аполитичным, как «новая искренность», зато охвативший все слои «говорящих» и сохранивший «безбрежный» цинизм стёб – это что, плюс?

Что: «Не могут коммуникативные стратегии современных “говорящих” СМИ без всего “этого” быть успешными» – скажет кто-то? Да ладно! Могут, могут! Напомню, что классика современной тележурналистики – те самые «пятнадцать серебряных пуль» С.Л. Доренко – начисто лишены каких-либо *как бы* «кажимости», *да*-фатического и «звукопаразитов». Отмечу, что нет в них и скатологической лексики, связанной с темой испражнений, их продуктов и тем местом, откуда они «являются». Этой «тройкой нечистых» (впрочем, Госкомнадзором не запрещённых) на «Говорит Москва» Доренко очень грешил.

Ну что тут скажешь? Ведь и моя незабвенная Наталия Юльевна Шведова в издание однотомного «Толкового словаря русского языка» 1992 года (М.: Азъ LTD; на нём, кстати, впервые рядом с фамилией С.И. Ожегова появилась и её фамилия – и совершенно **правильно** появилась) поместила и это самое слово (ну, откуда ноги растут), и пару уменьшительно-ласкательных от него. И «продукт жизнедеятельности» этого места здесь найдем. (А вот «процесса его производства» – нет, нету). Правда, произошло это не без

давления со стороны издателя, о чём я хорошо знаю. Однако ведь и в последующие издания этого словаря Наталия Юльевна эту «пару нечистых» включала, и в последнем её однотомнике (с включением сведений о происхождении слов) она есть. Но это – уже совсем другая тема.

А сейчас – на примере классики С.Л. Доренко – не без удовлетворения констатирую: ведь можем обходиться без всего «такого», если хотим (и умеем, конечно).

Вот какой стиль сформировался в наших «говорящих» СМИ: «демократичный», конечно, но во многих своих проявлениях – «неполиткорректный», неряшливый, зачастую циничный, а временами – субкультурный или даже контркультурный. Непростой, очень мягко говоря, стиль.

Недавно на телеканале «Культура» прошла передача, посвященная съемкам антиутопии Георгия Данелии «Кин-дза-дза!», о которой, уважаемый Читатель, мы с вами много говорили. И вот что сказал в ней Леван Габриадзе, исполнивший, как Вы помните, в фильме роль «скрипача»:

(1) Слова умирают. Они уходят... И вот мы живём при сегодняшних словах. И нам хватает... междометий («Культура». 20.09.2019).

Ну как не согласиться с сыном одного из «изобретателей» словечка ку Реваза Габриадзе. Только уточним: да, нам уже **почти** хватает *да*-фатического и «междометных» физиологических «звукопаразитов». Что, неужели и правда скоро **полностью** будет хватать?..

Не скажу, что «Эхо Москвы» и «Говорит Москва» этот стиль непростой, а порой... ну, убогий, что ли, «злоумышленно» насаждают. Но то, что они, гордо подняв все паруса, победно несутся, так сказать, «по ветру» (то есть: «в направлении движения воздуха», у нас – в «мейнстриме») этого стиля – да, утверждать берусь.

И последнее, если угодно, «философское» (пусть даже *ах*-философское или *ну*-философское), но жирное **НО!**

А что же тот бэкграунд, та основа, по которой и пишется красочное плотно (иногда даже в «батальном» жанре) жизни «языкового стиля эпохи» – что же постмодернизм (пусть даже в виде метамодернизма или постконцептуализма) со всеми его составляющими («панзнаковость», а следовательно – зыбкая «кажимость», а следовательно – «обезбоживание» во всех его проявлениях, и т.д., и т.п.) – где здесь – в новые-то времена! – хоть какой-нибудь метафизический плюс?

Добавлю: а в тех, так сказать, мазках «новой (эдичкиной) искренности», которые «эпоха» неряшливо разбрасывает по этому полотну – тут-то есть некий (пусть *ай-ну*-философский) плюс?

Такая вот «загогулина», па-а-анимаешь. Такой вот «языковой стиль эпохи».

Д.С. Лихачёв, продолжая, развивая и углубляя идеи немецких учёных Г. Вёльфлина (1864-1945) и Э.Р. Курциуса (1886-1956), а также россиянина (правда, эмигрировавшего после революции в Германию) Д.И. Чижевско-

го (1894–1977) (не путать с основоположником «космической биологии» А.Л. Чижевским!), разработал такую вот концепцию стилей эпохи. (И с концепцией этой я познакомился ещё в далёком 1973 году, учась на филфаке МГУ, сразу был этой концепцией впечатлён и ею проникся – и придерживаюсь её вот уже скоро как полвека.)¹

Стили делятся на «первичные» и «вторичные». Например: ренессанс – «первичный» стиль, барокко – стиль «вторичный»; классицизм – «первичный» стиль, романтизм – стиль «вторичный»; реализм – «первичный» стиль, модернизм – стиль «вторичный».

«Первичные» стили характеризует сравнительная простота и жизнеподобие, «вторичные» – декоративность и формализованность. Г. Вёльфлин, говоря об основных понятиях истории искусства, выделял среди них также «ясность – неясность» (безусловную ясность и условную ясность). «Ясность» характеризует «первичные» стили, «неясность» – стили «вторичные». Обобщая, можно сказать, что «первичные» стили по преимуществу конструктивны, т.е. «созидательны», «вторичные» – в значительной степени деконструктивны, т.е. «разрушительны».

Философски осмысливая смену стилей, наш современник (и соотечественник, но тоже – эмигрант) И.П. Смирнов написал на рубеже веков: «Процесс диахронических трансформаций протекает, по предположению, так, что **два фундаментальных, инвариантных типа сознания, один из которых отождествляет знаки с референтами, а другой – референты со знаками**, поочередно проявляются в варьирующихся диахронических системах» (выделено мной. – Ю.В.).² Первый тип – это стили «первичные» (классицизм, например). Второй тип – это стили «вторичные» (барокко, например).

Так вот, в соответствии со сменами «фундаментальных типов сознания», и происходит «поочерёдная» смена стилей. И смену эту можно назвать (почти не метафорично) – **качелями**. Интересно, конечно, было бы порассуждать, а каков был тот, самый первый самой первой в истории человечества культуры «стиль эпохи» – «первичный» или «вторичный»? И не торопитесь, Читатель, с самоочевидным, казалось бы, выводом: «Ну элементарно, Ватсон! **Первый**, конечно, – “**первичный**”!». Ведь в основе стилей – тип сознания, отождествляющий или знак с референтом, или референт со знаком. И вот что с чем наши дальние предки, у которых впервые появились референциальные знаки в прямом смысле этого термина, то есть знаки-символы, отождествляли, что у них было, так сказать, курицей, а что яйцом – это большой-большой вопрос. Но – совсем особый вопрос. И здесь не место даже пытаться дать на него ответ. (А вот в следующей своей книжке – «О происхождении языка» – попытаюсь-таки. Ждите, Читатель!).

«Качели стилей» можно, конечно, трактовать в духе гегелевской спирали развития, ведущей к новому синтезу, к очередному торжеству абсолютного духа, то есть абсолютной идеи, сознающей себя в искусстве, религии, философии.

Посмодернизм – это типичный «вторичный», даже «поствторичный» стиль: апофеоз (точнее – «провал») «вторичного» модернизма, его низшая точка. И мы в эпоху господства этого стиля живём.

«Новая искренность» никакой альтернативой ему не стала, представ в облике «эдичкиной», циничной, деструктивной, всё равно постмодернистской «искренности».

Но очевидно, что какой-то «первичный» стиль на смену «вторичному» постмодернизму грядёт. Каков он будет? Что там, на развалинах постмодернизма и «примкнувшей» к нему «новой искренности», произрастёт? Что там «воссияет»?

Бог (Абсолютный Дух!) ведаёт.

А можно трактовать эти «качели» и в ином ключе, так, например, как в известном стихотворении Фёдора Сологуба «Чёртовы качели». Написал поэт ещё в 1907 г. (в год окончания первой русской революции!):

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает чёрт качели
Мохнатою рукой.

.....

Снуёт с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И чёрт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Больше века прошло. А «качели стилей» (да что там стилей – жизни нашей качели!) всё летят с «протяжным скрипом». И чёрт всё «хохочет с хрипом». И чем этот полёт завершится? Неужели, как у Сологуба:

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах!
Качай же, чёрт, качели,
Всё выше, выше... ах!

Не приведи Господь...

P.S.

Мы живём в поле языкового стиля нашей эпохи, движемся по силовым линиям этого поля, совсем его не замечая, как не замечаем гравитационного поля, нас пронизывающего, как европейские мужчины не замечают, надевая утром брюки, что они следуют какому-то стилю, пусть даже эпохальному (а

ведь не всегда их носили, да и сегодня не везде мужчины их носят). И так продолжается, пока не наступает время рефлексии по этому поводу. Вспомним Ньютона: «Ах, яблоко мне на голову свалилось!.. Хм... А почему, собственно, всё падает на землю? Или на Землю? А падает ли куда-то сама Земля?» И вот – «закон всемирного тяготения». Так и у автора: «Что эти “паразиты” привязались? К чему бы? А что, если...» И нате вам – **«языковой стиль эпохи»**. Не слишком ли амбициозно? Хм.

Впрочем, автор совсем не слышит Читателя.

А потому (*пффф*) как бы на самом деле (*шмыг*) несколько (*мня-мня*) обеспокоен (*взвизг*), да?..

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

Маленькое предисловие

¹ Кронауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. Новое изд. М.: Издательство АСТ: CORPUS. 2017. С. 77.

Глава I: «Как бы на самом деле»

¹ **Диалог** – восходит к греч. dialogos <dia... ‘раз..., пере...’ + logos ‘слово’ (см.: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник». 2008. С. 197). Диалог, таким образом, это «пересловица» или (как и скалькировал русский язык) «разговор».

² Кронгауз М.А. Указ. соч. С. 77.

³ Левонтина И.Б. Русский со словарем. М.: Издательство АСТ: CORPUS. 2017. С. 350.

⁴ Выбираю именно такое написание этого слова: без кавычек и со строчной (то есть маленькой) буквы. Потому что согласен с М.А. Кронгаузом: «Да, сегодня интернет – это совершенно бытовое явление, похожее скорее не на *телефон* (поскольку *телефон* все-таки предмет), а на *телевидение*, *радио*, если хотите – просто *связь*. И все эти слова мы пишем со строчной буквы» (Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М., 2013. С. 241).

⁵ Кронауз М.А. Указ. соч. С. 77.

⁶ Там же.

⁷ Цитируется по: Нечаева Е.Ф. Что говорят о языковом сознании слова-паразиты (на материале русского и французского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 13.

⁸ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз., 2011. С. 552.

⁹ Русская грамматика. Репринтное издание. М., 2005. Т. I. С. 716.

¹⁰ Указ. соч. С. 730.

¹¹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник». С. 316. Толкования слов и фразеологизмов далее в книге даются по этому словарю без указания стр. (если иное не оговорено особо).

¹² Там же.

¹³ Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз. Т. II. 1982. С. 17.

¹⁴ Словарь языка Пушкина: в 4-х т. Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: «Азбуковник», 2000. Т. 2. С. 297.

¹⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. – М., 1881. Т. 2. С. 76.

¹⁶ См., например: Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997. С. 603.

¹⁷ *Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. С. 8.

¹⁸ Слово *дискурс* восходит к лат. *discursus*, имевшему девять значений: от 1) 'беготня туда и сюда, беготня в разные стороны' через 6) 'бестолковая беготня, суета' и 8) 'барахтанье' до 9) (последнее!) 'беседа, разговор' (см.: *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., 1976. С. 335). Французское слово *discours* произносится с ударением на втором слоге, а английское *discourse* – с ударением на первом. Но в английском дифтонг [ou] дал долгое [o:]. А долгие гласные «как бы» (вот и наш «паразит») пригодился) дают некоторое дополнительное ударение. И поэтому тоже автор выбирает – **диску́рс!**

¹⁹ См., например: **дискурс**: I В одном из пониманий – совокупность тематически, культурно или как-либо ещё взаимосвязанных текстов, допускающая развитие и дополнение другими текстами; II. Общение, рассматриваемое как реализация определённых дискурсивных практик; III. Вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни и единственным своим мотивом имеющий достижение взаимопонимания (Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Т. I. Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 1996. С. 179). См. также трактовку этого термина в разделе нашей книги «Слова и время» (М.: Наука. 2019), посвящённом стёбу.

²⁰ **Бритва Оккама** (иногда **лезвие Оккама**) – методологический принцип, получивший название от имени английского монаха-францисканца, философа-номиналиста Уильяма из Оккама (1285–1349). На латыни он гласит: «*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*» («Не следует множить сущности без необходимости»). Этот принцип формирует базис методологического *редукционизма*, называемый также *принципом бережливости* или *законом экономии*. Оккам этот принцип не открыл и сам писал несколько иначе: «*Pluralitas non est ponenda sine necessitate*» («Множество не следует утверждать без необходимости»). О *законе экономии* писал ещё Аристотель, полностью описал его Дунс Скотт, а «Бритвой Оккама» впервые назвал этот принцип в 1852 г. профессор логики и метафизики Эдинбургского университета Уильям Гамильтон. (Использованы материалы «Википедии»).

²¹ *Арютюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999. С. 837.

²² **Кроки** [фр. *croquis*] – 1) набросок, быстро сделанный рисунок; 2) в топографии – глазомерно составленный чертёж местности, отображающий объекты, важные для решения конкретной задачи; 3) чертёж машины или детали, выполненный с натуры карандашом от руки (См.: Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. М., 1987. С. 262).

²³ История ВКП(б): Краткий курс. М.: Огиз, 1938. С. 145.

²⁴ Голубев А.В. «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 299–300.

²⁵ См.: Дубровцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Полис. 2007, № 3. С. 8–23.

²⁶ Млечин Л.М. Осаждённая крепость. Нерасказанная история первой холодной войны. М., 2013.

²⁷ Левонтина И.Б. Русский со словарём. М., 2017. С. 350.

²⁸ Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 4-е изд. М., 2017. С. 77.

²⁹ История возникновения упячки излагается по: Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М., 2013. С. 33–37; Словарь языка интернета.ру. Под ред. М.А. Кронгауза. М., 2016. С. 261–263.

³⁰ МЕМ, интернет-мем: короткий фрагмент информации (слово или фраза, изображение и т.п.), мгновенно и неожиданно ставший модным и активно воспроизводящийся в интернете, в том числе в новых контекстах или ситуациях. (Словарь языка интернета.ру. Под ред. М.А. Кронгауза. М., 2016. С. 200).

³¹ Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М., 2013. С. 339.

³² Указ. соч. С. 301.

³³ Там же.

³⁴ См., например: Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. М., 1984. С. 26; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008. С. 189.

³⁵ См.: Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. М., 1984. С. 26.

³⁶ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М., 2001. С. 594.

³⁷ Указ. соч. С. 605.

³⁸ Русская грамматика. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Репринтное издание. М., 2005. Т. II. С. 214; С. 229.

³⁹ См.: Указ. соч. С. 595.

⁴⁰ См.: Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997. С. 595.

⁴¹ См.: Виноградов В.В. Указ. соч. С. 45.

⁴² Русская грамматика. М., 2005. Т. II. С. 228.

⁴³ См., например: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 189.

⁴⁴ Цитируется по: Нечаева Е.Ф. Что говорят о языковом сознании слова-паразиты (на материале русского и французского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 3.

Глава II: Да-фатическое

¹ См., например: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., Издательский центр «Азбуковник», 2008. С. 177.

² The Concise Oxford Dictionary of Current English. Fourth edition. Revised by E. McIntosh. Oxford (без года), p. 1493.

³ Мюллер В.К. Англо-русский словарь. 23-е изд., стер. М., 1990. С. 810.

⁴ Русская грамматика. Репринтное изд. Т. I. М., 2005. С. 721–731. Далее в тексте цитируется без указания стр.

⁵ Степанов Ю.С. Язык и метод. М., 1998. С. 433.

⁶ Русская грамматика. Репринтное изд. Т. II. М., 2005. С. 214. Далее в тексте цитируется без указания стр.

⁷ Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2017. С. 74–75.

⁸ Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика. Пер. с английского И.А. Мельчука // Структурализм: «За» и «Против». Сборник статей. М., «Прогресс», 1975. С. 193–229.

Глава III: Физиологические «звукопаразиты»

¹ Вот, например, герой повести Н.В. Гоголя «Нос» майор Ковалёв глядит-ся на себя в зеркало: «Чёрт знает что, какая дрянь!» произнёс он, плюнувши... «Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!..»

² Эверетт Д. Как начинался язык: История величайшего изобретения. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 15.

³ Цитируется по: Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз. 2001. С. 452.

⁴ Там же. С. 453.

⁵ Там же. С. 622.

⁶ Русская грамматика. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Репринтное изд. Т. I. М.: 2005. С. 735.

⁷ Краткая русская грамматика. Под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. М.: Рус. яз. 1989. С. 341.

⁸ Русская грамматика. Т. I. М.: 2005. С. 732.

⁹ Современный русский язык. В.А. Белошапкова. Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др. Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М.: «Азбуковник», 1997. С. 604–605.

¹⁰ Указ. соч. С. 605.

¹¹ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз. 2001. С. 452.

¹² Там же.

¹³ **Мамский язык** – это язык (жаргон, конечно), на котором пишут на форумах рожениц и молодых матерей, «человеческих самочек». Характеризуется обилием уменьшительно-ласкательных суффиксов, эвфемизацией (заменой) и табуированием отдельных слов и понятий, «сюсюканьем» и избыточной сентиментальностью. Характерные слова: *запузячивание, беременюшечки, пузожитель, сисечник-годовасик, шилопоп, какулечки* и др. (См.: *Кронгауз М.А.* Самоучитель олбанского. М., 2013. С. 348–353).

¹⁴ *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону. 2010. С. 67.

¹⁵ С основополагающим трудом Морриса можно ознакомиться в: *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков (1938) // Семиотика. Антология. Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. – Екатеринбург, 2001. С. 45–97.

¹⁶ Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия. 1990. С. 167.

¹⁷ Указ. соч. С. 343.

¹⁸ См., напр.: *Соломоник А.Б.* Очерк общей семиотики. М.: URSS, 2009.

¹⁹ *Эверетт Д.* Как начинался язык: История величайшего изобретения. Пер. с англ. М.: Альпина оно-фикшн, 2019. С. 134.

²⁰ Указ. соч. С. 125.

²¹ Указ. соч. С. 124.

²² *Бурлак С.* Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 300.

²³ Указ. соч. С. 305.

²⁴ *Кронгауз М.А.* Самоучитель олбанского. М.: АСТ: CORPUS, 2013. С. 371–385.

Глава IV: Языковой стиль эпохи

¹ Об этом см., например: *Тронский И.М.* История античной литературы. М., 2018.

² *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., 1976. С. 725.

³ *Головня В.В.* История античного театра. М., 1972. С. 295. С. 308.

⁴ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008. С. 612.

⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. Спб.–М., 1882. С. 17.

⁶ Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. М., 1987. С. 361.

⁷ *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. 4-е изд. М., 2017. С. 73–74.

⁸ См.: *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.

⁹ Использованы материалы «Википедии».

¹⁰ *Чуковский К.И.* Живой как жизнь (О русском языке). Изд. 2-е, переработанное. М., 1963. С. 118.

¹¹ Об этом см.: *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.

¹² *Левонтина И.Б.* Русский со словарём. М., 2016. С. 350.

¹³ *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. 4-е изд. М., 2017. С. 77.

¹⁴ *Левонтина И.Б.* Указ. соч. С. 350.

¹⁵ *Кронгауз М.А.* Типа на фиг. О словах-паразитах. polonsil.ru.

¹⁶ См.: *Нечаева Е.Ф.* Что говорят о языковом сознании слова-паразиты (на материале русского и французского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1.

¹⁷ Kaiser, Wolfgang. Der Groteske in Malerei und Dikhtung. 1957. [S.1] P. 57, 136, 137.

¹⁸ *Кронгауз М.А.* Самоучитель олбанского, М., 2013. С. 35–36.

¹⁹ **Скатологический** (от гр. [skor (skatos) кал + logikos словесный]) – грубо непристойный; **скатологический юмор** («сортирный юмор», «юмор ниже пояса») – разновидность юмора, темой шуток в котором являются физиологические процессы (дефекация, мочеиспускание, выпускание газов, рвота и отрыжка).

²⁰ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

²¹ *Эверетт Д.* Как начинался язык. М., 2019. С. 111.

²² *Хомский Н.* О природе и языке. Пер. с англ. Изд. стереотип. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. С. 111.

²³ *Хомский Ноам, Бервик Роберт.* Человек говорящий. Эволюция и язык. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2018. С. 126.

²⁴ *Эверетт Д.* Как начинался язык. М., 2019. С. 114.

«Философский» эпилог

¹ *Лихачёв Д.С.* Развитие русской литературы X-XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973.

² *Смирнов И.П.* Мегаистория: К исторической типологии культуры. М.: Аграф, 2000. С. 20.

Монография

Ю.Л. Воротников

**«Как бы на самом деле, да?»
или
«О чём говорят паразиты?»**

Подписано в печать ?? . 09 . 2019

Формат 60х84 1/8

Гарнитура Times

Усл.-п. л. 16,04. Уч.-изд. л. 8,7

Тираж 50 экз.

Издатель – Российская академия наук

Верстка и печать – УНИД РАН

Отпечатано в экспериментальной цифровой типографии РАН

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН)
и распространяется бесплатно